

ПРОБЛЕМЫ ПРАВА И ЭКОНОМИКИ PROBLEMS OF LAW AND ECONOMICS

Выпуск 14, №1, март, 2022

Международный научный журнал

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор юридических наук,
профессор
Жалыбин С.М.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор технических наук,
профессор
Баймухамедов М.Ф.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.т.н. Боранбаев С.Н.
д.э.н. Жуманова Б.К.
д.э.н. Сатова Р.К.
д.э.н. Каренов Р.С.
д.э.н. Мишулина О.В.
к.э.н. Баймухамедова Г.С.
к.ю.н. Бекмагамбетов А.Б.
PhD Даукетова Ж.Б.
(Казахстан)

д.э.н. Капустина Л.М.
д.ю.н. Воронин Б.А.
д.ю.н. Митин А.Н.
д.ю.н. Бублик В.А.
д.п.н. Чумаченко Т.А.
(Россия)

д.ф.н. Ян Кампбелл
(Чехия)

ДИЗАЙН И ВЕРСТКА

ИП «Волков С.И.»

КОРРЕКТОР

Фендюра А.Д.

За достоверность материалов
ответственность несут авторы.
Редакция оставляет за собой
право на отклонение материалов.

При использовании материал-
лов журнала, ссылка на журнал
обязательна.

Издание зарегистрировано
Министерством культуры и ин-
формации РК.

Свидетельство о постановке
на учет № 10837-Ж от
16.03.2010 г.

Подписной индекс: 74369

Адрес редакции: 110010,
г. Костанай, проспект
Қобыланды батыр, 27,
каб. 313.

Тел: +7 (7142) 55-46-44,
Internet: www.ple.kz

Подписано в печать 25.3.2022

Формат 60x88 1/16. Усл. печ.

л.4.5 Печать офсетная.

Тираж 500 экз.

Отпечатано:

ИП «Волков С.И.»

г. Костанай, 8 мкр. Д.15

тел./факс: +7(7142) 22-38-79

МАЗМҰНЫ - СОДЕРЖАНИЕ - CONTENTS

ЭКОНОМИКА – ECONOMICS

- Белоусова Д., Лучанинова А.А.**
Халықтың өмір сүру сапасының көрсеткіштері мен индикаторлары
Показатели и индикаторы качества жизни населения
Indicators and indicators of the quality of life of the population **3**
- Бутко В.Н., Бутко Д.Д.**
Қазіргі экономиканың мәдениетке әсері
Влияние современной экономики на культуру
The impact of the modern economy on culture **7**
- Дюсембеков Р., Рамазанова Г.**
Қазақстан Республикасының кәсіпорындарында қаржылық жоспарлау
және болжау әдістерін талдау
Анализ методов финансового планирования и прогнозирования на
предприятиях в Республике Казахстан
Analysis of methods of financial planning and forecasting at enterprises in the
Republic of Kazakhstan **15**

БАСҚАРУ - УПРАВЛЕНИЕ - MANAGEMENT

- Баймухамедова А.М., Баймухамедова Г.С., Баймухамедов М.Ф.,
Александрова М.Л.**
Деректер орталығының ақпараттық қауіпсіздігі және физикалық қорғалуы
Информационная безопасность и физическая защита центра обработки
данных
Information security and physical protection of data center **20**
- Баймухамедова А.М., Баймухамедова Г.С., Баймухамедов М.Ф.,
Мустафина А.С.**
Байланыс желілері ұсынатын ақпараттық қызметтерді дамыту
Развитие информационных услуг, предоставляемых сетями связи
The development of information services provided by the networks **24**

ҚАРЖЫ - ФИНАНСЫ - FINANCE

- Әжібаева Г.М.**
2021-2022 жылдардың Қазақстан Республикасының бюджет саясатының
жағдайы
Состояние бюджетной политики Республики Казахстан на 2021-2022 годы
State of the budget policy of the Republic of Kazakhstan for 2021-2022 **30**

ИННОВАЦИЯЛАР - ИННОВАЦИИ - INNOVATIONS

- Баймухамедова А.М., Баймухамедова Г.С., Александрова М.Л.**
Қызмет көрсету саласындағы робототехника
Робототехника в сфере услуг
Robotics in the service industry **35**

Баймухамедов М.Ф., Еслямов С.Г., Тажиева Ш.Ж.

Білім берудегі цифрлық трансформация
Цифровая трансформация в образовании
Digital transformation in education

38

ЗАҢАНУ - ЮРИСПРУДЕНЦИЯ - JURISPRUDENCE

Богданов А.А.

Азаматтық қоғамның мемлекеттік қызмет көрсетуді бақылауы туралы мәселеге
К вопросу о контроле гражданского общества за оказанием государственных услуг
On the issue of civil society control over the provision of public services

40

Мендыбаева Д.Т.

Сотталғандарды еңбекке ақы төлемей жұмысқа тартудың кейбір ерекшеліктері
Некоторые особенности привлечения к работам осужденных без оплаты труда
Some peculiarities of involving convicted to work without remuneration

44

ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ – УГОЛОВНОЕ ПРАВО - CRIMINAL LAW

Мизанбаев А.Е.

Қылмыстық заңсыздық кінәні дәлелдеу және субъективті айыптау контекстіндегі
қылмыстың әлеуметтік белгісі ретінде
Уголовная противоправность как социальный признак преступления в контексте
доказывания вины и субъективного вменения
Criminal wrongness as a social symptom of a crime in the context of proving guilt and sub-
jective mind

50

Химич В.М.

Қылмыстық заң және әлеуметтік жауапкершілік пен қылмысқа кінәлілік диалектикасы
Уголовный закон и диалектика социальной ответственности и виновности в
преступлении
Criminal law and dialectics of social responsibility and guilt in crime

60

УДК 330.567.2/4

**ПОКАЗАТЕЛИ И ИНДИКАТОРЫ
КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ**

*Д. Белоусова¹, А.А. Лучанинова²,
магистрант¹,
кандидат экономических наук, профессор²,
Костанайский инженерно-экономический
университет им. М. Дулатова
(Казахстан)*

*Положительные рецензии даны
д.э.н. Жиентаевым С.М.
и к.э.н. Дорожко Т.П.*

В статье подчеркивается, что в настоящее время проблема увеличения уровня жизни населения является самой важной в развитии социальной стабильности государства. Утверждается, что все качественные показатели уровня жизни населения должны рассчитываться в соответствии с известными мировыми методиками. Отмечается, что государство намерено поступательно проводить все необходимые меры для решения всех проблем, которые препятствуют росту уровня жизни населения в нашей стране. Делается вывод, о необходимости преодоления социального неравенства и снижению уровня бедности. Обосновывается мысль о том, что формирующаяся в Казахстане практика расчета уровня жизни населения, требует значительной конкретизации по всем параметрам.

Ключевые слова: *уровень жизни, качество жизни, потребительская корзина, демография, индикаторы, СНС-система национальных счетов.*

Качество жизни населения является наиболее важной социальной категорией, которая характеризует структуру потребностей человека и возможности их удовлетворения.

Качество жизни населения – это комплексная характеристика уровня и условий жизнедеятельности людей, отражающая возможности и степень удовлетворения ими материальных, духовных и социальных потребностей и субъективное восприятие жизни и ее уровень потребления товаров и услуг;

Качество жизни населения характеризует:[1]

◆ рождаемость, смертность, ожидаемую продолжительность жизни;

- ◆ уровень заболеваемости;
 - ◆ условия и охрану труда;
 - ◆ доступность информации;
 - ◆ обеспечение прав человека, безопасность, политические свободы;
 - ◆ степень социальной защищенности;
 - ◆ финансовое и материальное благосостояние, дифференциацию по уровню доходов;
 - ◆ уровень занятости и качество трудовой жизни;
 - ◆ количество свободного времени, возможности проведения досуга и отдыха;
 - ◆ уровень преступности в обществе;
 - ◆ состояние экологической обстановки;
 - ◆ качественные характеристики питания, одежды;
 - ◆ комфортность среды обитания, жилища;
 - ◆ услуги здравоохранения и образования;
 - ◆ удовлетворение информационных и культурно-духовных запросов;
 - ◆ морально-психологический климат в семье, коллективе, обществе отдельных аспектов.
- Основными показателями качества жизни являются:
- ◆ доходы населения (среднедушевые номинальные и реальные доходы, показатели дифференциации доходов, номинальная и реальная начисленная средняя заработная плата, средний и реальный размер назначенной пенсии, величина прожиточного минимума и доля населения с доходами ниже прожиточного уровня, минимальные размеры заработной платы и пенсии и пр.);
 - ◆ качество питания (калорийность, состав продуктов);
 - ◆ качество и модность одежды;
 - ◆ комфорт жилища (общая площадь занимаемого жилья на одного жителя);
 - ◆ качество здравоохранения (число больничных коек на 1000 жителей);
 - ◆ качество социальных услуг (отдых и сфера услуг);
 - ◆ качество оборудования (число вузов и средних специальных учебных заведений, удельная доля студентов в численности населения);
 - ◆ качество культуры (издание книг, брошюр, журналов);

- ◆ качество сферы обслуживания; разводимости);
- ◆ качество окружающей среды, ◆ безопасность (число зарегистрированных преступлений); структура досуга;
- ◆ демографические тенденции (показатели ожидаемой продолжительности жизни, рождаемости, смертности, брачности, Отдельные показатели и индикаторы жизни населения представлены в таблице 1.

Таблица 1-Показатели и индикаторы жизни населения

Показатель	Индикатор
1. Доходы населения	<ul style="list-style-type: none"> ◆ расходы на конечное потребление; ◆ среднедушевой денежный доход; ◆ доходы от трудовой и экономической деятельности домашних хозяйств; ◆ доля вкладов в расходах населения; ◆ покупка валюты; ◆ приобретение ценных бумаг; ◆ недвижимость; ◆ земля в личном пользовании; ◆ наличие легковых автомобилей на 100 семей; ◆ располагаемые ресурсы домашних хозяйств; ◆ минимальный размер оплаты труда; ◆ минимальный размер пенсии; ◆ минимальный потребительский бюджет; ◆ децильный коэффициент дифференциации; ◆ коэффициент фондов; ◆ коэффициент концентрации доходов (коэффициент Джини); ◆ соотношение расходов на питание для различных групп населения.
2. Стоимость жизни	<ul style="list-style-type: none"> ◆ индексы цен на потребительские товары; ◆ стоимость всех видов услуг, включая бытовые, ЖКХ и услуги отраслей социальной сферы; ◆ прожиточный минимум.
3. Потребление населения	<ul style="list-style-type: none"> ◆ расходы и сбережения; ◆ потребление основных продуктов питания; ◆ энергетическая и пищевая ценность продуктов
4. Основные интегральные показатели жизни населения	<ul style="list-style-type: none"> ◆ соотношение доходов и расходов; ◆ соотношение среднедушевого дохода и прожиточного минимума; ◆ величина условно-свободной части располагаемого дохода; ◆ уровень бедности: черта бедности; ◆ численность населения с доходами ниже прожиточного минимума.
5. Обеспечение и охват населения объектами инфраструктуры и техническими средствами отраслевой социальной сферы	<ul style="list-style-type: none"> ◆ численность предприятий бытовых услуг; ◆ численность учебных заведений; ◆ численность учащихся; ◆ численность медицинского персонала; ◆ численность учреждений культуры и организации отдыха.

<p>6. Демографические параметры</p>	<ul style="list-style-type: none"> ◆ численность постоянного населения; ◆ половозрастной состав населения; ◆ общий коэффициент рождаемости; ◆ ожидаемая продолжительность жизни при рождении; ◆ общий коэффициент смертности; ◆ коэффициент брачности; ◆ число домашних хозяйств.
-------------------------------------	--

На рисунке 1 изображены индикаторы, которые влияют на качество жизни человека.

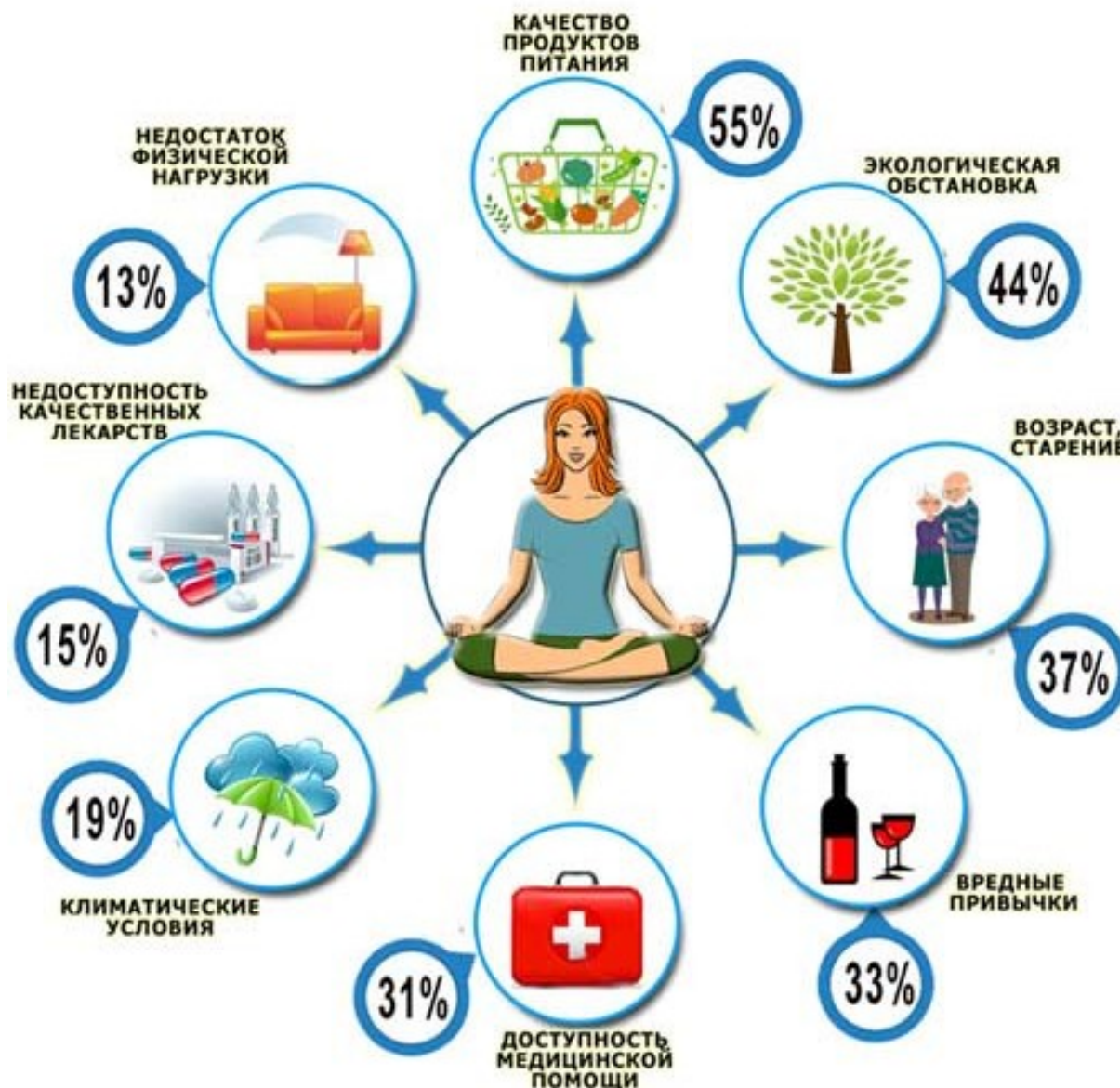

Рисунок 1 - индикаторы, которые влияют на качество жизни человека.

Характеристика качества жизни в населения от психоактивных веществ; Республике Казахстан

- ◆ невысокая доступность жилья, устаревший жилищный фонд;
- ◆ низкая в сравнении с развитыми странами продолжительность жизни (71,1 года в Казахстане, свыше 85 лет в Японии);
- ◆ высокая смертность трудоспособного населения;
- ◆ зависимость большей части и телекоммуникационной инфраструктуры;
- ◆ неудовлетворительный уровень системы здравоохранения;
- ◆ средний уровень развития социально-бытовой, дорожно-транспортной, инженерной и телекоммуникационной инфраструктуры;

ограниченные возможности образовательного, профессионального и личностного развития.

В рамках данного направления в ближайшие два десятилетия в Республике Казахстан государство намерено обеспечить доступность услуг образования и здравоохранения требуемого качества, необходимый уровень обеспеченности жильем, доступ к культурным благам, условия, позволяющие гражданам систематически заниматься физической культурой и спортом. [2]

Будет проводиться социальная политика по поддержке уязвимых слоев населения и реализованы мероприятия, направленные на интеграцию мигрантов.

Также власти планируют обеспечить высокие стандарты личной и экологической безопасности, повысить качество и результативность противодействия преступности в сфере незаконного оборота наркотиков.

Уровень и качество жизни взаимосвязаны, но их характеризуют разные индикаторы. Качество жизни – обобщающая социально-экономическая категория включает в себя не только уровень потребления материальных благ и услуг (уровень жизни), но и удовлетворение духовных потребностей, здоровье, продолжительность жизни, условия окружающей среды, морально-психологический климат, душевный комфорт.

Показатели уровня жизни отражают не только общее социально-экономическое благосостояние населения и степень дифференциации общества, но и эффективность государственной политики в области экономического развития.

Понятие «качество жизни» является комплексной производной от статистических, социологических, экономико-математических факторов, определяющих положение человека в обществе.

Наиболее общим индикатором качества жизни и уровня развития стран мира является индекс развития человеческого потенциала, который зависит от трех показателей: продолжительность жизни, уровень образования и ВВП на душу населения.

Задачи статистики уровня жизни населения

Основными задачами статистики уровня жизни населения являются:

♦ изучение фактического благосостояния населения;

♦ факторы определяющих условия жизнедеятельности граждан страны в

соответствии с экономическим ростом;

♦ измерение степени удовлетворения потребностей в материальных благах и услугах во взаимосвязи с социальными условиями и развитием производства.

Особо следует выделить задачу изучения закономерностей формирования и регионально-динамических тенденций уровня жизни населения страны в целом, а также в разрезе отдельных социально-демографических групп населения и типов домашних хозяйств.

Базой для построения системы показателей и решения указанных задач являются материалы макроэкономической статистики, демографической статистики, статистики труда, торговой статистики, статистики цен. Значительный объем собираемых сведений основывается на данных финансовой и бухгалтерской отчетности, государственной налоговой службы, Национального банка РК, ЕНПФ и др., а также на материалах специальных обследований, переписей, опросов.

Основными источниками информации являются баланс денежных доходов и расходов населения и выборочные обследования домашних хозяйств.

Баланс денежных доходов и расходов населения строится на государственном и региональном уровнях и является базой для построения макроэкономических показателей. Он отражает объем и структуру денежных средств населения, принимающих форму доходов, расходов и накоплений. Доходы населения группируются в балансе по источникам получения средств и направлениям их расходования.

Одним из видов государственного статистического наблюдения за уровнем жизни населения являются выборочные обследования бюджетов домашних хозяйств. Эти обследования позволяют получить данные для счетов сектора «Домашние хозяйства» в СНС, распределение доходов различных групп и слоев населения, а также выявить зависимость уровня материального благосостояния домохозяйства от его размера и состава семьи, источника дохода, занятости членов семьи в различных секторах экономики.

В настоящее время в соответствии с переходом на международные стандарты согласно методологии СНС вводятся новые макроэкономические показатели уровня жизни. К ним относятся валовой располагаемый доход домашних хозяйств, валовой скорректированный располагаемый доход домашних хозяйств, расходы на конечное потребление домашних

хозяйств и фактическое конечное потребление домашних хозяйств.

Государством принимаются различные меры по повышению уровня и качества жизни населения, что дает определенные результаты в виде повышения благосостояния населения и снижения уровня бедности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экономика труда: Учебник / А.М. Асалиев, В.Б. Бычин, В.Н. Бобков; Под ред. А.М. Асалиева. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 336 с. – (Высшее образование: Бакалавриат).
2. Экономика труда: Учебное пособие / А.М. Асалиев, Г.Г. Вукович, Л.И. Сланченко. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 171 с. – (Высшее образование: Бакалавриат).
3. Экономика и социология труда: теория и практика: учебник для бакалавров / И.В. Кохова [и др.]; отв. ред. В.М. Маслова. М.: Издательство Юрайт, 2016. – 539 с. – (Бакалавр. Академический курс).

ХАЛЫҚТЫҢ ӨМІР СҮРУ САПАСЫНЫҢ КӨРСЕТКІШТЕРІ МЕН ИНДИКАТОРЛАРЫ

Мақалада қазіргі уақытта халықтың өмір сүру деңгейін арттыру мәселесі мемлекеттің әлеуметтік тұрақтылығын дамытуда маңызды болып табылатындығы баса айтылған. Халықтың өмір сүру деңгейінің барлық сапалық көрсеткіштері белгілі әлемдік әдістемелерге сәйкес есептелуі керек делінген. Мемлекет елімізде халықтың өмір сүру деңгейінің өсуіне кедергі келтіретін барлық проблемаларды шешу үшін барлық қажетті

шараларды жүйелі түрде жүргізуге ниетті екендігі атап өтілді. Әлеуметтік теңсіздікті жеңу және кедейлік деңгейін төмендету қажеттілігі туралы қорытынды жасалды. Қазақстанда қалыптасып жатқан халықтың өмір сүру деңгейін есептеу практикасы барлық параметрлер бойынша елеулі нақтылауды талап етеді деген ой негізделді.

Түйін сөздер: өмір сүру деңгейі, өмір сапасы, тұтыну қоржыны, демография, индикаторлар, ҰШЖ-Ұлттық шоттар жүйесі.

INDICATORS AND INDICATORS OF THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION

The article emphasizes that at present the problem of increasing the standard of living of the population is the most important in the development of social stability of the state. It is argued that all qualitative indicators of the standard of living of the population should be calculated in accordance with well-known world methods. It is noted that the state intends to progressively take all necessary measures to solve all the problems that hinder the growth of the standard of living of the population in our country. The conclusion is made about the need to overcome social inequality and reduce poverty. The idea is substantiated that the emerging practice of calculating the standard of living of the population in Kazakhstan requires significant specification in all parameters.

Keywords: standard of living, quality of life, consumer basket, demography, indicators, SNA-system of national accounts.

УДК 930.85

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ НА КУЛЬТУРУ

В.Н. Бутко¹, Д.Д. Бутко²,
кандидат технических наук, доцент,
Костанайский социально-технический
университет им. академика З. Алдамжар,
(Казахстан)¹,
студент, специальность
"Народная художественная культура",
Южно - Уральский гуманитарно -
педагогический университет
(Россия)²

Положительные рецензии даны
д.э.н. Мишулиной О.В.
и к.э.н. Кузьменко А.Т.

В настоящее время наблюдаются попытки применить экономическую теорию, рассчитанную на производство материальных благ, к решению экономических проблем современной культуры. Однако такой подход не может дать устойчивого ожидаемого результата или результат будет противоречить объективному предназначению культуры, поскольку значительная часть её продуктов относится к сфере нематериальных благ. А приемлемой экономической теории относи-

тельно производства нематериальных благ не создано до сих пор, хотя такая работа была начата А. К. Шторхом ещё в первой половине 19-го века.

Ключевые слова: рыночная экономика, доход, конкуренция, потребитель, предприниматель, деятельность, сфера, культура, эстетическая информация, «индустриализация» искусства, инструмент, политика, идеология, борьба, Аль-Фараби, А. К. Шторх, Д. Тросби, У. Баумоль, У. Боуэн, воспитание, функция, развитие.

Особенности современной экономики.

Современная мировая экономика имеет целый ряд особенностей, отличий от классического (по К. Марксу [1]) капитализма, обусловленных закатом капиталистической системы. Классическая рыночная экономика - это экономическая модель, основанная на свободе предпринимательской деятельности, праве частной собственности, рыночном построении цен путем нахождения пересечения кривых спроса и предложения [1]. Целью функционирования субъектов рыночной экономики является получение выгоды, при этом риски деятельности субъект несет и покрывает самостоятельно. Рынок предлагает множество вариантов продукции, работ и услуг для потребителя, который свободен в своем выборе. Для производителя модель рыночной экономики предлагает условия конкуренции с иными производителями аналогичной продукции. Издержки производства ложатся на самого производителя, но и цену производитель формирует в определенном смысле самостоятельно, с учётом соответствующих законов рынка. Полученные средства (доход) производитель также распределяет самостоятельно. В классической рыночной модели экономики роль государства как регулятора очень ограничена. Потребитель, как правило, имеет широкий выбор однородных товаров, услуг, работ у различных производителей и работодателей, поэтому между производителями и работодателями возникают отношения конкуренции. Это ключевой фактор при рыночной модели экономики, как и право собственности, гарантирующее свободу от вмешательства посторонних лиц. В целом, основополагающими характеристиками классического капитализма являются:

◆ **Право частной собственности** как гарантия невмешательства государства и иных лиц;

◆ **Право на осуществление предпринимательской деятельности** – оно есть у каждо-

го субъекта. Он может самостоятельно выбрать и заниматься каким-либо видом деятельности. При этом его издержки относятся ему на расходы и субъект самостоятельно распределяет полученный доход;

◆ **Выбор потребителя**, его спрос является решающим фактором для производства товара либо оказания услуги;

◆ **Цена формируется за счет нахождения точек пересечения кривых спроса и предложения на рынке. При рыночной экономике рынок регулирует себя самостоятельно;**

◆ При свободе выбора у покупателя и производителя возникают *отношения конкуренции, являющиеся отличительной чертой рыночной модели экономики;*

◆ **Государство не устанавливает цены на продукцию, услуги и не является главным регулятором при классической рыночной экономике.**

Рыночный механизм — это механизм взаимосвязи и взаимодействия основных элементов рынка: спроса, предложения, цены, конкуренции и основных экономических законов. Эти элементы являются важнейшими параметрами рынка, которыми руководствуются производители и потребители в своей экономической деятельности в рыночной системе хозяйствования. Это стержень рыночных отношений, ядро рынка. Всё рассмотренное выше относится к классическому капитализму.

Однако классический капитализм, начавший трансформироваться в 19 веке в монополистический (империализм), тем более на современной стадии общего заката капитализма, приобретает целый ряд новых особенностей. Поэтому современная мировая экономика всё в большей степени дополняется не рыночными элементами и включает в себя уже два элемента:

- 1) традиционный элемент саморазвития;
- 2) всё усиливающийся элемент государственного регулирования экономики (путем воздействия государства на спрос, предложение, цены и конкуренцию) [1,2].

Тем не менее, в большей части мира по-прежнему доминирует объективная цель и основа классической капиталистической экономики – максимизация прибыли любой ценой и жесточайшая борьба за потребителя [1].

Понятие культуры. В настоящее время наиболее часто под культурой понимают человеческую деятельность в её самых разных проявлениях, включая все формы и способы

человеческого самовыражения и самопознания, накопление человеком и социумом в целом навыков и умений. Культура предстаёт также проявлением человеческой субъективности и объективности (характера, компетентностей, навыков, умений и знаний). Культура представляет собой совокупность устойчивых форм человеческой деятельности, без которых она не может воспроизводиться, а значит — существовать. В частности, культура — это набор правил, которые предписывают человеку определённое поведение с присущими ему переживаниями и мыслями, оказывая на него, тем самым, управленческое воздействие. *Источником происхождения культуры мыслится человеческая деятельность, познание и творчество* [3].

При этом, поскольку, как было отмечено выше, в большей части мира по-прежнему доминирует объективная цель и основа классической капиталистической экономики — максимизация прибыли любой ценой и жесточайшая борьба за потребителя [1], это не может не приводить к негативной трансформации развития культуры. Рассмотрим эту трансформацию на примере того сегмента сферы культуры, которая ассоциируется с театральным, изобразительным искусством, средствами массовой информации (СМИ) и т. п. Такой подход объясняется невозможностью в небольшой статье охватить огромный объём всех сфер проявлений культуры в её полномасштабном понимании как всего того, что не передаётся человеку генетически, а получается им и обществом в форме исторической информации, обычаев, навыков и затем дополняет её, производит новую, трансформирует, формирует в течение жизни [4. С. 21]. Одна из важных объективных функций этой части культурной сферы — насыщение общества эстетической информацией. А поскольку эта функция вынуждена реализовываться в условиях всех особенностей современной стадии развития капитализма, то неизбежна её определённая трансформация и не всегда положительная. Поэтому «индустриализация» искусства, его полномасштабное вхождение в рынок является, с одной стороны, закономерной реакцией на трансформацию современного капитализма, а с другой стороны, имеет и ряд негативных проявлений (стремлений к демонстрации в отдельных фильмах, художественных и др. произведениях культуры элементов чрезмерного насилия, садизма, секса, порнографии, пропаганде ложных ценностей, курения, алкоголя и т. п.). Кроме того, культура приобретает

всё большее значение в качестве инструмента политической, экономической и идеологической борьбы, передела власти «элит». Отсюда в СМИ появляется ложь, клевета, искажение исторических и текущих фактов, событий и т. п.

В качестве яркого примера можно привести трансляцию американской культуры и американских ценностей в окружающий мир через фильмы, произведённые в Голливуде, что стало одним из ключевых элементов глобализации по версии Pax Americana. Другой пример: окончательный проигрыш, развал советского блока, произошёл в войне культур, когда культурные и идеологические ценности «коммунизма» (забытые или искажённые советскими идеологами-дилетантами и предателями) не смогли противостоять натиску культурно-идеологических ценностей «элиты» англо-саксонского капитализма (сатанинской, дьявольской идеологии «Нового мирового порядка»). Это привело в настоящее время к попыткам определённых глобальных сил реабилитировать и реставрировать нацизм и геноцид, что мы наблюдаем в ряде стран по всему миру.

В мире, где цифровое и имущественное неравенство лишает две трети населения планеты возможности ознакомиться с образцами современных и классических творений человеческой цивилизации, где половина стран только начала путь индустриализации — классическая экономическая наука, по — видимому, ещё какое-то время будет иметь доминирующее значение. Она гораздо лучше описывает вопросы, стоящие перед этими странами: отраслевая организация, эффективное управление финансами, макроэкономическое регулирование. Однако для развитых стран, для «золотого миллиарда», уже охваченного волной информатизации и деиндустриализации, всё большее значение будут иметь научные теории «будущего общества», общества информации и творческой энергии — такие, как экономика культуры. И в этом процессе большое значение будет иметь тщательное изучение действующих рыночных механизмов с целью их приспособления для устранения и недопущения выше отмеченных отрицательных проявлений в сфере культуры и её успешного дальнейшего развития [5]. Однако в современных условиях очень важно не только правильно определиться с особенностями понятия культуры, но и восстановить объективную цель её деятельности. Только тогда станет более понятно рациональное соотношение и

возможные приемлемые условия взаимодействия культуры с рыночной экономикой.

В этой связи интересными и продуктивными представляются взгляды на культуру известного философа, музыкального теоретика, математика, выдающегося учёного Востока Аль-Фараби (872-950). Он считал, что любая наука должны познавать объективную истину, а "практическое искусство" (т. е. художественные произведения, изобразительное искусство, театр, кино, средства массовой информации и т. д.) обязано воспитывать в людях добродетель, совесть, стремление к истинному счастью. При этом, государство, общество обязано создавать необходимые условия для возможности реализации таких положительных устремлений у людей:

«Конечная (заветная) цель теоретической науки есть только познание истины, а заветная цель практического искусства есть требование, чтобы [человек] стал добродетельным и твердо следовал велениям совести, и чтобы он не только знал, но и мог осуществить вещи, посредством которых достигается счастье для [людей]. В этом заключается особенность практической философии» [6, с. 502].

По мнению Аль-Фараби, конечные свойства человеческой личности складываются из двух составляющих: передаваемой по наследству (генетически) и формируемой внутри культурной среды, в которой воспитывается, обучается, вырастает и живёт человек: "...человеку присущи две вещи: одна получена от природы, другая «по намерению», т. е. следствие воспитания и обучения, которая является управляемой при правильно организованной методике обучения" [4, с. 21].

То есть, по мнению Аль-Фараби, под термином "культура" здесь подразумевается всё, что не передаётся человеку по наследству (генетически) - вся совокупность как положительных, так и отрицательных свойств, характеристик общества (в котором формируется личность) и каждого отдельного человека. Следовательно, речь идёт не только о материальных, но и о нематериальных (духовных) благах, к исследованию которых, как правило, не применима традиционная экономическая теория, разработанная для материальных благ.

Об ошибочности попыток решать экономические проблемы культуры с помощью теории и механизмов, разработанных в традиционной экономической теории применительно к производству материальных благ говорил также первый российский академик – полит-

эконом, видный историк и статистик Андрей Карлович Шторх (1766-1835): " Считая нематериальный труд продуктивным, они неверно полагают, что он производит богатства, т. е. материальные и обмениваемые ценности, на самом деле он создаёт нематериальные, непосредственные, прямые ценности; они допускают, что продукты нематериального труда подчиняются тем же самым законам, что и продукты труда материального, однако первые основываются на иных принципах, нежели вторые. Легко предвидеть, к каким ложным следствиям должны привести своих носителей подобные взгляды" [7, с. 606-607].

Особенности функционирования современных рыночных механизмов в сфере культуры.

В традиционной экономической теории особенность рыночного механизма состоит в том, что каждый его элемент теснейшим образом связан с ценой, которая служит основным инструментом, воздействующим на спрос и предложение [8]. Традиционная экономическая теория не видит принципиального различия между культурными благами и традиционными товарами и услугами. Предполагается, что культурное благо, как и любое другое, имеет потребительскую ценность и выбирается потребителем, исходя из доступных потребителю средств (бюджета), полезности потребления каждого из благ и установившихся цен. Однако в случае, если понятие «ценность» не ограничивается понятием потребительской ценности или индивидуальной пользы, *то культурная ценность некоторых товаров и услуг оказывается не эквивалентна их экономической ценности* [5]. Именно такого мнения придерживается один из ключевых специалистов в сфере экономики культуры, профессор Дэвид Тросби [9]. Потребляя положительное культурное благо, человек приобщается к культуре и, как правило, повышает свой интеллектуальный, этический, эстетический уровень. Следовательно, концепция индивидуальной полезности, используемая традиционной экономикой, по мнению ведущих современных экономистов культуры, неадекватна и недостаточна для понимания природы культурных благ [9]. В то же время, новые подходы, активно развивающиеся в экономической науке в последние десятилетия, поставили под вопрос истинность большинства предпосылок классической экономической теории. Центром доминирующей модели современной экономики является рациональный участник процессов производства, рыночного

распределения и потребления, стремящийся максимизировать свою личную выгоду. Культура и механизмы творческой деятельности лежат вне сферы его рационального мышления [5]. Мотивы творцов явно лежат где-то вне рациональных интересов, максимизирующих личное состояние:

«Попытаться «проверить гармонию алгеброй», тем более алгеброй денежной — кажется абсурдным, обречённым на неудачу зачетом» [5].

Несмотря на это, в последние десятилетия сфера культуры начала занимать существенную долю в реальной денежной экономике: «...в конце 1990-х годов вклад сферы искусства и культуры («творческих отраслей») в национальный продукт Великобритании составил свыше 4% — значительно больше, чем любой из отраслей британской промышленности². Годовой оборот только английского рынка искусства составляет более \$ 100 млрд. — почти четверть консолидированного бюджета Российской Федерации в 2006 году³. Отрасли, производящие и распространяющие предметы искусства (кино, музыка, книги, телевидение, реклама и так далее), — одни из наиболее динамично растущих и наиболее прибыльных в мире» [5].

Необходимо также учесть производство сопутствующих товаров, рынки которых тесно связаны с состоянием культурной сферы: бытовая видео- и аудиотехника, кино-, фото- и звукозаписывающая аппаратура, здания и оборудование для театров и кинотеатров, концертные площадки и оборудование для них, и так далее.

Результаты исследований Нобелевского лауреата Уильяма Баумоля, совместно с Уильямом Боуэном показали, что зачастую издержки организаций, связанных с искусством, значительно превышают их доходы. Этот разрыв может быть компенсирован только за счёт частных и общественных пожертвований. Кроме того, было указано, что ситуация является не случайной, а фундаментальной для большинства творческих отраслей. Отрасли исполнительского искусства, утверждали Баумоль и Боуэн, будут неизбежно страдать от «болезни издержек». В «обычных» отраслях (производящих товары для промышленности и конечного потребления) производительность труда постоянно возрастает - за счёт технологических нововведений, обучения персонала, экономии от масштаба. В исполнительском искусстве она возрастать не может. Следовательно, издержки отраслей исполнительского

искусства будут расти быстрее, чем цены в экономике в среднем [5]. Эти и целый ряд других аналогичных фактов предоставляли весомые аргументы сторонникам государственной поддержки искусства и культуры. Поэтому правительства ряда развитых стран (США, Франция, Голландия, Великобритания, Япония и других) приняли решение о расширении масштабов и форм субсидирования творческой деятельности [5].

В процессе широкой дискуссии вокруг этих исследований, проявился характерный факт – часть критиков отметила, что авторы рассмотрели только издержки производителей, но не рассматривали эволюцию самих рынков и возможные изменения предпочтений потребителей, а, следовательно, возможность производителей извлекать «монопольную» ренту за счёт создания и распространения новых продуктов. То есть проявляется подход к продукции культуры, как к обычным товарам или услугам. А как видно из выше отмеченных исследований Аль-Фараби и А. К. Шторха, такой подход ошибочен, так как исключает главное, сущностное, объективное предназначение культуры – её положительно – воспитательную функцию.

Культурное благо не может быть понимаемо, если рассматривать его в рамках традиционной экономической науки. Развитие позиции Дэвида Тросби позволяет отметить следующие универсальные особенности потребления культурных благ: наличие «культурного» (как правило, эстетического) компонента, который может и не оцениваться экономическим механизмом; «досуговое» потребление, не носящее каких-либо профессиональных целей; качество культурных благ зачастую предварительно неизвестно, что требует функционирования сигнальной критики; потребление культурных благ требует специальной подготовки, от которой зависит ценность потребляемого блага для конкретного человека; культурные блага оказываются симметрично референтными по отношению друг к другу - каждое из них может формировать систему предпочтений потребителя (его художественный вкус) и одновременно оцениваться в этой системе; при потреблении культурного блага важно не получением тех же самых ощущений, а каждый раз - новых ощущений. Особым случаем потребления культурных благ является приобретение предметов искусства как объектов для инвестирования. Рост стоимости отдельных произведений искусства, как правило, имеет не столько субъектив-

ные причины (осознание эстетической ценности конкретным потребителем), сколько социальную природу (например, владение картиной сообщает владельцу определённый статус). Таким образом, культурное благо, скорее всего, не может быть понимаемо, если рассматривать его в рамках традиционной экономической науки. Только теории, учитывающие меняющуюся природу индивида, эволюцию социальных групп, их норм и ценностей, принимающие во внимание общественный характер жизни людей, могут объяснить особенности культурных благ [5,9].

Поэтому два наиболее значимых течения современной экономической теории, следующие гораздо более «человечным» предположениям, - Институционализм и Эволюционная экономика, - нашли своё применение и в исследованиях рынков культуры. Способствовали этому, например, следующие особенности институциональной экономической теории: исследование экономики лишь как часть социальной системы; признание интересов общества первичными; благосклонное отношение к государственному регулированию рыночной экономики; обоснование в качестве задач экономической науки не только составление прогнозов, понимание системы взаимосвязей, но и выдача рекомендаций, обоснование рецептов соответствующих изменений в поведении, общественном сознании. Соответствующая ключевая особенность эволюционной экономики: "Понимание технологического развития как сложного, многофакторного, культурнозависимого и несбалансированного процесса приводит к совершенно другому взгляду на устойчивое развитие..." [10, с.129].

Открытие и развитие рынков культуры в конце XIX и в XX веках происходило во многом в соответствии с шумпетерианскими моделями. Благодаря этому экономисты-эволюционисты сейчас достаточно успешно работают в сфере экономики культуры. Можно найти множество примеров серийного производства культурных благ во всех сферах культуры и искусства. Но, наверное, нет второй такой по масштабам и значимости фабрики искусства, как Голливуд. Его ещё иногда называют фабрикой звёзд. Звезды — это ещё один феномен экономики культуры, обусловленный не только факторами предложения (звезда «создаётся» продюсерами), но и факторами спроса (у зрителей есть потребность в кумирах). Индустриализация культурной сферы требует значительного притока квалифицированных кадров. За 1980-е годы занятость в

«культурных отраслях» в США увеличилась в полтора раза, а в Европе — почти вдвое. Темпы роста занятости сохранялись и в 1990-е годы. В европейской экономике только непосредственно занятых творческим трудом более 3 млн человек. Культура давно перестала быть делом избранных и стала профессией [5].

Сферу культуры отличает институциональное многообразие. В каждой из её отраслей и подотраслей действует частный капитал, в различных формах - от мелкого индивидуального предпринимательства до крупнейших транснациональных компаний в индустрии развлечений и средствах массовой информации, неприбыльные структуры, а также государственные организации. Отличительная особенность институциональной структуры рассматриваемой сферы - значительные позиции некоммерческого сектора. Его учреждения не ставят целью получение прибыли и функционируют благодаря общественному финансированию – за счет бюджетных и внебюджетных источников. Неприбыльные структуры получили широкое распространение в тех видах деятельности, где ориентация на прибыль наносит ущерб качеству выпускаемой ими продукции или ограничена платежеспособным спросом. Они не охватывают массового потребителя, поскольку творческий элемент их работы не получает, как правило, адекватной рыночной оценки. Речь идет о литературе, изобразительном, театральном и музыкальном искусстве, музейном, архивном и библиотечном деле, радио и телевидении. Некоммерческая форма организации, не направленная на извлечение прибыли и потому более независимая от рынка, позволяет экспериментировать с новшествами, внедрять их, практически не противопоставляя существующим товарам и услугам, более оперативно реагировать на перемены во вкусах и потребностях населения, удовлетворяя все более дифференцирующиеся его запросы. Благодаря ориентации не на прибыль, а на реализацию той или иной социально-культурной цели этот тип хозяйственной организации выполняет важнейшую социальную функцию - расширяет доступ населения к культурным ценностям, способствует повышению его культурного уровня. Для развития многих традиционных «живых» видов искусства неприбыльные учреждения являются оптимальной организационно-экономической формой. Некоммерческие структуры в основном сконцентрированы в сфере «серьезного» искусства: в классической музыке, драматическом театре, музеях, библиотеках, издании

образовательной литературы.

В последние десятилетия все более широкое распространение получают смешанные формы хозяйственной организации. Устойчивое динамичное развитие сферы культуры в западных странах опирается на быстро растущий спрос на товары и услуги культурного назначения со стороны населения и общества в целом. На расширение этого спроса оказывает влияние целый ряд долговременных факторов, таких, как повышение духовных и эстетических запросов населения по мере роста уровня его жизни и образования, усиления потребности общества во всесторонне образованных людях. Огромную роль в увеличении спроса играют в современный период распространение Интернета (максимально снявшего пространственно-временные ограничения связи между производителями и потребителями, продавцами и покупателями) и глобализация мировой экономики, интенсифицировавшие информационный обмен и культурное взаимодействие между отдельными пользователями и странами. На этой основе идут процессы расширения культурной сферы, повышения уровня художественных стандартов, ускорения распространения художественных новаций и идей, расширения доступа к культурным ценностям и открытия всего культурного многообразия мира широким массам населения.

В то же время необходимо отметить, что Интернет создает новые сложные проблемы, связанные с соблюдением этических и нравственных норм и способами предоставления информации, которые требуют своего разрешения. Кроме того, он стимулирует стандартизацию культурных ценностей, экспансию и универсализацию культурных стереотипов (например, англо-американской музыки, западноевропейского образа жизни), вызывая негативную реакцию со стороны поборников национальных традиций. Однако, так или иначе, прогресс в увеличении объемов поглощаемой аудиовизуальной информации человечеством и, как следствие, повышение и дифференциация спроса на нее в результате распространения информационных технологий и Интернета очевидны. Возрастающий спрос населения выразился прежде всего в почти двукратном опережающем повышении потребительских расходов на культурно-рекреационные цели по сравнению с их общей динамикой и темпами увеличения ВВП. При росте ВВП США за 1985—1998 гг. в 2.1 раза и потребительских расходов в 2.2 раза затраты населения на товары и услуги культурно-

рекреационного назначения поднялись в 4.2 раза, а их удельный вес в общей сумме потребительских расходов населения - с 6.8 до 8.5%. Наивысшая динамика отличает расходы на покупку компьютеров, аудио- и видеотоваров - в 12.1 раза. Несмотря на сильную конкуренцию со стороны массовой культуры и бурно прогрессирующих телевидения, видеоиндустрии и других видов мультимедийных развлечений, традиционные живые виды искусства вызывают растущий интерес. увеличение расходов на приобретение билетов в различные учреждения культуры было одним из самых значительных. Показательна динамика посещаемости культурных учреждений. По данным различных обследований, проведенных в странах Западной Европы и США, доля лиц, регулярно посещающих учреждения культуры и искусства, в общей численности взрослого населения варьировалась в середине - конце 80-х годов для оперных театров в пределах 3—6%, балета - 4—10, филармонии - 6—13, драматических театров - 10—39, музеев - 26—30% (в том числе художественных - 19—33%)³. В 90-е годы в США, согласно данным обследования Национального фонда искусства, она заметно возросла.

Интерес к культуре и искусству в современном постиндустриальном обществе отнюдь не ограничивается пассивным приобщением к ним. Он проявляется также в активном участии населения в художественной самодеятельности, благотворительности, занятиях в любительских кружках, в членстве в различных клубах по интересам. Состоятельные слои населения коллекционируют произведения искусства, открывают частные музеи, активно участвуют в филантропической деятельности. По данным Национального фонда искусства, в 90-е годы более 2/3 взрослого населения США были вовлечены в научно-познавательные программы, до 66% занимались оформлением интерьера собственного дома, до 45 - игровыми видами спорта, до 43 - благотворительностью и до 40% - в компьютерных клубах. Развитие сферы культуры опиралось во всех странах на расширение ресурсной базы. Рост спроса и потребительских расходов населения на товары и услуги культурного назначения и заинтересованность общества в развитии коллективных благ обусловили приток частных и общественных инвестиционных ресурсов. Рост частного основного капитала и капиталовложений в основной капитал здесь превышал средний по экономике и способствовал совершенствованию и обнов-

лению материальной базы, распространению новых технологий и аппаратно-программных средств передачи информации в печатных и электронных СМИ в индустрии развлечений.

В США в 1990 - 1998 гг. при общем приросте основного капитала на 20% его прирост в сфере культуры составил 26%. На развитие жизненно важного для этой сферы некоммерческого сектора направлялись растущие объемы финансирования - как бюджетного, так и частного. Бюджетные ассигнования на культурно-рекреационную деятельность увеличивались в западных странах быстрее, чем все государственные затраты.

В США в 90-е годы расходы государства на нее по темпам роста (5.1%) несколько опережали общегосударственные затраты (4.5%), тогда как в 70-е годы, несмотря на более быстрое их увеличение, это превышение было не столь значительным, а в 80-е годы государственные расходы на культурно-рекреационные цели поднимались медленнее, чем совокупные государственные затраты. Особенно быстро росло финансирование на местном и региональном уровнях. С целью стимулировать финансовые сферы культуры, в том числе приток частных инвестиций, разработана и применяется система налоговых льгот и преференций для некоммерческих по статусу учреждений, а также частных лиц и корпораций, если они делают пожертвования на культуру. В США частные расходы на ее развитие увеличились с 1970 г. по 1998 г. более чем в 10 раз. Прирост частного финансирования наблюдался также в странах Западной Европы; по некоторым оценкам, в последнем десятилетии XX в. он ежегодно составлял в среднем 13%. Усиление роли рассматриваемой сферы в экономическом и социальном прогрессе современного общества определяет повышение внимания государства к ее развитию: расширяются различные косвенные меры стимулирования отрасли; формируется специальная правительственная политика в области культуры, направленная на сохранение культурного наследия и развитие всех видов искусства, повышение общего уровня культуры и облегчение доступа малообеспеченных слоев населения к культурным ценностям, принимаются различные национальные программы и проекты. Немало программ и проектов по сохранению и реставрации памятников культуры мирового значения осуществляются под эгидой ЮНЕСКО, чей список охраняемых памятников культуры постоянно пополняется.

Характерная особенность развития сфе-

ры культуры в последние десятилетия – активное ее включение в процесс глобализации, расширение международных связей. Либерализация мировой торговли способствовала росту международного обмена товарами и услугами культурного назначения. За 1980-1991 гг. объем мирового товарооборота, затрагивающего рассматриваемую сферу, в которую входит широкий спектр вещной продукции, почти утроился - с 67 млрд. до 200 млрд. долл. [11].

Таким образом, в настоящее время наблюдаются попытки применить экономическую теорию, рассчитанную на производство материальных благ, к решению экономических проблем современной культуры. Однако такой подход не может дать устойчивого ожидаемого результата или результат будет противоречить объективному предназначению культуры, поскольку значительная часть её продуктов относится к сфере нематериальных благ. А приемлемой экономической теории относительно производства нематериальных благ не создано до сих пор, хотя такая работа была начата А. К. Шторхом ещё в первой половине 19-го века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Капитал. Т. 1. Глава 1.
2. Рыночная экономика - что это? // Автор: Команда Bankiros.ru - <https://bankiros.ru/> (Дата обращения 25.01.2022 г.).
3. Культура // Материал из Википедии — свободной энциклопедии - <https://ru.wikipedia.org/wiki/Культура> (Дата обращения - 25.01.2022 г.).
4. Д. Байтукаева - Роль Аль-Фараби в истории науки // Вестник КазНУ. Серия востоковедения. №2(68). 2014. - С.20-22.
5. Лукша П.О. Экономика культуры – штрихи к науке нового века // Неприкосновенный запас. М., 2003. № 6.
6. Аль-Фараби. Историко-философские трактаты / Перевод с арабского. - Алма-Ата: Наука, 1985. - 624 с.
7. Андрей Шторх - Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. Размышление о природе национального дохода. - М.: Издательский дом "Экономическая газета", 2008. - 1120 с.
8. Сажина М.А. Экономическая теория (2007) - <https://be5.biz/ekonomika/e018/index.html> (Дата обращения 25.01.2022 г.).
9. Тросби Д. Экономика и культура. М., 2013.

10. Вольчик В.В. Институциональная и эволюционная экономика: учебное пособие. - Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2011. – 228 с.

11. Гасратян К.М. Сфера культуры в современной рыночной экономике. М., 2006.

ҚАЗІРГІ ЭКОНОМИКАНЫҢ МӘДЕНИЕТКЕ ӘСЕРІ

Қазіргі уақытта материалдық тауарларды өндіруге арналған экономикалық теорияны қазіргі мәдениеттің экономикалық мәселелерін шешуге қолдануға талпыныс бар. Алайда, мұндай тәсіл тұрақты күтілетін нәтиже бере алмайды немесе нәтиже мәдениеттің объективті мақсатына қайшы келеді, өйткені оның өнімдерінің едәуір бөлігі материалдық емес тауарлар саласына жатады. Материалдық емес тауарларды өндіруге қатысты қолайлы экономикалық теория әлі құрылған жоқ, дегенмен мұндай жұмысты А.К. Шторх 19 ғасырдың бірінші жартысында бастаған.

Түйін сөздер: нарықтық экономика, табыс, бәсекелестік, тұтынушы, кәсіпкер, қызмет, сала, мәдениет, эстетикалық

ақпарат, өнердің "индустриализациясы", құрал, саясат, идеология, күрес, Әл-Фараби, А.К. Шторх, Д. Тросби, у. Баумол, у. Боуэн, тәрбие, функция, даму.

THE IMPACT OF THE MODERN ECONOMY ON CULTURE

Currently, there are attempts to apply economic theory, designed for the production of material goods, to solving the economic problems of modern culture. However, such an approach cannot give a stable expected result or the result will contradict the objective purpose of culture, since a significant part of its products belong to the sphere of intangible benefits. And an acceptable economic theory regarding the production of intangible goods has not yet been created, although such work was started by A. K. Storkh in the first half of the 19th century.

Keywords: market economy, income, competition, consumer, entrepreneur, activity, sphere, culture, aesthetic information, "industrialization" of art, tool, politics, ideology, struggle, Al-Farabi, A. K. Storkh, D. Throsby, U. Baumol, W. Bowen, education, function, development.

УДК 338.26/28

АНАЛИЗ МЕТОДОВ ФИНАНСОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Р. Дюсембеков¹, Г. Рамазанова²,
магистрант¹,
старший преподаватель²,
Костанайский инженерно-экономический университет им. М. Дулатова (Казахстан)

Положительные рецензии даны
д.э.н. Жиентаевым С.М.
и к.э.н. Дорожко Т.П.

В статье рассматриваются методы по принятию мер, направленных на модернизацию существующей системы управления, систематизацию законодательства и методологической базы в области управления госу-

дарственной собственностью. Отмечается, что наибольшее распространение на практике получили три метода финансового планирования и прогнозирования: метод процента от реализации; расчетно-аналитический метод; бюджетное планирование. Делается вывод, о способах, приемах, с помощью которых обеспечивается разработка и обоснование планов и прогнозов.

Ключевые слова: государственный сектор, методы финансового планирования и прогнозирования, расчетно-аналитический метод, метод бюджетного планирования.

Казахстан – страна с высокой долей государственного сектора. Поэтому при составлении планирования хозяйственной деятельности предприятий казахстанского квазигосударственного сектора особое внимание было обращено на зарубежный опыт, а именно: на страны с высокой долей госсектора, такие как Австрия, Франция, Великобритания, Германия, Нидерланды, Италия, Швеция.[1].

Опираясь на опыт данных стран, Правительством Республики Казахстан активно проводится работа по принятию мер, направленных на модернизацию существующей системы управления, систематизацию законодательства и методологической базы в области управления государственной собственностью.

Под методами финансового планирования и прогнозирования следует понимать совокупность приемов и способов мышления, позволяющих на основе анализа ретроспек-

тивных данных, экзогенных и эндогенных связей объекта, а также их измерений в рамках рассматриваемого явления или процесса вывести суждения определенной достоверности относительно его будущего развития. [2].

По оценкам отечественных и зарубежных ученых, в настоящее время насчитывается свыше 30 методов планирования и прогнозирования.[3, с. 98].

Однако число базовых значительно меньше, их можно выделить на рисунке 1.

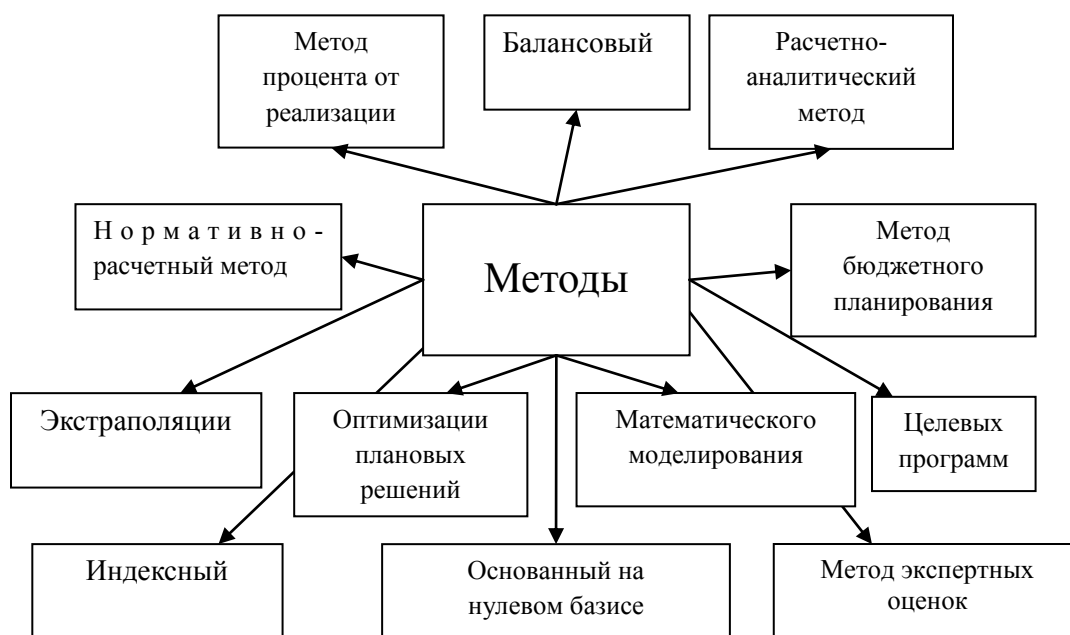

Рисунок 1 - Методы финансового планирования и прогнозирования

1. Расчетно-аналитический метод – один из наиболее используемых в рыночной экономике методов планирования финансовых показателей. Финансовые показатели рассчитываются на основе анализа достигнутых показателей за прошлый период, индексов их развития и экспертных оценок этого развития в плановом периоде.

Изучается связь финансовых показателей с производственными, коммерческими и другими показателями. Расчетно-аналитический метод используется в основном при расчете плановых показателей объема выручки, доходов, прибыли, фондов потребления и накопления предприятия.

2. Индексный метод – использует разнообразные индексы, отражающие динамику цен, уровень жизни, реальные доходы населения и т.д. Широко применяется дефлятор или индекс цен, коэффициент пересчета цен в неизменные, предназначенные для расчета дохо-

дов и расходов, так как в них, прежде всего, отражается инфляция.

3. Нормативно-расчетный метод, сущность которого заключается в том, что на основе заранее установленных норм и технико-экономических нормативов рассчитывают потребность предприятия в финансовых ресурсах и их источниках.

4. Метод экспертных оценок применяют, когда закономерности развития тех или иных экономических процессов еще не выявлены, аналоги отсутствуют, и приходится использовать специально выполненные расчеты специалистов-экспертов.

5. Метод экономико-математического моделирования используется при прогнозировании финансовых показателей на срок не менее чем пять лет. Экономико-математические модели позволяют найти количественное выражение взаимосвязей между финансовыми показателями и факторами, влияющими на

них. Такие модели строятся на функциональной и корреляционной связи. Применение экономико-математических моделей дает возможность быстро рассчитать несколько вариантов показателей и выбрать наиболее оптимальный из них.

6. Балансовый метод применяется при планировании распределения полученных финансовых средств. Сущностью метода является согласование расходов с источниками покрытия, во взаимосвязи всех разделов плана между собой, а также финансовых и производственных показателей. Это взаимосвязывает материальные, трудовые и финансовые ресурсы. Балансовый метод традиционно применяют при распределении прибыли, планировании финансовых фондов — накопления, потребления и др.

7. Метод целевых программ ориентирован на определенный конечный результат. Здесь делается группировка подразделений и видов деятельности по реализации взятой программы и для них составляется общий бюджет.

8. Сущность метода процента от реализации заключается в решении двуединой задачи: на основе запланированного роста объема продаж на предстоящий хозяйственный год, выраженного в процентах, определить будущие расходы, активы и обязательства в виде процента от продаж; на основе полученных финансовых параметров составить сбалансированные форматы прогнозной информации: прогнозного отчета о прибылях и убытках (плана доходов и расходов); прогнозного баланса; прогнозного отчета о движении денежных средств; сметы наличности (календарного плана).

9. Метод оптимизации состоит в разработке нескольких вариантов плановых расчетов для того, чтобы выбрать из них оптимальный по принятому критерию, например, минимум затрат и максимум прибыли.

10. Метод экстраполяции основан на анализе статистических данных за предыдущие годы и коэффициентов прироста (или снижения) на будущее. Этот метод применяется в случаях, когда отсутствуют технико-экономические нормативы, а взаимосвязь между показателями может быть установлена косвенно на основе анализа их динамики и фактора. Основу этого метода составляют анализ и экспертные оценки отчетных данных за предыдущие годы, расчеты перспектив развития предприятия в будущем.

11. Математическое моделирование -

наиболее трудоемкий метод, так как имитирует реальные экономические ситуации, дает характеристику взаимосвязей между финансовыми показателями и определяющими их факторами. Экономико-математическая модель дает математическое описание экономического процесса через корреляционную и регрессионную зависимости. Это позволяет разработать несколько вариантов плановых показателей, с тем чтобы выбрать оптимальный. В модели включают только основные показатели и факторы, чтобы установить прогноз.

12. Метод на основе нулевого базиса предполагает определение минимального объема производства, затрат и прибыли на этот минимум. Затем рассчитываются возможные приросты выпуска продукции и доходы на них. Это дает информацию для определения приоритетов, оптимизации прибыли.

В последние годы наибольшее распространение на практике получили три метода финансового планирования: метод процента от реализации; расчетно-аналитический метод; бюджетное планирование.

Использование метода процента от реализации не вызывает особых затруднений и выполняется в следующей последовательности: увеличение всех связанных активов из отчетного баланса на процент от продаж; определение объема нераспределенной прибыли. Нераспределенная прибыль планового года равна нераспределенной прибыли на конец отчетного периода плюс чистая прибыль планового года за вычетом прибыли на потребление; определение суммы долга; вычисление дефицита источников финансирования как разности между приростом активов и суммой изменения источников (долга и нераспределенной прибыли). Главное достоинство этого метода – простота и ясность [6, с.217].

Основные недостатки планирования методом процента от продаж: сомнительное предположение, что предприятие постоянно работает на полную мощность, все связанные ресурсы сбалансированы, а для роста объема продаж нужны лишь капитальные вложения.

Нормативный цикл потока денежных средств предприятия открывает путь другому методу финансового планирования – расчетно-аналитическому. В методе процента от продаж корректировка отдельных элементов связанных ресурсов осуществляется простым умножением их фактической величины из отчетного баланса на рост объема выручки в плановом периоде. Отсюда возникает масса погрешностей в расчетах.

Расчетно-аналитический метод финансового планирования на базе матричного баланса всегда вызывал наибольший интерес у российских специалистов. Алгоритм финансового планирования данным методом предполагает: подбор источников финансирования в прогнозном матричном балансе с одновременным их отражением в прогнозе денежного потока; подбор недостающих источников финансирования и обоснование их содержания в ходе формирования третьего раздела прогноза денежного потока, предназначенного для завершения окончательной балансировки всех параметров финансового плана, (поэтому прогнозный баланс выполняется до завершения прогноза денежного потока).

В отличие от первого метода, как видим, этот метод более требователен к объему, содержанию, структуре информации, используемой для планирования. И, тем не менее, сама технология финансового планирования основана на хорошо известном в России методе планирования от достигнутого, успешно используемом на Западе не только по отношению прогнозирования прибыли и убытков, но и прогнозирования изменений в активах и пассивах предприятия.

В основном на предприятиях целесообразно вводить краткосрочные бюджеты, и иметь дело с плановым периодом, равным одному году. Это объясняется тем, что за период такой протяженности, как можно предположить, происходят все типичные для жизни предприятия события, поскольку за этот срок выравниваются сезонные колебания конъюнктуры.

Метод бюджетного планирования, получивший широкое распространение в западной практике, обеспечивает приемлемую точность финансовых прогнозов, оснащен огромным количеством методической литературы и набором прикладных программ, что во многом облегчает его практическое применение. Несмотря на глубокую проработку метода бюджетного планирования, он до сих пор недооценивается в российских компаниях, здесь называется «советская наследственность». Конечная цель метода бюджетного планирования – выявление потребностей предприятия в финансировании на момент, отраженный в прогнозном балансе, определением величины дисбаланса между активами и пассивами прогнозного баланса, вызванного отражением в нем всего спектра финансовых решений на предстоящий год.

Бюджетирование, это управленческий

инструмент распределения (планирования) ресурсов, охарактеризованных в денежных и натуральных показателях для достижения стратегических целей бизнеса. Бюджетирование также можно представить как процесс анализа ранее принятых решений (контроль), через который предприятие оценивает целесообразность фактического использования активов предприятия, «добротности и качества используемых источников».

Таким образом, методы планирования и прогнозирования – это способы, приемы, с помощью которых обеспечивается разработка и обоснование планов и прогнозов. Следует отметить, что управление финансами предполагает целенаправленную деятельность и подчиняется определенным нормативно-правовым актам, которые будут рассмотрены далее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газетов А.Н. «Управление предприятиями государственного сектора в странах ОЭСР и России» // Журнал «ЭКО» № 2, 2007 г. – 0,6 п.л. // <http://litceysel.ru/amda/Институционально-экономические особенности управления и мониторинга деятельности предприятий государственного сектора/> (дата обращения: 30.03.2021).

2. Юзвович Л.И., Юдина Е. А. Комплексный подход к исследованию сущности, принципов и методов финансового планирования на предприятиях в экономической системе // Фундаментальные исследования. 2018. №9-7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnyy-podhod-k-issledovaniyu-suschnosti-printsipov-i-metodov-finansovogo-planirovaniya-na-predpriyatiyah-v-ekonomicheskoy-1> (дата обращения: 26.11.2020).

3. Дрогомирецкий И.И., Маховикова Г.А, Кантор Е.Л. Планирование на предприятии. – М.: Юрайт, 2018. – 140 с.

4. Гусева И.Б. Предпосылки интегрированного управления затратами предприятия // Менеджмент в России и за рубежом. – 2012г. № 3. – С. 65-69.

5. Финансы: учебное пособие для студентов экономических специальностей / Л. А. Шафеева. — Павлодар: Кереку, 2011.- 131 с.

6. Есенова А.С. Становление и развитие системы государственного планирования в Республике Казахстан (исторический обзор). URL: <http://group-global.org/sites/default/files/publications/12%20Есенова%20А%20С.docx>. Дата обращения: 21.06.2021.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
КӘСІПОРЫНДАРЫНДА ҚАРЖЫЛЫҚ ЖОС-
ПАРЛАУ ЖӘНЕ БОЛЖАУ ӘДІСТЕРІН ТАЛ-
ДАУ

Мақалада қолданыстағы басқару жүйесін жаңғыртуға, мемлекеттік меншікті басқару саласындағы заңнама мен әдіснамалық базаны жүйелеуге бағытталған шаралар қабылдау әдістері қарастырылады. Іс жүзінде қаржылық жоспарлау мен болжаудың үш әдісі кеңінен қолданылды: іске асырудан пайыз әдісі; есептік-талдамалық әдіс; бюджеттік жоспарлау. Жоспарлар мен болжамдарды әзірлеу мен негіздеуді қамтамасыз ететін әдістер, әдістер туралы қорытынды жасалады.

Түйін сөздер: мемлекеттік сектор, қаржылық жоспарлау және болжау әдістері, есептеу-талдау әдісі, бюджеттік жоспарлау әдісі.

ANALYSIS OF METHODS OF
FINANCIAL PLANNING AND
FORECASTING AT ENTERPRISES IN THE
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The article discusses methods for taking measures aimed at modernizing the existing management system, systematization of legislation and methodological framework in the field of state property management. It is noted that three methods of financial planning and forecasting have become the most widespread in practice: the percentage of sales method; the calculation and analytical method; budget planning. The conclusion is made about the methods and techniques by which the development and justification of plans and forecasts is provided.

Keywords: public sector, methods of financial planning and forecasting, calculation and analytical method, budget planning method.

УДК 004.031

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ФИЗИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА ЦЕНТРА ОБРАБОТКИ ДАННЫХ

*А.М. Баймухамедова¹, Г.С. Баймухамедова²,
М.Ф. Баймухамедов³, М.Л. Александрова⁴,
профессор, доктор PhD¹,
кандидат экономических наук, профессор²,
доктор технических наук, профессор³,
старший преподаватель⁴,
Костанайский социально-технический
Университет им. академика З. Алдамжар
(Казахстан)*

*Положительные рецензии даны
д.т.н. Курмановым А.К.
и к.т.н. Суховым М.В.*

Статья посвящена рассмотрению вопросов информационной безопасности ЦОД и, в том числе, жестких требований к информационной безопасности и физической безопасности путем обеспечения прозрачного доступа к клиентам через Интернет.

Наиболее сбалансированный способ обеспечить физическую безопасность ЦОД это возможность реализовать многоуровневую защиту (с несколькими периметрами безопасности). Количество периметров безопасности зависит от требований, предъявляемых к площадке, с учетом оценки вероятности реализации угроз, приемлемого варианта обработки рисков и принятой политики безопасности.

Ключевые слова: ЦОД, информационная безопасность, интернет, утечка информации.

Вероятность атаки на Центр обработки данных велика. Это связано с большим количеством размещаемой в нем информации, большая часть которой может быть критически важной для отдельно взятой организации. Для начала разберемся, что же представляет из себя Центр обработки данных.

Центр обработки данных (ЦОД) - это структура, ориентирующаяся на предоставление комплексных услуг, которые могут требоваться корпоративному заказчику. ЦОД характеризуется как высоко защищенная территория, с надежными техническими и организационными мерами безопасности, в которых имеется своя специфика.

К примеру, это соблюдение жестких требований к информационной безопасности при

обеспечении прозрачного доступа клиентам через сеть Интернет.

Ещё одна особенность ЦОД это использование различных приложений и платформ, необходимых для клиентов, что приводит к осложнению возможности сконцентрироваться на защите какой-либо одной платформы или продукта.

Так же не стоит забывать, что часть информации может быть конфиденциальной, и доступ к ней не должен никто, кроме клиента.

Постоянную проблему представляет собой генерация и смена паролей суперпользователей. Пароль - совокупность символов, известных подключенному к сети абоненту, - вводится им в начале сеанса взаимодействия с сетью, а иногда и в конце сеанса (в особо ответственных случаях пароль нормального выхода из сети может отличаться от входного). Эта схема является наиболее уязвимой с точки зрения безопасности - пароль может быть перехвачен и использован другим лицом. Чаще всего используются схемы с применением одноразовых паролей. Даже будучи перехваченным, этот пароль будет бесполезен при следующей регистрации, а получить следующий пароль из предыдущего является крайне трудной задачей. Для генерации одноразовых паролей используются как программные, так и аппаратные генераторы, представляющие собой устройства, вставляемые в слот компьютера. Да, конечно, из соображений безопасности пароли действительно следует менять часто. Но, к сожалению, пользователи, которые часто меняют пароли, хранят эту информацию на рабочем столе компьютера в файле с названием «Пароль», а это не есть хорошо, в плане безопасности. Неплохим выходом из этой ситуации может стать применение современных средств идентификации и контроля доступа на основе смарт-карт, а также системы биометрического контроля.

Системы биометрического контроля являются предпочтительнее, так как карту можно потерять или забыть дома, в то время как пальцы или глаз потерять, или забыть сложнее.

Защиту ЦОД можно условно поделить на несколько рубежей «обороны»:

◆ сокрытие структуры сети, или имитационная защита. Эмуляция сети: сегменты, серверы, уязвимости. Контролируя атаки на эту «ложную» сеть можно выявить источники угроз. Так же такая сеть вводит в заблуждение потенциальных злоумышленников и усложняет задачу взлома сети и планирования атаки.

◆ детекторы вторжений, IDS. Данная система анализирует весь входящий трафик, отслеживая при этом известные типы атак. При этом в некоторых случаях используется система адаптивной защиты, которая изменяет списки доступа на межсетевом экране.

◆ разделение зон безопасности, закрытых сетевыми экранами, и разделение трафика за счет виртуальных сетей VPN. Трехуровневая структура (внешняя зона, демилитаризованная зона и внутренняя зона) является стандартным решением.

◆ контроль доступа и идентификация пользователей. Тут стоит остановиться на контроле доступа администраторов и операторов, имеющих административные полномочия системе.

Еще один немаловажный момент – корпоративная политика и этика. Так как в ЦОД работает большое количество людей, которые в том числе отвечают и за безопасность, нуж-

но стимулировать лояльность сотрудников. Если сотрудник лоялен организации, он вряд ли станет инсайдером и не будет сливать различного рода информацию третьим лицам или конкурентам. Таким образом вероятность утечки информации будет сведена к минимуму.

Физическая защита ЦОД

Итак, в нашем гипотетическом ЦОД развита защита информации. Но что же обстоит с физической защитой? Ее нельзя недооценивать, потому как сотрудники, случайно оказавшиеся в машинном отделении могут организовать огромное количество проблем, которые в свою очередь приведут к финансовым потерям. Однако степени защиты (замки на дверях и т.д.) подразделяются на несколько уровней. И какой уровень выбрать зависит о целей отдельно взятого ЦОД. В таблице №1 представлены некоторые необходимые меры физической безопасности в зависимости от категории ЦОД.

Таблица 1 - Некоторые необходимые меры физической безопасности в зависимости от категории ЦОД.

Пуленепробиваемые стены, окна и двери:	Tier I	Tier II	Tier III	Tier IV
• Пропускной пункт в лобби	н/п	н/п	Уровень 3 min	Уровень 3 min
• Пропускной пункт в зоне разгрузки/погрузки	н/п	н/п	н/п	Уровень 3 min
Видеонаблюдение:	Tier I	Tier II	Tier III	Tier IV
• Периметр здания и паркинг	Нет требований	Нет требований	Да	Да
• Генераторы	н/п	н/п	Да	Да
• Контролируемые входы	Нет требований	Да	Да	Да
• Этажи с машзалами	Нет требований	Да	Да	Да
Контроль доступа/ мониторинг безопасности для:	Tier I	Tier II	Tier III	Tier IV
• Запасные выходы	Профессиональные замки	Мониторинг	Выход по коду	Выход по коду
• Наружные окна	Наружный мониторинг	Контроль проникновения	Контроль проникновения	Контроль проникновения
• Центр управления безопасностью	н/п	н/п	Доступ по карточкам	Доступ по карточкам
• Двери в машзал	Профессиональные замки	Контроль проникновения	Доступ по карточкам / биометрический контроль входа и выхода	Доступ по карточкам / биометрический контроль входа и выхода
• Колодцы с оптическим кабелем	Профессиональные замки	Контроль проникновения	Контроль проникновения	Доступ по карточкам

Наиболее сбалансированный способ обеспечить физическую безопасность ЦОД это возможность реализовать многоуровневую защиту (с несколькими периметрами безопасности). Как и при эшелонированной обороне, прорыв одного уровня не будет означать прорыва системы безопасности. При этом внутренние периметры безопасности не менее

важны, чем внешние: они позволяют уменьшить риск реализации внутренних угроз вследствие как непреднамеренных, так и злонамеренных действий сотрудников.

Согласно опросу Cyber-ark, из 600 финансовых работников, отвечавших на вопросы в Нью-Йорке и Лондоне, 25% респондентов признали, что они не преминут воспользовать-

ся служебной информацией в собственных целях, несмотря на любые последствия, при этом большинство осознает незаконность своих действий. Так что опасения работодателей (69% из них видят наибольшую угрозу безопасности в действиях собственного персонала) выглядят вполне обоснованными.

Если необходимость организации контроля доступа осознают все владельцы центров обработки данных, то разграничением доступа внутри ЦОД многие пренебрегают. Очень часто можно встретить следующую ситуацию: ЦОД имеет охраняемый периметр, доступ на объект строго ограничен, но вот проход в машинный зал открыт для всего обслуживающего персонала, и любой сотрудник, сам не зная того, может создать опасную ситуацию, которая приведет к остановке ЦОД. И ведь это не пустые предостережения. Валентин Фосс, директор по маркетингу и продажам компании «Утилекс», рассказал в качестве примера поучительную историю. На одном из объектов внештатный электрик, приглашенный в ЦОД для проведения каких-то незначительных работ, был оставлен без присмотра. Из чистого любопытства он нажал на кнопку аварийного пожаротушения. В результате была повреждена часть оборудования, не говоря уж о внеплановой остановке работы всего ЦОД.

Таким образом, если обслуживающий персонал (а в случае коммерческого ЦОД и сами клиенты) будет иметь свободный доступ в машинный зал, то вероятность нанесения вреда данным очень высока, даже несмотря на наличие многоуровневой системы безопасности. Избежать этого поможет только продуманная политика ограничения доступа. При этом система доступа должна служить инструментом для реализации этой политики. В противном случае вся многоуровневая система безопасности теряет смысл. Между тем, как указывает Валентин Фосс, при разработке комплексов физической защиты ЦОД зачастую не уделяется должного внимания сквозному процессу подготовки персонала и управления им, для чего нужны должностные инструкции, разграничение прав доступа и многое другое. Пренебрежение любой из составляющих может привести к неожиданным и крайне негативным последствиям.

Количество периметров безопасности зависит от требований, предъявляемых к площадке, с учетом оценки вероятности реализации угроз, приемлемого варианта обработки рисков и принятой политики безопасности.

Определить, сколько уровней контроля доступа должно быть, можно только при условии рассмотрения совокупности факторов, таких как место расположения и степень важности ЦОД, риски по факторам вандализма (преднамеренного и случайного) и несанкционированного доступа. Идеальной считается система с четырьмя уровнями контроля доступа — на внешнем периметре, при входе в здание, в машинный зал и на уровне стойки. На практике чаще всего встречается двухуровневая система (здание/зал). Достаточным является частичное ограничение доступа по трем уровням (здание/зал/стойка). Однако некоторые специалисты выделяют иные три уровня: периметр (входы, въезды, прилегающая территория); буферные зоны с пропускным пунктом при входе в здание, охраняемый въезд в разгрузочную зону; залы и инженерные помещения (как пример). Для некоторых коммерческих ЦОД может потребоваться еще один: ограждение стоек.

В случае же высоких требований к безопасности уровней может быть гораздо больше. Так, Фред Дикермэн, вице-президент, начальник эксплуатации ЦОД DataSpace1, выделяет по меньшей мере пять зон: внешний периметр, внутренний периметр, вход в здание (свободный доступ в приемную, но закрытый доступ во внутреннее лобби), места размещения критического инфраструктурного оборудования, комнаты службы безопасности (пункт охраны, студия мониторинга). Помимо этого, коммерческим ЦОД могут понадобиться еще три зоны — для машинных залов, пространств внутри залов и отдельных стоек. Таким образом, всего придется создать 8 зон. Все эти деления достаточно условны и в общем случае могут быть сведены к четырем типовым (см. рисунок 1) путем объединения в группы дополнительных зон безопасности. К тому же физическая безопасность ЦОД — это не только и не столько определенное количество периметров защиты, сколько продуманная стратегия защиты данных в соответствии с конкретной моделью угроз.

В заключение можно сказать, что ЦОД это сложный «механизм», который проблематично и дорого защищать, потому как причиной взлома может стать и сотрудник, случайно (или преднамеренно) оказавшийся в машинном отделении. Поэтому помимо защиты с точки зрения информационной безопасности, необходимо задуматься и о качественной физической защите, в том числе и о разграничении доступа в различные части ЦОД.

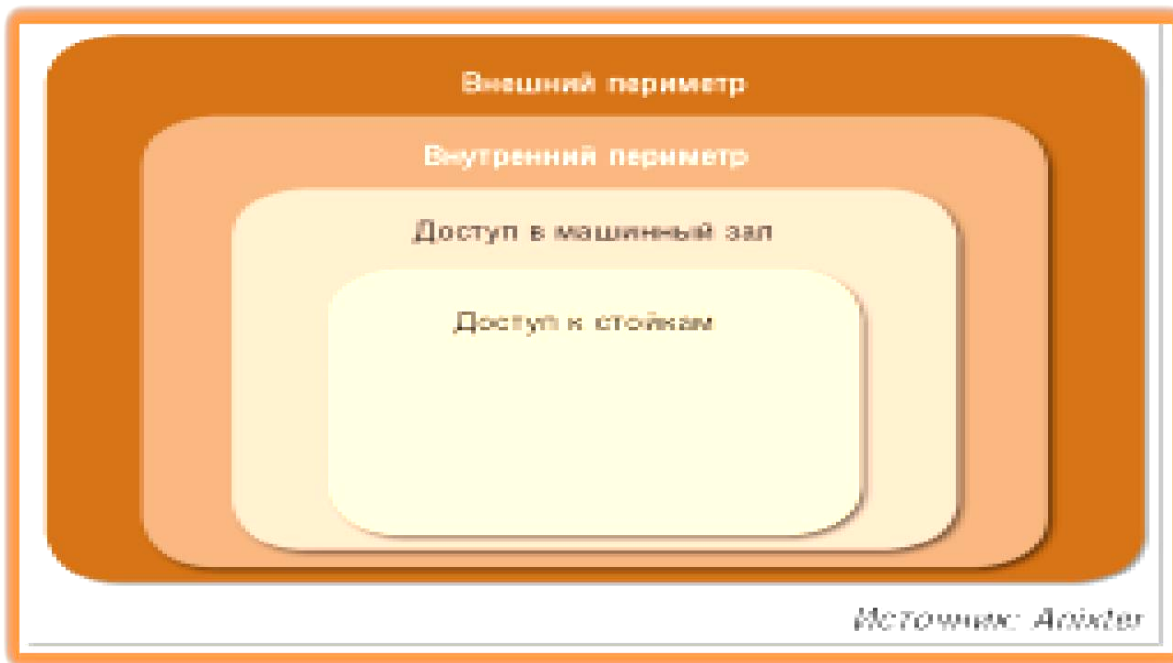

Рисунок 1 - Четыре уровня физической безопасности ЦОД

Как было описано выше, применимые меры полностью зависят от назначения ЦОД. Чем выше его важность, тем выше должны быть меры безопасности. К примеру обычные замки желательно заменить на, хотя-бы замки с пропуском по ID-картам. Так же немаловажной будет лояльность сотрудников. Защита ЦОД с точки зрения информационной безопасности поможет защититься от внешних угроз, тогда как физическая защита поможет снизить вероятность вреда как от штатных сотрудников, так и злоумышленников, проникших в здание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Д.Векслер (Дж. Векслер) Наконец-то надежно обеспечена защита данных в радиосетях // Компьютеруорлд, Москва, 1994, N17, сс. 13-2. Регис. Дж. Бейтс Физическая защита // в аварийном восстановлении для ЛВС, 1994, McGraw-Hill, Inc - С. 44-65.
2. М. Рааб (M.Raab) Защита сетей: наконец-то в центре внимания // Компьютеруорлд, Москва, 1994, №29 - 18 с.
3. Безопасность компьютерных коммуникаций Warwick Ford. Принципы, стандартные протоколы и методы // PTR Prentice Hall, 1994 - 500 с.
4. Проблемы финансов / банковской безопасности: обзор за 1994 год // Доклады Datarго по автоматизации банковской деятельности McGraw-Hill Inc., февраль 1995 г. - С. 101-108.
5. Датапро на CD-ROM Communications

Analyst, 1994, октябрь.
 6. С.В. Сухова. Система безопасности NetWare // "Сему", 1995, N4 - с. 60-70.

ДЕРЕКТЕР ОРТАЛЫҒЫНЫҢ АҚПАРАТТЫҚ ҚАУІПСІЗДІГІ ЖӘНЕ ФИЗИКАЛЫҚ ҚОРҒАЛУЫ

Мақала деректерді өңдеу орталығының ақпараттық қауіпсіздік мәселелерін, соның ішінде Интернет арқылы клиенттерге ашық қолжетімділікті қамтамасыз ету арқылы ақпараттық қауіпсіздік пен физикалық қауіпсіздікке қойылатын қатаң талаптарды қарауға арналған.

Деректер орталығының физикалық қауіпсіздігін қамтамасыз етудің ең теңдестірілген тәсілі-көп деңгейлі қорғауды жүзеге асыру мүмкіндігі (бірнеше қауіпсіздік периметрімен). Қауіпсіздік периметрлерінің саны қауіптердің іске асырылу ықтималдығын бағалауды, тәуекелдерді өңдеудің қолайлы нұсқасын және қабылданған қауіпсіздік саясатын ескере отырып, алаңға қойылатын талаптарға байланысты болады.

Түйін сөздер: ДӨО, ақпараттық қауіпсіздік, интернет, ақпараттың тарауы.

INFORMATION SECURITY AND PHYSICAL PROTECTION OF DATA CENTER
 Issues consideration of the Data center information security and, including strict requirements for information security. And consideration of physical security by providing transparent ac-

cess to customers via Internet. The most balanced way to ensure the physical security of the data center is the ability to implement multi-layered protection (with several security perimeters). The number of security perimeters depends on the requirements of the site, taking into account the

assessment of the probability of implementation of threats, the acceptable risk treatment option and the adopted security policy.

Keywords: Data center, information security, internet, information leakage.

УДК 004.031

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ УСЛУГ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ СЕТЯМИ СВЯЗИ

А.М. Баймухамедова¹, Г.С. Баймухамедова², М.Ф. Баймухамедов³, А.С. Мустафина⁴, профессор, доктор PhD¹, кандидат экономических наук, профессор², доктор технических наук, профессор³, кандидат экономических наук, доцент⁴, Костанайский социально-технический университет им. академика З. Алдамжар (Казахстан)

Положительные отзывы даны д.т.н. Курмановым А.К. и к.т.н. Суховым М.В.

Целью данной статьи является рассмотрение архитектуры мультисервисных телекоммуникационных сетей нового поколения NGN (New Generation Network) с точки зрения предоставления дополнительных услуг, которые сейчас активно продвигаются операторами фиксированной и мобильной связи. Особенности платформ, предоставление интеллектуальных услуг NGN. Произведен обзор существующих на рынке платформ, производители которых заявляют о своей поддержке СПП.

Для сервера приложений наибольшее значение представляют функции авторизации абонентов и получение информации по услугам абонентов. Для этого необходимо либо поддерживать интерфейс Sh или при наличии в системе GUP сервера интерфейс Rp. Также большое значение имеет взаимодействие сервера приложений с IMS сетью, и потому производители оборудования уделяют этому большое внимание

Ключевые слова: NGN, услуги эталонной платформы, интернет,

информационная безопасность, информационные коммуникации.

С момента насыщения рынка базовой услугой «голосовая связь» операторы фиксированной связи стали задумываться об увеличении доходов за счет введения дополнительных услуг VAS (Value Added Services). Первой такой услугой еще в 70-е годы прошлого века в США стала услуга, известная как «800 номер». В нашей стране примерами таких услуг может быть система точного времени или справочная 09.

В настоящее время у мобильных операторов возникла та же проблема насыщения, которая усугубляется большой конкуренцией на рынке, что влечет снижение тарифов на мобильную связь и еще большее снижение доходов. Еще одна проблема – увеличение эксплуатационных расходов. Причин этого несколько – увеличение абонентской базы, необходимость вводить сервисы, такие как возможность выхода в Интернет и MMS. Также на рынке появляются новые устройства (КПК, Смартфоны, iPhone), новые способы доступа (GPRS (Edge), Wi-Fi (WiMax)) и уже приходится говорить не просто о коммуникации, а о инфокоммуникации или унифицированной коммуникации – возможности доступа к любой информации с любого устройства любым способом. Чтобы обеспечить унифицированную коммуникацию, оператору необходимо не только обновить сеть для возможности доступа с разных устройств, но и обеспечить централизованное хранение пользовательской дополнительной информации.

Решение вышеперечисленных проблем операторов уже существует – это построение сети связи нового поколения (NGN), основанной на IP транспорте. Преимуществами такой сети перед традиционными TDM сетями, построенными на основе коммутации каналов, являются:

◆ - удешевление эксплуатации, т.к. ис-

пользуется одна IP сеть, вместо двух (TDM и IP), как у большинства операторов связи в настоящий момент (см. рисунок 1);

- ◆ более простое управление, масштаби-

рование и резервирование узлов сети;

- ◆ однородный трафик – IP пакеты;
- ◆ легкость введения новых услуг.

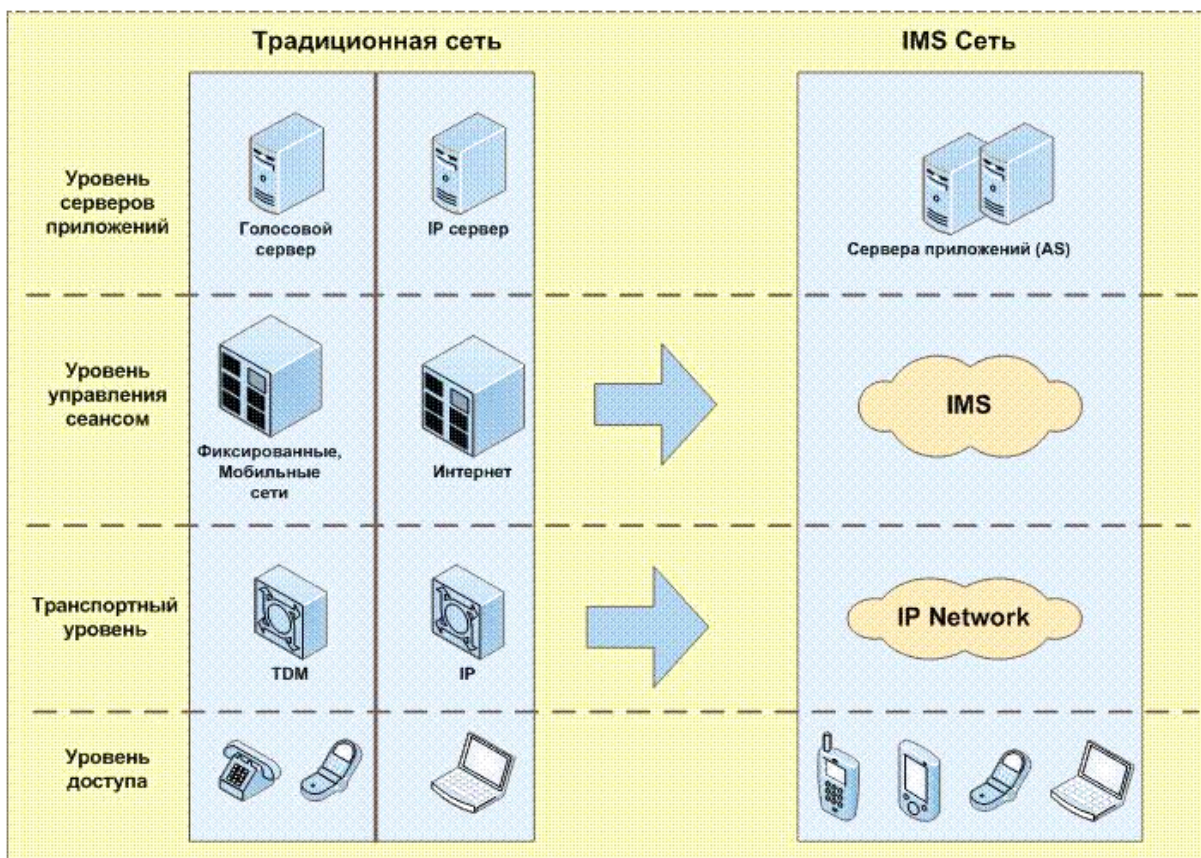

Рисунок 1 – использование одной IP сети

То, что за этим решением будущее, уже не вызывает сомнений. Сейчас идут споры о том, как “неразрушающее” перейти от существующих сетей к NGN, обеспечив при миграции операторам связи:

- ◆ сохранение инвестиций в существующие сети; -поддержку текущего бизнеса, инфраструктуры;
- ◆ сохранение клиентской базы и собственных кадров оператора.

Есть две концепции перехода к сетям NGN со своими положительными и отрицательными сторонами:

- ◆ операторы строят сразу NGN сети на базе IMS (IP Multimedia Subsystem);
- ◆ операторы сначала внедряют в существующие сети программные коммутаторы (Softswitch), потом осуществляют постепенный переход на IMS.

Основное отличие этих подходов в том, что IMS – это полностью IP сеть и доступ к ней происходит с помощью 3G телефонов, с

поддержкой Wi-Fi, широкополосного Интернета, GPRS. Программный коммутатор Softswitch предназначен для конвергентных сетей и его основная функция - это управления медиашлюзами. Доступ к таким сетям происходит по обычным телефонным линиям, которые подключаются к медишлюзам, а маршрутизация вызова, управление соединением, предоставление дополнительных голосовых услуг происходит в IP сети.

В архитектуре NGN системы предоставления услуг находятся в IP домене и предназначены для предоставления интеллектуальных (без участия оператора) услуг. Это могут быть, как голосовые услуги, такие как Автоинформатор (IVR) или Голосовая Почта (Voice Mail), так и видео услуги и мультимедийные сервисы.

Для лучшего понимания преимуществ предоставления услуг в NGN рассмотрим эволюцию технической реализации предоставления услуг в сетях связи (см. рисунок 2).

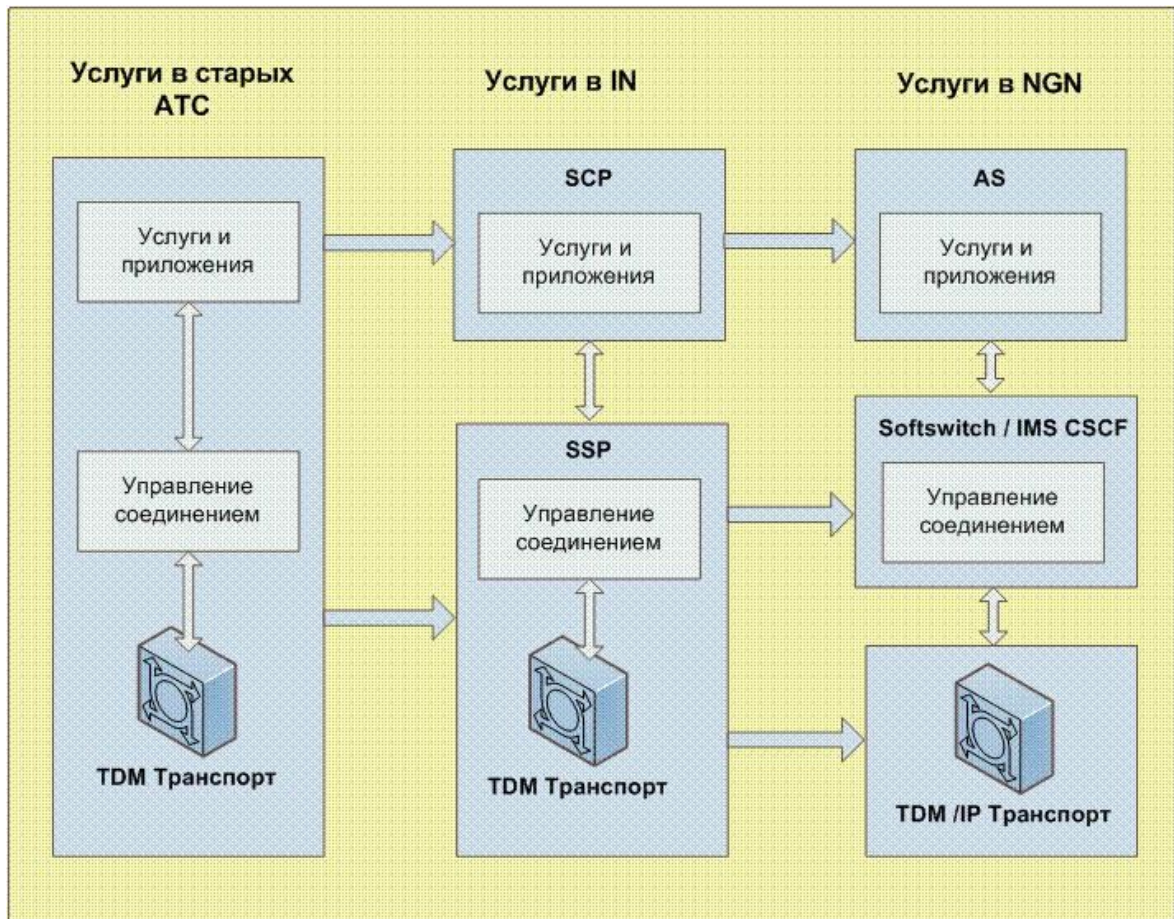

Рисунок 2 - эволюция технической реализации предоставления услуг в сетях связи

С момента появления на рынке средств предоставления услуг встраивались в телефонные станции. Это порождало большие затраты при необходимости ввода новых услуг и изменении существующих. Очевидным развитием стало появление интеллектуальных сетей связи IN (Intelligent Network), в которых узел управления услугами SCP (Service Control Point) отделен от узла коммутации услуг SSP

(Service Switching Point). Такая архитектура IN позволила операторам связи предоставлять услуги своим абонентам, даже если они совершают звонки из другой сети (роуминг услуг). В IN стандартизирован набор услуг ITU Q.1211 "Intelligent Network-Introduction to Intelligent Network Capability Set 1".

Он представляет собой описание голо-совых услуг, таких как:

	Название из CS-1	Русское название
ABD	Abbreviated dialing	Сокращенный набор
ACC	Account card calling	Карты предоплаты
CF	Call forwarding	Перенаправление вызова на номер, определенный абонентом
FPH	Freephone	Бесплатный вызов за счет вызываемого абонента
PRM	Premium rate	Вызов с дополнительной стоимостью
VOT	Televoting	Телеголосование
VPN	Virtual private network	Виртуальная частная сеть
и.т.д, всего более 20 услуг		

Концепция IN не принесла желаемого многообразия услуг из-за сложности протокола между SCP и SSP. При адаптации IN стандартов для мобильных сетей связи особое внимание было уделено не самим услугам, а протоколу взаимодействия SCP и SSP, который получил название CAP (CAMEL Application Part). Первоначально CAP протокол разрабатывался для возможности роуминга для авансовых абонентов. Впоследствии, с его помощью операторы связи реализовали все многообразие мобильных услуг.

Концепция NGN отделяет не только услуги SCP от управления соединением SSP, но и управление соединением SSP от транспорта. Вводятся новые элементы сети: программный коммутатор Softswitch или функция управления вызовами и сессиями CSCF (Call Session Control Function) в IMS, которые с одной стороны управляют соединением, а с другой взаимодействуют с серверами предоставления услуг по SIP протоколу (Session Initiation Protocol). Переход на SIP упрощает введение новых услуг и позволяет оператором связи отдать их реализацию третьим фирмам

Рассмотрим подробнее логику предоставления услуг в NGN, построенную на IMS архитектуре.

Эталонная платформа предоставления услуг

В терминах NGN платформа предоставления интеллектуальных услуг называется SDP (Service Delivery Platform). Основа идеологии NGN - открытые стандарты консорциума 3GPP (3rd Generation Partnership Project). Открытые стандарты позволяют оператором использовать уже приобретенное оборудование, поддерживающее данные стандарты и при необходимости менять только требуемые узлы сети, дают возможность не привязываться к одному поставщику оборудования, а для каждого узла сети выбирать наиболее подходящего. Поэтому поддержка открытых стандартов в SDP является совершенно необходимой.

Архитектура IMS определяет три типа приложений:

- **IMS Applications** - входят в архитектуру IMS и называются серверами приложений (Application Servers). Различают: SIP AS – для предоставления услуг на основе SIP протокола, IM-SSF (IP Multimedia – Service Switching Function) – для предоставления услуг IN сети, и OSA-SCS (Open Service Access – Service Ca-

rability Server) – услуги предоставляются с помощью OSA/Parlay интерфейса;

- **Applications** - это приложения, не входящие в структуру IMS, но работающие внутри инфраструктуры оператора связи;

- **3rd party Applications** - приложения сторонних производителей, работающие вне инфраструктуры оператора.

Рисунок 3 представляет элементы сети IMS, с которыми взаимодействует сервер приложений и интерфейсы, по которым происходит взаимодействие.

По сравнению с интеллектуальными сетями связи IN, новым элементом сети IMS является HSS (Home Subscriber Server) – сервер домашних абонентов, в котором хранятся данные абонентов. HSS является аналогом HLR (HLR - Home Location Registry) в мобильной связи, но с большим числом функций таких как:

- ◆ Mobility Management - поддержка мобильности абонента;

- ◆ Call and/or session establishment support - поддержка установки соединения или сессии передачи данных;

- ◆ User security information generation – поддержка аутентификации абонентов, целостности и безопасности (шифрования) данных абонентов;

- ◆ User identification handling - поддержка идентификаторов абонента, используемых в системах оператора связи;

- ◆ Access authorisation - поддержка авторизации домашних абонентов и визитеров;

- ◆ Service authorisation support – поддержка авторизации домашних абонентов и визитеров для доступа к услугам;

- ◆ Service Provisioning Support - поддержка предоставления услуг абонентам с помощью Applications Servers;

- ◆ GUP Data Repository (General User Profile Data Repository - поддержка хранения данных пользователя и предоставления доступа к ним с помощью Rр интерфейса;

- ◆ в HSS реализуется функция SLF (Subscription Locator Function), которая определяет положение базы данных, содержащей данные конкретного абонента.

Заключение: Для сервера приложений наибольшее значение представляют функции авторизации абонентов и получение информации по услугам абонентов. Для этого необходимо либо поддерживать интерфейс Sh или при наличии в системе GUP сервера (см. Рисунок

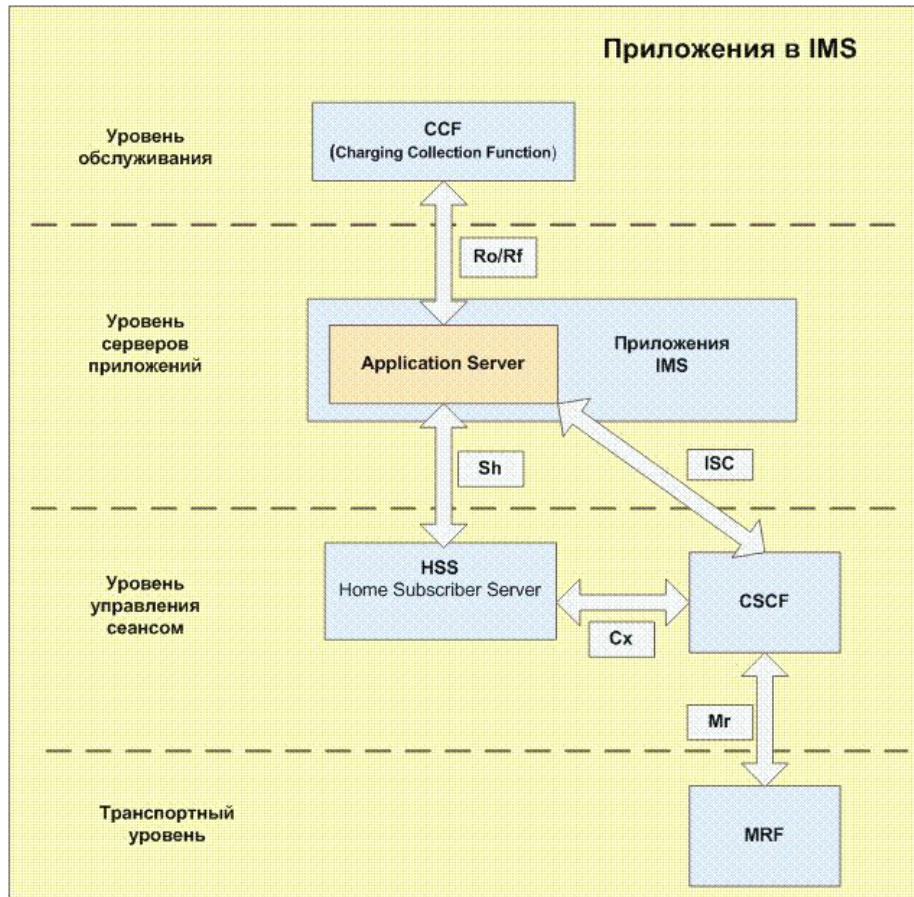

Рисунок 3 - элементы сети IMS

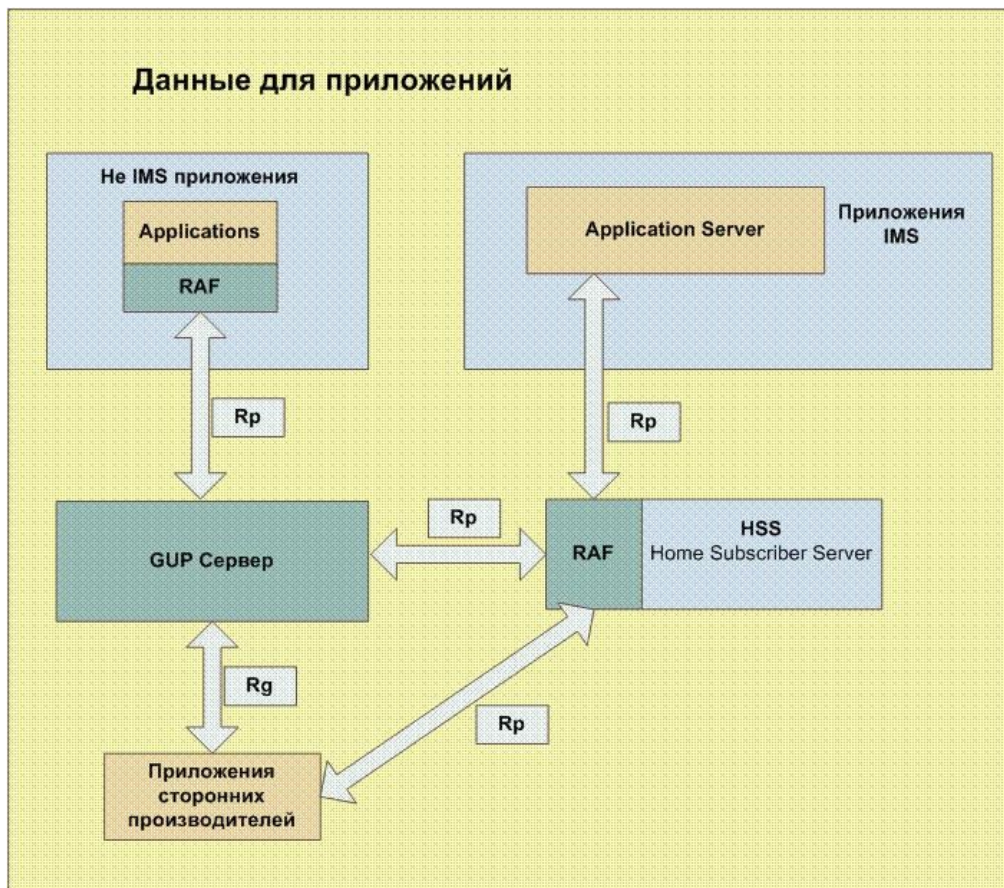

Рисунок 4 - интерфейс Sh при наличии в системе GUP сервера

4) интерфейс Rр. Также большое значение имеет взаимодействие сервера приложений с IMS сетью, и потому производители оборудования уделяют этому большое внимание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Искусственные нейронные сети. Теория и практик 2-е изд. Круглов В.В. Борисов В. В.. - М. : стереотип, 2002.
2. Методы распознавания Горелик А.Л. Скрипкин В.А.. - М. : Высшая школа, 1977.
3. Нейронные Сети Для Обработки Информации - Москва , 2002.
- 4.Непараметрические модели распознавания образов, Лапко А.В. Лапко В.А., Ченцов С.В.. - Автометрия, 1999. - Т. 6 : стр. 103 - 113.
- 5.Принципы распознавания образов / Пер с англ. Ту Дж. Гонсалес Р.. - М. : Мир, 1978.
- 6.Учебное пособие к курсу "Нейронные сети" - Воронеж, 1999.

БАЙЛАНЫС ЖЕЛІЛЕРІ ҰСЫНАТЫН АҚПАРАТТЫҚ ҚЫЗМЕТТЕРДІ ДАМУ

Осы мақаланың мақсаты NGN (New Generation Network) жаңа буындағы мультисервистік телекоммуникациялық желілердің архитектурасын қазіргі уақытта тіркелген және ұялы байланыс операторлары белсенді түрде ілгерілететін қосымша қызметтерді ұсыну тұрғысынан қарау болып табылады. Платформалардың ерекшеліктері, NGN зияткерлік қызметтерін ұсыну. Нарықта бар платформаларға шолу жасалды, олардың өндірушілері СПП-ге қолдау көрсетеді.

Қосымшалар сервері үшін абоненттерді авторизациялау және абоненттердің

қызметтері туралы ақпарат алу функциялары ең маңызды болып табылады. Ол үшін Sh интерфейсін немесе GUP жүйесінде Rр интерфейсі болған кезде қолдау керек. Сондай-ақ, қосымшалар серверінің IMS желісімен өзара әрекеттесуі үлкен мәнге ие, сондықтан жабдық өндірушілері бұған көп көңіл бөледі

Түйін сөздер: NGN, анықтамалық платформа қызметтері, интернет, ақпараттық қауіпсіздік, ақпараттық коммуникациялар.

THE DEVELOPMENT OF INFORMATION SERVICES PROVIDED BY THE NETWORKS

The purpose of this article is consideration of the multiservice telecommunication networks architecture of new generation NGN (New Generation Network) from the point of view of providing additional services, which are now being actively promoted by operators of fixed and mobile communications. The specific features of the platforms, the provision of intellectual services of NGN. Produced an overview of existing platforms on the market, manufacturers of which declare their support to the NGN. For the application server, the functions of subscriber authorization and obtaining information on subscriber services are of the greatest importance. To do this, you must either support the Sh interface or, if there is a server in the GUP system, the Rр interface. Also of great importance is the interaction of the application server with the IMS network, and therefore equipment manufacturers pay great attention to this.

Keywords: NGN, Reference platform services, internet, information security, information communications.

УДК 336.01

2021-2022 ЖЫЛДАРДЫҢ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ БЮДЖЕТ САЯСАТЫНЫҢ ЖАҒДАЙЫ

Г. М. Әжібаева,

магистр, аға оқытушы,
академик З. Алдамжар атындағы Қостанай
әлеуметтік-техникалық университеті
(Қазақстан)

Положительные рецензии даны
д.э.н. Мишулиной О.В.
и к.э.н. Байкадамовым Н.Т.

Мақалада Қазақстан Республикасының бюджет саясаты талданады. Бюджет саясатының көрсеткіштері қарастырылған.

Бюджет - мемлекеттің заңмен немесе жергілікті өкілді органдардың шешімдерімен бекітілетін, мемлекет өз міндеттерін қамтамасыз етуіне арналған және салықтар, алымдар, басқа да міндетті төлемдер, капиталмен жүргізілетін операциялардан алынатын кірістер, салыққа жатпайтын және заң актілерінде көзделген өзге де түсімдер есебінен құрылатын орталықтандырылған ақша қоры.

Мемлекеттік бюджеттің экономикалық қатынастардың жиынтығы ретінде өіне тән объективті сипаты бар. Оның дербес бөлу сала ретінде бар болуы дамуы орталықтандырылған сәйкес ресурстарға мұқтаж болатын қоғамдық өндіріспен алдынала объективті анықталған.

Ақша құралдарының орталықтануы барлық халық шаруашылығы масштабындағы қорлардың іркіліссіз айналымын ұйымдастыру және экономиканың барлық салаларының дұрыс жұмыс істеуін қамтамасыз етуі үшін қажет.

Айрықша бюджеттік саланың құндылық бөлінуінің бар болуы тағы табиғат пен мемлекет функцияларымен шарттасылған. Соңғысы тез қарқынмен дамып жатқан салаларды қаржыландыру үшін, қоғамдық масштабта әлеуметтік-мәдени шараларды өткізу үшін, қорғаныс саласындағы мәселелерді шешу үшін, мемлекеттік басқарудағы жалпы шығындарды өтеу үшін орталықтандырылған қаражаттарды қажет етеді. Сол сияқты мемлекеттік бюджеттің бар болуы — адамдардың

субъективті қалау емес, ол кеңейтілген қайта өндірудің қажеттіліктерімен, табиғат және мемлекет функцияларымен анықталған объективті қажеттілік.

Мемлекеттік бюджетте мемлекетпен жүзеге асырылатын қаржылық орталықтандыру қағидасы нақты қолданған. Орталықтандырылған қаржылық ресурстар мемлекеттің өндірілетін жоспарланған қарқынын және үйлесімділігін, салалық және территориялық құрылымын дамытуға, бірінші кезекте экономика салаларының прогрессивті дамуына қажетті мөлшердегі қаржыларды қалыптастыру, ірі әлеуметтік жаңғыртуларды жүзеге асыруды қамтамасыз етеді. Қаржылардың орталықтануы арқасында мемлекеттің экономикалық және әлеуметтік саясатының табысты жүзеге асуына жағдайлар дайындап, қаржылар экономикалық және әлеуметтік дамудың шешімді телімдерінде шоғырланады.

Қаржылық қайта бөлудің ерекше бөлімі ретінде мемлекеттік бюджет қзіндік қоғамдық арнаулы қызметін атқарады — жалпы мемлекеттік қаржыларды қанағаттандырады.

Түйін сөздер: бюджет, республикалық бюджет, жергілікті бюджет, фискалдық тұрақтылық, бюджет тапшылығы, бюджет кірістері, бюджет шығындары, трансферттер, әлеуметтік міндеттемелер.

«2021 жылы мемлекеттік бюджетке салық түсімдері бойынша жоспар 103,6 пайыз (жоспар бойынша 10 346,9 млрд теңге, 377,4 млрд теңгеге асыра орындаумен 10 724,3 млрд теңге түсті) орындалды. 2020 жылмен салыстырғанда 25,3 пайызға немесе 2 163,1 млрд теңгеге артты. Оның ішінде: республикалық бюджет 102,1 пайыз орындалды. 2020 жылмен салыстырғанда 26,6 пайызға немесе 1 482,1 млрд теңгеге өсті. Жергілікті бюджет 106,8 пайызға орындалып, 2020 жылмен салыстырғанда 22,8 пайызға немесе 681,0 млрд теңгеге өсті ұлғайды».

Ведомство мәліметінше, 2020 жылмен салыстырғанда республикалық бюджетке түсімдер өсімінің ең көп сомасы мұнайға салынатын корпоративті табыс салығы бойынша 533,7 млрд теңгеге немесе 34,2%, экспорттық кеден баждары бойынша 441,0 млрд теңгеге немесе 1,8 есе, ЕАЭО елдерінен импортқа қосылған құн салығы бойынша 235,8 млрд теңгеге немесе 34,7%, үшінші елдерден импортқа ҚҚС бойынша 149,3 млрд

теңгеге немесе 23,1% және пайдалы қазбаларды өндіру салығы бойынша 116,8 млрд теңгеге өскені немесе 35,1% байқалады.

2021 жылы 2020 жылмен салыстырғанда негізгі экспорттық позицияларға бағаның көтерілуі тіркелді. Оның ішінде баға мұнайға 68,7, мысқа 50,8, алюминийге 44,2, мырышқа 32,2, күміске 22,5, қорғасынға 20,4 және алтынға 1,7 пайызға артты. Мұнайға салынатын кедендік әкету бажының мөлшерлемесі 69,2 пайызға өсті.

Үшінші елдермен тауар айналымы 2021 жылы 2020 жылмен салыстырғанда 14,1 пайызға ұлғайды. 2021 жылы бір салық төлеушіге онлайн бақылау-касса машиналарынан орташа түсім 16,6 пайызға артты.

«Жалпы ішкі өнімнің өсу қарқыны қаңтар айындағы минус 4,5 пайыздан бірінші тоқсанның қорытындысы бойынша минус 1,6 пайызға дейін жетті. Макрокөрсеткіштерді нақтылау кезінде мұнайдың орташа жылдық бағасы барреліне 50 доллар деңгейінде айқындалды. Дүниежүзілік банк пен Халықаралық валюта қорының болжамдары бойынша әлемдік экономиканың өсуі биыл 4,3% және 6% құрайды. Жоғарыда айтылғанды ескере отырып, ел экономикасының өсу болжамы 2,8 пайыздан 3,1 пайызға дейін жақсарды. Осылайша экономикалық өсім қалпына келу сатысында болады.

Бұл ретте номиналды жалпы ішкі өнім 77,8 трлн теңге көлемінде бағалануда. Сыртқы сұранысты қалпына келтіру аясында металлургиядағы өндірістің белсенді өсуі есебінен өңдеуші өнеркәсіптегі болжамды көрсеткіштер 4,1 пайыздан 5,2 пайызға дейін жақсарды. Құрылыста жоспарланған 17 млн шаршы метр тұрғын үйдің берілуіне байланысты болжам 2,5%-дан 5%-ға дейін жақсарды. Ақпарат пен байланыста IT қызметтерге сұраныстың өсу нәтижесінде болжам 3,8%-дан 6,5%-ға дейін ұлғайды. Ұлттық банктің болжамы бойынша экспорт 10,8 млрд долларға яғни 52,2 млрд долларға дейін ұлғаяды. Импорт 37,1 млрд долларды көрсеткен. Инфляция бұрын бекітілген 4-6% дәлізде сақталды. «Түзетілген макроэкономикалық болжам негізінде 2021 жылға арналған республикалық бюджет параметрлерінің болжамы нақтыланды. Республикалық бюджет кірістері трансферттерді есепке алмағанда, 2021 жылы 7 204 млрд теңге көлемінде бағаланады. Ұлттық қордан кепілдендірілген трансферт

өзгермейді және 2 700 млрд теңге мөлшерінде сақталды. Ұлттық қордан нысаналы трансферт 1 трлн теңгеден 1 850 млрд теңгеге дейін ұлғаяды. Республикалық бюджет шығыстары 15 334 млрд теңге көлемінде болжануда. Бюджет тапшылығы жалпы ішкі өнімге қатысты 3,5% деңгейінде болжанып отыр.

Қазақстанның 2021-2025 жылдарға арналған әлеуметтік-экономикалық даму болжамына сәйкес, болжанатын кезеңге ЖІӨ-нің орташа жылдық өсу қарқыны 4%-ды құрайды. Атаулы ЖІӨ 2021 жылы 76,7 трлн теңгеден 2025 жылы 104,8 трлн теңгеге дейін өседі. Ұлттық банк жылдық инфляцияның нысаналы дәлізін 2021 жылы 4-6% шегінде сақтап, кейіннен 2025 жылы 3-5%-ға дейін төмендетуді болжайды. 2021 жылға арналған республикалық бюджетте шығыстардың жаңа бастамалары көзделген, оның ішінде жалақыны арттыру арқылы педагог пен медицина қызметкерлерінің мәртебесін арттыру, МӘМС-ке мемлекет жарналары, орта білім беру ұйымдарында жан басына қаржыландыру, халықты сапалы ауыз сумен қамтамасыз ету, жергілікті маңызы бар жолдарды дамыту, газдандыру, жастар мен көп балалы отбасыларды тұрғын үймен қамтамасыз ету бар. "Қазір экономика салаларын қолдау жөніндегі жоспарланған шараларды сапалы іске асыруымыз керек, үйлесімді әрі жедел шешімдер қабылдауымыз қажет. Қазіргі жағдайды ескере отырып, алға қойылған мақсаттарға қол жеткізу үшін ел бюджетінің жобасы қалыптастырылды.

Елдің 2021-2025 жылдарға арналған әлеуметтік-экономикалық даму болжамы мынадай факторларды ескере отырып әзірленді:

1) 2019 жылғы жалпы ішкі өнім бойынша есептік статистикалық деректер. Ағымдағы жылдың қаңтар-шілдедегі экономиканың даму қорытындылары;

2) Әлемдік экономиканың өсуі бойынша халықаралық қаржы ұйымдарының жаңартылған болжамдары. Коронавирус пандемиясы аясында ағымдағы жылы әлемдік экономика 4,9%-ке төмендеп, 2021 жылы 5,4%-ке дейін өседі деп күтілуде;

3) Әлемдік тауар нарықтарындағы үрдістер. Халықаралық қаржы ұйымдарының 2021-2022 жылдарға арналған мұнай бағасына консенсус-болжамы бір барреліне тиісінше 45 және 55 долларын құрайды. Қазақстан экономикасының дамуын халықаралық рейтингтік агенттіктер оң бағалауда. Moody's

және FitchRatings рейтингтік агенттіктері Қазақстанның рейтингін инвестициялық сенімділік деңгейінде растады. Олардың ішінде, жақында, ағымдағы жылдың 21 тамызында FitchRatings агенттігі "тұрақты" болжамымен "BBB" деңгейінде рейтингті растады. FitchRatings пікірінше, Қазақстанның рейтингі экономиканың фискалдық тұрақтылығын, экономиканы қолдаудың тиімді шараларын және ақша-кредит саясатын сәтті жүргізуді көрсетеді.

Сыртқы және ішкі жағдайларға ескере отырып, Қазақстан экономикасын дамытудың 2021-2025 жылдарға арналған 3 ықтимал сценарийі әзірленді. Консервативті тәсілді ескере отырып, бюджеттік жоспарлау үшін базалық сценарийді пайдалану ұсынылады. Базалық сценарийде жалпы ішкі өнімнің нақты өсуі 2021 жылы 2,8% деңгейінде болжанып отыр. 2025 жылы ол 4,6%-ке жетеді. Номиналды жалпы ішкі өнім 2021 жылы 76,7 трлн. теңгені, ал 2025 жылы - 104,8 трлн. теңгені құрайды. 2021 жылы мұнай өндіру 86,0 млн. тоннадан 2025 жылы 100,7 млн. тоннаға дейін өседі.

Барлық базалық салаларда оң өсу күтілуде. Өңдеу өнеркәсібі жылына орта есеппен 6,7%-ке өсіп, кен өндіру өнеркәсібіне қарағанда озық қарқынмен өседі. Кен өндіру өнеркәсібіне өсім 2,9% деңгейінде болады. Орташа жылдық өсу қарқыны ауыл шаруашылығында - 6,2%, саудада - 5,5% құрайды. Тауарлар экспорты 2021 жылы 41,4 млрд. долларды құрап, 2025 жылы 51,5 млрд. долларға дейін ұлғаю күтілуде. Импорт 2021 жылғы 36,3 млрд. доллардан 2025 жылы 37,8 млрд. долларға дейін өседі. "Қазақстан-2050" Стратегиясының ұзақ мерзімді мақсаттарын ескере отырып, әлеуметтік-экономикалық саясаттың негізгі басымдықтары келесідей болады.

- 1) Ғылымды дамытушы макроэкономикалық саясат және қаржы нарығының дамуы;
- 2) Салаларының бәсекеге қабілеттілігі және экономиканың өзін-өзі қамтамасыз етуі;
- 3) Инвестициялық және бизнес ахуалды одан әрі жақсарту;
- 4) Сапалы адами капитал;
- 5) Теңгерімді өңірлік даму;
- 6) Тиімді мемлекеттік сектор;
- 7) Белсенді сауда саясаты және экспортты ілгерілету.

2021-2023 жылдарға арналған ұшжылдық бюджетті қалыптастыру кезінде келесі болжамды параметрлер қолданылды.

- 1) Жалпы ішкі өнімнің 2021 жылы 2,8%,

2022 жылы 3,7% және 2023 жылы 4,6%-тік нақты өсуі.

2) 2021-2022 жылдары инфляция 4-6%, 2023 жылы 4-5%.

3) Мұнай өндіру көлемінің 2021 жылы 86 млн. тонна, 2022 жылы 89,6 млн. тонна және 2023 жылы 100,8 млн. тонна деңгейінде болуы.

4) Консервативті тәсілді ескере отырып, 2021-2023 жылдары мұнай бағасының бір барреліне 35 доллар деңгейінде алынды. Осы макроэкономикалық көрсеткіштер негізінде келесі бюджет параметрлерінің болжамы қалыптасты. Республикалық бюджеттің кірістері (трансферттерді есепке алмағанда) 2021 жылы 6 926 млрд. теңгені, 2022 жылы - 8 566 млрд. теңгені, 2023 жылы - 9 217 млрд. теңгені құрайды. Сіздің қарауыңызға Ұлттық қордан 2021-2023 жылдарға арналған кепілдендірілген трансферт туралы заң жобасы және 2021 жылға арналған нысаналы трансферт бөлу туралы жарлық жобасы ұсынылады. Кепілдендірілген трансфертті 2021 жылы - 2,7 трлн. теңге, 2022 жылы - 2,4 трлн. теңге және 2023 жылы - 2,2 трлн. теңге мөлшерінде айқындау ұсынылады.

Кепілдендірілген трансфертті әлеуметтік міндеттемелерді қаржыландыруға бағыттау ұсынылады. Тиісінше, даму бағдарламаларын қаржыландыруды ұлғайту үшін 2021 жылы Ұлттық қордан 1 трлн. теңге мөлшерінде нысаналы трансфертті тарту ұсынылады. Осылайша, болжам бойынша түсімдер 2021 жылы 11,4 трлн. теңге, 2022 жылы - 11,8 трлн. теңге, 2023 жылы - 12 трлн. теңгені құрайды. Республикалық бюджеттің шығыстары 2021 жылы 14 трлн. теңге, 2022-2023 жылдары - 13,9 трлн. теңге көлемінде болжануда. Жалпы, әлеуметтік-экономикалық даму болжамы макроэкономикалық тұрақтылықты сақтауға, нәтижелі жұмыспен қамтуға, сонымен қатар ұлттық экономиканы тұрақты және сапалы дамытуға бағытталған.

Бюджет жобасын қалыптастыру кезінде басым міндеттер: мемлекеттің әлеуметтік міндеттемелерін қамтамасыз ету; мемлекеттік инвестициялардың қолайлы деңгейін сақтау болып табылады. 2021 жылға арналған түсімдер 11,4 трлн. теңге деңгейінде болжанып отыр. Республикалық бюджеттің кірістері (трансферттерді есептегенде) 2021 жылы 6,9 трлн. теңгені, 2022 жылы - 8,6 трлн. теңгені, 2023 жылы - 9,2 трлн. теңгені құрайды. Ұлғаю негізінен корпоративтік табыс салығы, қосылған құн салығы және шикі мұнайға экспорттық кедендік баж

бойынша күтілуде. Бюджет тапшылығы 2021 жылы жалпы ішкі өнімнің 3,4%-інен 2023 жылы кезең-кезеңмен жалпы ішкі өнімнің 2,1%-іне дейін төмендеуімен жоспарланған. Шығыстар 2021 жылы 14 трлн. теңгені құрайды.

Бюджеттің ағымдағы шығыстары келесі жылға 13,1 трлн. теңге деңгейінде анықталды (2022 жылы - 13,6 трлн. теңге, 2023 жылы - 13,7 трлн. теңге). Даму бюджетінің көлемі 2021 жылы 900 млрд. теңге сомасында жоспарланып отыр (2022 жылы - 284 млрд. теңге, 2023 жылы - 140 млрд. теңге). Бюджеттің әлеуметтік бағыты сақталды. Шығыстар құрылымындағы әлеуметтік саланың үлесі 50,4%-ті құрайды. Осылай, әлеуметтік салаға 2021 жылы 2020 жылмен салыстырғанда 454 млрд. теңгеге өсіммен 7 трлн. теңге жоспарланды (2022 жылы - 7,8 трлн. теңге, 2023 жылы - 8,6 трлн. теңге). Жыл сайынғы индекстеу және зейнетақы мен жәрдемақы алушылар контингентін ұлғайтуға келесі жылға қосымша 265 млрд. теңге көзделді. Сондай-ақ мұғалімдер мен дәрігерлердің жалақыларын көтеру жолымен олардың мәртебесін арттыру жөніндегі Президенттің тапсырмаларын іске асыру бойынша барлық іс-шаралар жоспарланған.

Экономика нақты секторының дамуын қолдауға 2021 жылға 1,7 трлн. теңге көзделді (2022 жылы - 916 млрд. теңге, 2023 жылы - 538 млрд. теңге). Осы қаражат шеңберінде "Нұрлы жол", "Нұрлы жер", агроөнеркәсіптік кешенді дамыту, индустриялық-инновациялық даму мен "Бизнестің жол картасы - 2025" және тағы басқа бағдарламаларды іске асыру жалғасатын болады. 2021 жылы өңірлерге республикалық бюджет қаражаты есебінен 3,8 трлн. теңге бөлінетін болады, бұл жалпы бюджет шығыстарының шамамен 27%-ін құрайды. Оның ішінде ағымдағы нысаналы трансферттері - 1,4 трлн. теңге, даму трансферттері түрінде 405 млрд. теңге көзделді.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. <https://www.kt.kz/kaz>.
2. <https://www.inform.kz/>.
3. zakon.kz Қасым-Жомарт Тоқаевтың Қазақстан халқына Жолдауы.
4. Мельников В. Д., Ильясов К.К. Финансы- Алматы: Каржы-Каражат, 2018.
5. Мельников В.Д. Государственное финансовое регулирование экономики Казахстана. Алматы, 2015.
6. Ильясов К.К., Зейнельгабдин А.Б.,

Ермекбаева Б.Ж. Налоги и налогообложение. Алматы: 2015.

СОСТОЯНИЕ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН НА 2021-2022 ГОДЫ

В статье анализируется бюджетная политика Республики Казахстан. Предусмотрены показатели бюджетной политики.

Бюджет-централизованный денежный фонд государства, утверждаемый законом или решениями местных представительных органов, предназначенный для обеспечения государством своих обязанностей и создаваемый за счет налогов, сборов, других обязательных платежей, доходов от операций с капиталом, неналоговых и иных поступлений, предусмотренных законодательными актами.

Государственный бюджет как совокупность экономических отношений имеет объективный характер. Его существование как самостоятельной распределительной отрасли объективно предопределено общественным производством, развитие которого требует централизованных соответствующих ресурсов.

Централизация денежных инструментов необходима для организации бесперебойного оборота фондов всех масштабов народного хозяйства и обеспечения правильного функционирования всех отраслей экономики.

Наличие ценностного распределения особой бюджетной сферы обусловлено еще функциями природы и государства. Последнее требует централизованных средств для финансирования быстрорастущих отраслей, для проведения социально-культурных мероприятий в общественном масштабе, для решения вопросов оборонной сферы, для покрытия общих расходов в государственном управлении. Точно так же существование государственного бюджета-это не субъективное желание людей, а объективная потребность, определяемая потребностями расширенного воспроизводства.

В республиканском бюджете четко применен принцип финансовой централизации, осуществляемый государством. Централизованные финансовые ресурсы обеспечивают реализацию крупных социальных преобразований, формирование средств в

объеме, необходимом для развития отраслевой и территориальной структуры, в первую очередь для прогрессивного развития отраслей экономики, запланированных темпов и координации производства государства. Благодаря централизации финансов создаются условия для успешной реализации экономической и социальной политики государства, а средства концентрируются на решающих участках экономического и социального развития.

Ключевые слова: бюджет, республиканский бюджет, местный бюджет, фискальная стабильность, дефицит бюджета, доходы бюджета, расходы бюджета, трансферты, социальные обязательства.

STATE OF THE BUDGET POLICY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN FOR 2021-2022

The article analyzes the budget policy of the Republic of Kazakhstan. Budget policy indicators are provided.

Budget - centralized Monetary Fund established by the state by law or decisions of local representative bodies, intended for the state to ensure its obligations and formed at the expense of taxes, fees, other mandatory payments, income from capital transactions, other non-tax and other revenues provided for by legislative acts.

The state budget as a set of economic relations has a characteristic objective character. Its existence as a separate distribution industry is objectively determined by the development of Public production, which needs centralized appropriate resources.

Centralization of monetary instruments is

necessary for the organization of uninterrupted circulation of funds of all national economic scales and ensuring the proper functioning of all sectors of the economy.

The existence of a special distribution of the value of the public sector is again conditioned by the functions of nature and the state. The latter requires centralized funds to finance rapidly developing industries, to hold social and cultural events on a public scale, to solve problems in the field of Defense, and to reimburse the total costs of Public Administration. Similarly, the existence of the state budget is not a subjective desire of people, but an objective need determined by the needs of expanded reproduction, nature and functions of the state.

In the state budget, the principle of financial centralization implemented by the state has been clearly applied. Centralized financial resources ensure the formation of funds necessary for the development of the planned pace and consistency of production, sectoral and territorial structure of the state, primarily for the progressive development of economic sectors, the implementation of major social modernization. Thanks to the centralization of funds, funds are concentrated in the decisive areas of economic and social development, preparing conditions for the successful implementation of economic and social policy of the state.

As a special part of the financial redistribution, the state budget performs a special public function — it generally satisfies public finances.

Keywords: budget, republican budget, local budget, fiscal stability, budget deficit, budget revenues, budget expenditures, transfers, social obligations.

УДК 681.5

**РОБОТОТЕХНИКА
В СФЕРЕ УСЛУГ**

*А.М. Баймухамедова¹, Г.С. Баймухамедова²,
М.Л. Александрова³,
профессор, доктор PhD¹,
кандидат экономических наук, профессор²,
старший преподаватель³,
Костанайский социально-технический
университет им. академика З. Алдамжар
(Казахстан)*

*Положительные отзывы даны
д.т.н. Курмановым А.К.
и к.т.н. Рыспаевым К.С.*

В статье рассматривается применение робототехнических средств в сфере услуг. Практика применения роботов в сфере обслуживания показала высокую эффективность и прибыльность роботизации услуг. Отмечается, что роботизированные устройства и приложения в смартфонах и планшетах значительно повышают качество обслуживания клиентов. В магазине используются роботы, сканирующие полки для проверки, находится ли товар в правильном месте, сколько его в наличии и правильно ли выставлены цены, а также подносящие покупки покупателям.

Ключевые слова: *робототехнические средства, сфера услуг, качество обслуживания, эффективность, прибыльность.*

Идея использования роботов в сфере обслуживания постепенно становится реальностью. В Европе, Азии и на Западе широко используются роботы в качестве обслуживающего персонала. Современные технологии робототехники достигли потрясающих успехов и уже сейчас помогают людям во всем мире. И роботизированные устройства, и приложения в смартфонах и планшетах значительно повышают качество обслуживания клиентов. С такими темпами уже трудно представить, насколько высокотехнологичным будет даже ближайшее наше будущее. Использование роботов в сфере услуг имеет много плюсов. Это инновации.

К тому же робот изначально создан и запрограммирован для точности. Задав роботу-консультанту вопрос о том, где находится тот или иной товар, покупатель обязательно окажется в нужном месте, не потеряв своего времени на поиски. Также они достаточно эффективны. В то время как продавец нуждается в оплате труда и других социальных выплатах, робот обходится не так дорого. Со временем он окупается и приносит только прибыль [1].

Практика применения роботов в сфере обслуживания показала высокую эффективность и прибыльность роботизации услуг. Умные технологии, используемые в процессе цифровизации и роботизации существенно улучшают условия жизни граждан страны (фото 1 - 4) [2].

Фото 1 – Умные технологии улучшают жизнь казахстанцев

Фото 2 - Роботизированный персонал в китайском ресторане

Роботы-официанты умеют принимать заказы, подносить еду и выписывать счёт.

Фото 3 - Роботизированный магазин

В магазине используются роботы, сканирующие полки для проверки, находится ли товар в правильном месте, сколько его в наличии и правильно ли выставлены цены, а также подносящие покупки покупателям.

В заключение следует отметить, что повсеместная роботизация сферы услуг приведет к значительному сокращению

рабочих мест на предприятиях данной сферы. Высвободившиеся работники могут переквалифицироваться и продолжить трудовую деятельность в иных сферах общественной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юревич Е.И. Робототехника // СП.:Изд

Фото 4 - Роботы на сортировке и упаковке почты

-во Политехн.ун-та, 2005.-300с.

2. Баймухамедов М.Ф. Социально-экономическая эффективность применения средств робототехники. // Журнал «Проблемы права и экономики», выпуск 10, №4, 2018. – С.4-7.

қатар сатып алушыларға сатып алуды ұсынады.

Түйін сөздер: робототехникалық құралдар, қызмет көрсету саласы, қызмет көрсету сапасы, тиімділік, пайдалылық.

ҚЫЗМЕТ КӨРСЕТУ САЛАСЫНДАҒЫ TRY РОБОТОТЕХНИКА

Мақалада қызмет көрсету саласында робототехникалық құралдарды қолдану қарастырылады. Қызмет көрсету саласында роботтарды қолдану тәжірибесі қызметтерді роботтандырудың жоғары тиімділігі мен пайдалылығын көрсетті. Смартфондар мен планшеттердегі роботты құрылғылар мен қосымшалар клиенттерге қызмет көрсету сапасын едәуір арттыратыны атап өтілді. Дүкен роботтарды пайдаланады, сөрелерді сканерлейді, өнімнің дұрыс жерде екенін, қанша мөлшерде бар екенін және бағалар дұрыс қойылғанын, сонымен

ROBOTICS IN THE SERVICE INDUS-

The article deals with the application of robotics in the service sector. the practice of application of robots in the service sector has shown high efficiency and profitability of robotization of services. it is noted that robotic devices and applications in smartphones and tablets significantly improve the quality of customer service. the store uses robots to scan the shelves to check if an item is in the right place, how much is in stock and if prices are correct, and to bring purchases to customers.

Keywords: robotics, service industry, quality of service, efficiency, profitability.

УДК 007

DIGITAL TRANSFORMATION IN EDUCATION

**М.Ф. Баймухамедов¹, С.Г. Еслямов²,
Ш.Ж. Тажиева³,**

*доктор технических наук, профессор¹,
доцент³,*

*Костанайский социально-технический
университет им. академика З. Алдамжар,*

*кандидат технических наук, профессор,
Назарбаев университет²*

(Казахстан)

Положительные отзывы даны

д.т.н. Курмановым А.К.

и к.т.н. Суховым М.В.

The significance of digital transformation in education is examined. Massive open online courses (MOOCs), chatbot instructors, and artificial intelligence (AI) lesson plans are examples of digital transformation in education. Any student with access to the Internet also has access to information and free courses (MOOCs) from universities around the world. Advances in robotics and artificial intelligence have caused breakthroughs in education. In the context of the coronavirus pandemic, distance learning technologies using AI methods and tools are rapidly developing and being implemented.

Keywords: *digital transformation, education system, learning process, automation, robotics, distance learning technologies.*

There is no doubt that technology is having a profound impact on global education. But can robots and artificial intelligence fully replace teachers? We all hear predictions that automation and robotics will disrupt entire industries and take jobs away from millions of people. Up to 45% of existing jobs can already be automated using modern technology and robotics. However, this does not affect the field of education too much. After analyzing more than 2,000 jobs in more than 800 occupations, McKinsey & Company reported that of all the sectors examined, "the technical feasibility of automation is lowest in education".

No doubt that digital technologies will still have a strong impact on global education, both by enhancing the learning experience and by expanding access to learning. Massive open online courses (MOOCs), chatbot teachers, and artificial intelligence (AI)-enabled lesson plans are a few

examples of digital transformation in the industry. But can robots and artificial intelligence completely replace teachers?

Effective education involves more than the transfer of information from teacher to student, it requires complex social interactions and adaptation to the needs of each student and their cultural and social context. A good teacher is not just responsive to a student's strengths and weaknesses, but also responsive to the student's state of mind, seeking to maximize human potential. Students also rely on teachers for life guidance and mentoring. Deep and meaningful human interaction is crucial, and it is very difficult, perhaps even impossible, to automate completely. Artificial general intelligence would be needed to automate learning.

Unlike narrow or special intelligence, it should understand natural human language, be sensitive to emotions, plan, strategize, and make optimal decisions in unpredictable circumstances. It will be a machine that can act like a human... And there is no such thing yet. Simply because it is difficult to fully automate the learning process. However, that doesn't mean that the problem isn't being tried. Let's say Jill Watson, a faculty member at Georgia Tech, is an IBM artificial intelligence being implemented in universities around the world. The robot can answer students' questions with 97 percent accuracy. Similar technologies also have applications for assessment and providing feedback.

For example, one project achieved a 0.945 correlation with human resources. This can have a significant impact on online education and significantly increase the rates of online student learning. Any student with access to the Internet also has access to information and free courses (MOOCs) from universities around the world. But not all students are able to form individual reviews. And chat rooms like Jill Watson allow students to check their work and answer all questions at minimal cost. Artificial intelligence algorithms also play an important role in personalizing education. Data analysis helps improve student outcomes by assessing everyone's learning strengths and weaknesses and creating programs that focus on the masses.

Algorithms can analyze student information and create flexible programs that adapt based on real-time feedback. The McKinsey Global Institute estimates that all this data could unlock up to \$1.2 trillion in global economic value. But the technological revolution will not solve all of education's problems. Outdated curricula, standardized tests, and an emphasis on short-term knowl-

edge require a transformation of the educational process as a whole. We must be innovative, not only by implementing modern automation capabilities, but also in relation to all instructional content, strategy, and industry policy.

Today, the development of robotics and artificial intelligence has led to breakthroughs in education [1]. In the context of the coronavirus pandemic, distance learning technologies using AI methods and tools are rapidly developing and being introduced. In the field of research, the number of articles, courses, and patents related to AI has increased dramatically over the past five years. In all likelihood, advances in AI and robotics will help spur economic growth and education in many countries. In world practice, there is positive experience in the use of robots in education. For example, in 2017, a robot teacher appeared in Japan. It lectures on literature and quotes excerpts from the works of writers at Nishogakushev University in Tokyo. It is an android robot with a high resemblance to humans, its appearance mimicking that of teacher Natsume Soseki. Since 2012, the Engkey robot has been used to teach English, leading lessons in an elementary school in South Korea. In Russia in 2015, Promobot gave a lecture to students at the Lyceum of the Moscow Institute of Physics and Technology in Dolgoprudny, near Moscow.

It is generally accepted that an intelligent robot has a so-called model of the external world or internal environment, which allows the robot to act in conditions of uncertainty of information. If this model is implemented in the form of a knowledge base, it is advisable that this knowledge base is dynamic. In this case, the correction of inference rules in a changing environment naturally implements the mechanisms of self-learning and adaptation [2].

REFERENCES

1. Baimukhamedov M.F., Eslyamov S.G. On the application of robots in training specialists with higher education. // International journal "Actual scientific research in the modern world", Issue 7, July, 2020. Pereyaslav-Khmel'nitsky. - С.18-22.
2. Baimukhamedov M.F. Artificial intelligence: Fundamentals of theory and practice. //

Monograph, publishing house "Master Reprint", Kostanai, 2019. - 278 с.

БІЛІМ БЕРУДЕГІ ЦИФРЛЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Білім берудегі цифрлық трансформацияның маңызы қарастырылады. Жаппай ашық онлайн курстар (ЖАОК), чат-бот оқытушылары және жасанды интеллект (AI) көмегімен сабақ жоспарлары білім беру жүйесіндегі цифрлық трансформацияның мысалдары болып табылады. Интернетке қосылған кез-келген студент бүкіл әлемдегі университеттердің ақпараттары мен ақысыз курстарына (ЖАОК) қол жеткізе алады. Робототехника мен жасанды интеллекттің дамуы білім беру жүйесінің серпінді дамуына әкелді. Коронавирустық пандемия жағдайында AI әдістері мен құралдарын қолдана отырып, қашықтықтан оқыту технологиялары тез дамып, енгізілуде.

Түйін сөздер: цифрлық трансформация, білім беру жүйесі, оқу процесі, автоматтандыру, роботтандыру, қашықтықтан оқыту технологиялары.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Рассматривается значение цифровой трансформации в образовании. Массовые открытые онлайн-курсы (МООС), преподаватели чатботов и планы уроков с использованием искусственного интеллекта (AI) – примеры цифровой трансформации в системе образования. Любой студент с доступом к интернету получает и доступ к информации и бесплатным курсам (МООС) университетов по всему миру. Развитие робототехники и искусственного интеллекта обусловили прорывные направления развития системы образования. В условиях пандемии коронавируса стремительно развиваются и внедряются дистанционные технологии обучения с применением методов и средств ИИ.

Ключевые слова: цифровая трансформация, система образования, учебный процесс, автоматизация, роботизация, дистанционные технологии.

УДК 347.9

К ВОПРОСУ О КОНТРОЛЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ЗА ОКАЗАНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

*А.А. Богданов,
руководитель отдела
«АО Госкорпорация
«Правительство для граждан» по
Костанайской области
(Казахстан)*

*Положительные рецензии даны
д.ю.н. Мизанбаевым А.Е.
и к.ю.н. Кужабаевой Г.Т.*

Статья посвящена актуальной проблеме взаимодействия государственных и общественных институтов в сфере оказания государственных услуг. Автор размышляет о путях и методах совершенствования общественного контроля за качеством госуслуг и акцентирует внимание на необходимости системного подхода к организации этого процесса. На примере работы Общественного совета Костанайской области раскрывает плюсы и минусы организационного и правового характера в деятельности общественных институтов и делает вывод о том, что повышение эффективности общественного контроля за качеством госуслуг в значительной мере зависит от стремления субъектов и объектов контроля к конструктивным взаимоотношениям в вопросах финансового мониторинга.

Ключевые слова: *неправительственные организации; Общественные советы; качество государственных услуг; общественный контроль; нормативно-правовые акты местных исполнительных органов.*

В Национальном плане развития страны до 2025 года Президентом Токаевым К.К. обозначена новая модель развития государства, которая требует дальнейшего ускорения реформ в достижении конечной цели Концепции государственного управления – полной реализации конституционной нормы о приоритете прав человека. Эта задача неразрывно связана с взаимодействием государства и гражданского общества в

вопросах взаимовлияния и взаимововлечения государственных и неправительственных институтов в процессы оказания государственных услуг. Однако в законе «О государственных услугах в Республике Казахстан» нет нормы об участии «третьего сектора» в оценке качества этих услуг.

Так, согласно закону «...оценка качества оказания государственных услуг – это деятельность по определению эффективности мер по обеспечению услугополучателей доступными и качественными государственными услугами, оказываемыми центральными государственными органами, местными исполнительными органами областей, городов республиканского значения, столицы, районов, городов областного значения, акимами районов в городе, городов районного значения, поселков, сел, сельских округов; И далее «государственный контроль за качеством оказания государственных услуг это деятельность по проверке, профилактическому контролю и мониторингу соблюдения законодательства Республики Казахстан в сфере оказания государственных услуг центральными государственными органами, местными исполнительными органами областей, городов республиканского значения, столицы, районов, городов областного значения, акимами районов в городе, городов районного значения, поселков, сел, сельских округов, а также физическими и юридическими лицами, оказывающими государственные услуги в соответствии с законодательством Республики Казахстан». [1]

Таким образом, в законе не содержится упоминания об участии гражданского общества в контроле за качеством оказываемых госуслуг. В то же время на практике наблюдается активное действие общественности в этом процессе.

Сегодня в Казахстане идёт широкая дискуссия о роли общественных институтов, которые ориентированы на формирование гражданского общества. При этом нередко задаётся вопрос: «А нужно ли стране множество структур «третьего сектора?» При этом делается ссылка на то, что помимо неправительственных организаций, существуют различные общественные движения, волонтерские службы, блогеры и другие организации, которые Как правило, прежде всего ориентированы на общественный контроль за качеством оказываемых государственных услуг. В данном случае ответ на вышеуказанный

вопрос от достаточно ясен: «Да! Нужно». Потому, что чем больше людей будет вовлечено в процесс взаимодействия власти и общества, тем лучше будет осуществляться мониторинг деятельности исполнительных органов, а значит - эффективней будет общественный контроль над этой сферой и будет больше рычагов, направленных на строительство демократического правового государства.

В качестве примера можно привести деятельность Общественного совета Костанайской области, который уже более пяти лет успешно функционирует в регионе. Население уже обратило внимание на активную работу Общественного совета области. Люди часто обращаются в Совет за помощью в решении различных проблем, интересуются для чего он был создан и какие вопросы рассматриваются на Общественном совете?

Но в этой статье рассмотрим не то, как функционирует этот общественно-значимый институт, а то, как под воздействием общественного мониторинга он трансформировался в правозащитный орган, осуществляющий контроль за правотворческой деятельностью органов исполнительной власти на качественно новом уровне. Необходимо отметить, что Общественный совет Костанайской области был сформирован во исполнение принятого в рамках реализации Плана нации «100 конкретных шагов» Закона РК «Об общественных советах». [2] Этот совет проработал до февраля 2019 года. За период его работы существенно поменялось законодательство регулирующее деятельность Общественных советов. Значительно расширились полномочия советов и государство стало более подотчётным гражданскому обществу. В связи с этим следует заметить, что изначально, когда был принят закон об Общественных советах возникла масса вопросов, которые требовали юридического уточнения. Так, хотя круг полномочий Совета обозначен соответствующим законом, тем не менее в процессе работы потребовалось разъяснение - все или не все проекты нормативно-правовых актов должен рассматривать Совет? Вопрос возник в связи с тем, что только за первые три года, прошедшие со дня образования Общественного совета Костанайской области на его заседаниях в общественном совете было рассмотрено более четырёхсот проектов

правовых актов,

Почти половина из них была возвращена на доработку с замечаниями и предложениями. Однако такой объём нормативно-правовой массы не мог обеспечить качественное рассмотрение документов. Кроме того, существуют госорганы, уполномоченные на рассмотрение нормативных актов, издаваемых местными исполнительными органами. Ведь перед их изданием все проекты проходят экспертизу в органах юстиции, которые рассматривают и дают соответствующее заключение. Есть прокуратура, осуществляющая надзор за точным и единообразным применением закона, есть иные надзорные и контролирующие органы. Поэтому члены Совета пришли к выводу о том, что достаточно нормативно — правовых актов, которые непосредственно относятся к проблемам региона. Например, поступает в Общественный совет проект бюджета области на очередной период. Важно это для региона или нет? Безусловно, важно, поскольку именно в этом документе содержатся все те критерии, о которых мы говорили выше. Поэтому бюджет выносится на заседание совета.

Теперь поступает, скажем, проект НПА, касающийся выделения дополнительных средств на осуществление противопаводковых мероприятий. На первый взгляд, он действительно касается людей, ведь паводок - это угроза безопасности для населения. Но есть определенные финансовые параметры, которые и закладываются в решение этого вопроса. Они уже просчитаны сверх отпускаемых сумм. Поэтому наше мнение здесь не обязательно. В общем, нужно остановиться на самых злободневных темах. Тех, которые касаются жизненно важных интересов людей.

Конечно, рассматриваются не только права и интересы граждан, но и обязанности. Такие например, как уплата налогов. Вот вводят сбор, условно говоря, на уборку кладбищ. В законе о местном самоуправлении есть такая норма, где устанавливаются дополнительные сборы. Вот это уже может выноситься на рассмотрение совета. Нужно это нам или нет? А может быть бюджетных средств для этого достаточно? Следует сесть и подсчитать. Истребовать необходимые документы. Обсудить этот вопрос.

Как отмечено, члены Общественного совета пришли к мнению о том, что нет необходимости рассматривать все законопроекты, направляемые в Общественный совет. Такое

решение вытекает из того, что в соответствии с законом «Об общественных советах» задачей Общественных советов, является рассмотрение проектов нормативно - правовых актов, касающиеся прав, свобод и законных интересов граждан. Но встал вопрос, что входит в эти понятия?

Президиум совета на одном из заседаний обсудил данный вопрос и пришёл к выводу о том, что в целях единообразного подхода к определению критериев определяющих права, свободы и законные интересы граждан необходимо руководствоваться Конституцией из которой проистекают эти требования. Это право на труд, на образование, на охрану здоровья и пр. Словом, все те основополагающие права, которые определены в Конституции Казахстана и которые содержатся во Всеобщей Декларации прав человека, подписантом которой является и Казахстан. Данные критерии были обозначены в письме, адресованном в уполномоченный орган и с данными предложениями согласились, что позволило освободить Общественный совет от несвойственных ему функций. Совет стал рассматривать только те вопросы, которые имеют действительную общественную значимость.

Но можно ли утверждать, что деятельность Общественных советов ориентирована на оказание государственных услуг? Ответ очевиден – нет. Однако то, что Общественный совет сочетает в себе функции контроля и надзора за местным нормотворчеством – сомнению не подлежит. Если же говорить об услугах, оказываемых непосредственно неправительственными организациями, то следует обратиться к Закону от 16 января 2001 г. «О некоммерческих организациях», с изменениями от 2 декабря 2015 г., которым регламентированы вопросы взаимодействия государственных органов с неправительственными организациями и оказание последними качественных услуг. [3]

Данный закон позволил неправительственным организациям проводить активную работу по финансируемым государством услугам, оказываемым неправительственными организациями по заказам государственных органов. Ведь процесс оказания государственных услуг является одним из самых важных аспектов взаимодействия государства и граждан. Поэтому одним из направлений общественного контроля, который осуществляют неправительственные

организации, является мониторинг качества государственных услуг. В этом вопросе НПО активно взаимодействует с органами здравоохранения, образования, науки, языковой политики, туризма и спорта. Однако это взаимодействие затруднено из-за порой непрофессиональных действий структур, действующих в рамках госзаказа.

Так, по результатам общественного контроля Департамента Агентства РК по делам государственной службы по Костанайской области, проведённого совместно с представителями гражданского общества на трёхсот сорока объектах, оказывающих государственные услуги, было выявлено более ста сорока нарушений. Например, работники образования и здравоохранения не изучая оптимизированных стандартов, требовали от граждан не предусмотренные законом справки и дополнительные сведения. В частности, до проведённой проверки отдельными органами образования за выдачу дубликатов дипломов взималась плата в пределах 1-2 тыс. тенге, хотя эта услуга не предполагает оплату. От родителей, зачисляющих детей в первый класс, неправомерно требовали справки с места работы. Медицинские учреждения, выдавая справки о допуске к управлению транспортным средством, навязывали дополнительный осмотр врачей, что увеличивало стоимость самой справки. Ряд нарушений требований законодательства о предоставлении госуслуг выявлены в СпецЦОНе и других организациях. [4] Все, выявленные в ходе общественного контроля нарушения были проанализированы и по результатам проверки разработаны соответствующие рекомендации, устранившие необоснованные требования и обеспечивающие предоставление государственных услуг в рамках действующего законодательства.

Качество госуслуг – это один из важнейших показателей оценки работы государственных органов. Методика оценки, правила контроля, критерии оценки рисков и форма «проверочного листа» были разработаны в 2013 году Агентством по делам государственной службы и противодействию коррупции и впоследствии показали достаточно высокую эффективность в определении качества оказываемых государственных услуг. Однако для полноценного и объективного мониторинга качества госуслуг требовалась аналогичная

схема управления качеством этих услуг. По мнению А.А.Хамитовой «анализ результатов общественного мониторинга качества государственных услуг...» показал низкий уровень готовности НПО к этой работе, отсутствие достаточного круга НПО, имеющих соответствующую базу и специалистов, а удельный вес НПО, специализирующихся на вопросах предоставления высокого качества социальных услуг, пока еще слишком мал для поддержания здоровой конкурентной среды в секторе. [5]

Исходя из сказанного, организациям третьего сектора необходимо постоянно совершенствовать профессиональный уровень своих сотрудников и выработать научные подходы и методику общественного контроля за финансированием государственного заказа в сфере оказания госуслуг.

В частности, необходимо:

- ◆ разработать процедуры прозрачности предоставления средств, выделяемых государством;

- ◆ в структуре НПО создать штат сотрудников профессионально занимающихся мониторингом финансирования госуслуг;

- ◆ систематизировать существующие на сегодня критерии оценки качества госуслуг;

- ◆ определить оценочные подходы к качеству госуслуг, оказываемых за счёт грантов из зарубежных и отечественных источников.

В определённой степени деятельность НПО в рамках государственного социального заказа, как уже отмечалось, осуществляется Общественными советами, которые формулируют и укрепляют роль НПО как института общественного контроля. К числу институтов, занимающихся аналогичной деятельностью в сфере общественного контроля относятся: Общественная палата при Мажилесе Парламента Республики Казахстан, Попечительские и Наблюдательные советы в государственных и иных организациях, различные консультативно-совещательные органы при государственных органах и учреждениях. Очевидно, значительная роль в общественном контроле за финансовой деятельностью различных государственных и частных институтов будет играть вновь создаваемый общественный фонд «Казахстан халқына». «Это не фонд Президента, Правительства или какого-либо иного органа. Это фонд всех казахстанцев, народный фонд». [6]. И здесь надо отметить, что главной целью общественного кон-

троля в оценке качества государственных услуг заключается в обеспечении обратной связи работы государственных органов. Это инструмент выявления целесообразности и потребности в тех или иных услугах, приемлемости способов их оказания. Только посредством общественного контроля государство сможет работать для общества и на результат.

Но говоря о контроле за качеством госуслуг, нельзя обойти вниманием законопроект «Об общественном контроле», который сегодня рассматривается в Парламенте Казахстана.

Необходимость принятия данного закона вызвана тем, что сегодня в Казахстане отсутствует единый подход к определению принципов общественного контроля. Большое количество нормативно-правовых актов, регламентирующих различные аспекты деятельности гражданского общества в области общественного контроля не способствует объединению общественных усилий в борьбе с незаконным расходованием бюджетных средств выделяемых на финансирование государственных услуг. Кроме того, отсутствуют чёткое определение функций, полномочий и ответственности субъектов и объектов общественного контроля за деятельностью как проверяемых, так и проверяющих. Это нередко приводит к возникновению неконструктивных взаимоотношений между проверяющими и проверяемыми, что зачастую влечёт за собой нарушения прав организаций, осуществляющих государственные услуги, например, в получении доступа к информации о деятельности объектов общественного контроля. Поэтому представляется вполне оправданной необходимость принятия единого нормативно-правового акта, объединяющего в себе систему принципов осуществления общественного контроля и создание юридических механизмов по осуществлению деятельности субъектов общественного контроля. То есть целью будущего законопроекта должно стать создание правовой основы гражданского общества. [7]. В итоге все перечисленные меры будут способствовать формированию сильного гражданского общества, повышению качества оказываемых госуслуг, развитию конкурентоспособной экономики и в целом – росту жизненного уровня народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон «О государственных услугах в Республике Казахстан» от 15.04.2013. adiletinform.kz//www.

2. Закон РК «Об общественных советах»

от 02.11.2015г. с изменениями и дополнениями от 03.01.2021 г. maslihat-turkistan.gov.kz.

3. Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам деятельности неправительственных организаций» от 2 декабря 2015 года № 429-V // Казахстанская правда. 03.12.2015 г. – С.11.

4. Материалы совместного заседания Департамента Агенства РК по делам государственной службы, Общественного совета и представителей третьего сектора Костанайской области от 11.12.21 г. Костанай, 2021 г. Архив КОМ.

5. А.А. Хамитова. НПО и их роль в Казахстане. Вестник КазНУ. № 7 Алматы. 2016 г.

6. К.К. Токаев. Уроки «трагического января». Выступление на заседании Мажилиса. //Казахстанская правда, Нур-Султан. 11.01.2022.

7. Проект закона Республики Казахстан «Об общественном контроле». [Inform kz//www](http://inform.kz/www).

АЗАМАТТЫҚ ҚОҒАМНЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТ КӨРСЕТУДІ БАҚЫЛАУЫ ТУРАЛЫ МӘСЕЛЕГЕ

Мақала мемлекеттік қызмет көрсету саласындағы мемлекеттік және қоғамдық институттардың өзара іс-қимылының өзекті мәселесіне арналған. Автор Мемлекеттік қызмет сапасын қоғамдық бақылауды жетілдіру жолдары мен әдістері туралы ой толғайды және осы процессті ұйымдастыруда жүйелі тәсіл қажет екеніне назар аударады. Қостанай облысының Қоғамдық кеңесінің жұмысы мысалында

қоғамдық институттар қызметіндегі ұйымдастырушылық және құқықтық сипаттағы жағымсыз жақтарды ашып көрсетеді және мемлекеттік көрсетілетін қызметтер сапасына қоғамдық бақылаудың тиімділігін арттыру көбінесе бақылау субъектілері мен объектілерінің қаржы мониторингі мәселелерінде сындарлы өзара қарым-қатынасқа ұмтылысына байланысты болады деген қорытынды жасайды.

Түйін сөздер: үкіметтік емес ұйымдар; қоғамдық кеңестер; мемлекеттік қызметтердің сапасы; қоғамдық бақылау; жергілікті атқарушы органдардың нормативтік-құқықтық актілері.

ON THE ISSUE OF CIVIL SOCIETY CONTROL OVER THE PROVISION OF PUBLIC SERVICES

The article is devoted to the actual problem of interaction between state and public institutions in the provision of public services. The author reflects on ways and methods of improving public control over the quality of public services and focuses on the need for a systematic approach to the organization of this process. Using the example of the work of the Public Council of Kostanay region reveals the pros and cons of organizational and legal nature in the activities of public institutions and concludes that improving the effectiveness of public control over the quality of public services largely depends on the desire of subjects and objects of control to constructive relationships in matters of financial monitoring.

Keywords: non-governmental organizations; public councils; quality of public services; public control; regulatory legal acts of local executive bodies.

УДК 341.4

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К РАБОТАМ ОСУЖДЕННЫХ БЕЗ ОПЛАТЫ ТРУДА

Д.Т. Мендыбаева,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского центра,
Костанайская академия МВД РК
имени Ш.Кабылбаева

подполковник полиции
(Казахстан)

Положительные отзывы даны
д.ю.н. Мизанбаевым А.Е.
и к.ю.н. Ибраевым А.З.

Представленная статья посвящена рассмотрению некоторых особенностей привлечения к работам осужденных учреждений уголовно-исполнительной

системы Республики Казахстан без оплаты труда. В ходе рассмотрения организационных вопросов трудоустройства и дополнительных работ, обращено внимание на Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными.

Автором проведен ретроспективный анализ организации труда среди осужденных пенитенциарной системы. Изучен международный опыт вопросов дополнительных работ по благоустройству территории среди осужденных в пенитенциарном учреждении.

Внесено предложение, касающееся благоустройства территорий учреждения уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан, которое должно быть организовано надлежащим образом и с учетом существующих социально-экономических реалий.

Ключевые слова: право на труд, трудоустройство, оплачиваемые работы, работы по благоустройству территории учреждения, труд без оплаты, отказ от труда, правопослушное поведение, исправление осужденного.

Общеизвестно, что труд является основополагающим фактором, с которым тесно связана вся жизнь каждого гражданина. В сущность понятия труда мы вкладываем целесообразную деятельность человека и общества, направленная на сохранение и приспособление сферы обитания, создание материальных и культурных ценностей для удовлетворения своих потребностей. Благодаря труду человек самоопределяется в социуме. Так, Всеобщая декларация прав человека 1948 года признает за каждым человеком право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы [1].

В Республике Казахстан каждый гражданин имеет право определять для себя вид трудовой деятельности. В частности, пункт 1 статьи 24 Конституции нашей страны гласит, что «каждый гражданин имеет право на свободу труда, свободный выбор рода деятельности и профессии. Принудительный труд допускается только по приговору суда либо в условиях чрезвычайного или военного положения» [2].

В уголовно-исполнительной политике Республики Казахстан труд и трудоустройство осужденных играет ключевую роль. Ведь трудовая занятость в учреждении способствует развитию правопослушного поведения осуж-

денного. Например, глава 19 уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан содержит ряд правовых норм, касающихся особенностей трудоустройства и труда осужденных в пенитенциарных учреждениях. В ней регламентированы фундаментальные вопросы, связанные с привлечением к труду осужденных, с условиями труда и его оплатой, видами работ в учреждении, с удержанием средств из заработной платы, пенсии, пособий и иных доходов, а также с привлечением к работам по благоустройству учреждения и улучшению условий их проживания [3].

Более того, вопросы трудоустройства достаточно подробно рассмотрены в Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными. Например, Правило 96 повествует о том, что «осужденные заключенные должны иметь возможность работать или принимать активное участие в своей реабилитации при условии установления врачом или другими квалифицированными медицинскими специалистами их физической и психической пригодности. При этом, на заключенных следует возлагать полезную работу, достаточную для того, чтобы заполнить нормальный рабочий день» [4].

Исследуя проблему трудовой деятельности, мы обращаем внимание на такие характерные особенности, как труд заключенных не должен приносить им страданий. Минимальные стандарты заостряют внимание на том, что обеспечиваемая заключенным работа должна быть, по мере возможности, такой, чтобы повышать или давать им квалификацию, позволяющую им заняться честным трудом после освобождения.

В целом, изучая природу трудоустройства осужденных, мы наблюдаем, что, как правило, осужденные сами стремятся трудоустроиться и иметь работу для того, чтобы заработать определенные средства для возмещения материального ущерба и морального вреда потерпевшим в размере, установленном судом в приговоре или в гражданском порядке, поскольку от принятия мер по возмещению ущерба зависит, в том числе, условно-досрочное освобождение осужденного.

Кроме того, наличие работы и возможности получения заработной платы позволяет осужденному поддерживать свою семью, а также иметь средства для приобретения предметов первой необходимости и улучшения

своего питания. Наконец, наличие постоянной работы положительно влияет на психологическое состояние осужденного, поскольку занятость на работе позволяет отвлекаться, а не бесцельно проводить время в стенах учреждения. Такая картина сегодня предстает перед нами и в вопросе труда без производства оплаты.

На сегодняшний день, труд превращается в средство стимуляции позитивной активности личности, о чем выделил исследователь И.С. Полевской [5]. Стоит отметить, что это обстоятельство отмечал еще в XIX веке ученый И.Я. Фойницкий, повествуя, что «при устройстве работ заключенных весьма важно поставить дело так, чтобы сам арестант желал работы и видел в ней не наказание, а награду. Это достигается тем, что на первое время арестанту не назначают никакой работы и только малопомалу открывают ему возможность заниматься трудом» [6].

Следует отметить, что в настоящее время организация и методы работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан должны быть максимально приближены к тем, которые приняты за их стенами, чтобы заключенные приучались таким образом к условиям труда на свободе.

Среди особенностей организации трудоустройства среди осужденных в учреждениях пенитенциарной системы Республики Казахстан примечательной является такая отличительная характеристика, как организация работ в учреждении без оплаты труда.

Представленное обстоятельство показано в уголовно-исполнительном законодательстве Республики Казахстан. В соответствии с 121 статьей уголовно-исполнительно кодекса Республики Казахстан «Привлечение к работам по благоустройству учреждения и улучшению условий проживания» осужденные привлекаются к работам по благоустройству исправительных учреждений и улучшению условий проживания, но без оплаты труда.

Согласно обозначенной статье, осужденные в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан участвуют в благоустройстве камер, комнат и помещений общего пользования. Более того, их привлекают к благоустройству территории учреждения и прилегающих к ней, за исключением объектов инженерно-технических средств надзора, контроля и охраны, расположенных

на основном ограждении и за пределами внутренней запретной зоны. Значимой особенностью выступает то, что осужденные улучшают культурно-бытовые и санитарно-гигиенические условия проживания [3].

Необходимо подчеркнуть, что к дополнительным видам работы осужденные привлекаются, как правило, в порядке очередности в нерабочее время продолжительностью не более двух часов в неделю. Продолжительность работы может быть увеличена по желанию осужденного.

В ходе организации дополнительного труда среди осужденных в исправительных учреждениях создаются условия их надлежащей охраны и изоляции. При этом преследуется выполнение основной стратегической задачи исправительных учреждений – исправление каждого осужденного.

Рассматривая вопросы организации неоплачиваемых работ, мы обращаем внимание на то, что в практике существуют примеры и отказа от таких видов работ со стороны осужденных учреждения уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан. Если осужденные отказываются от выполнения неоплачиваемых работ, то по отношению к ним применяются определенные меры взыскания, которые закреплены нормами статьи уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан.

Однако имеются уважительные причины, такие как нахождение в стационарах медицинской санитарной части учреждения, согласно которым осужденные не участвуют в работах по благоустройству учреждения и улучшению условий проживания.

В свете изучения причин возникновения таких условий мы провели качественный анализ состояния организации труда в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан.

Исследуя использование бесплатного труда среди осужденных, нас заинтересовало такое обстоятельство, что сегодня осужденные, работы по благоустройству учреждения воспринимают в подавляющем своем большинстве неоднозначно. Потому как, администрация учреждения зачастую рассматривает труд по благоустройству учреждения, как способ воздействия на личность каждого осужденного.

Иными словами, рассматривая бесплатный труд по благоустройству территории, мы должны понимать, что, на сегодня, речь идет о некой сложившейся отрицательной модели

взаимоотношений между администрацией мест лишения свободы и лицами в них содержащимися. При чем эти взаимоотношения носят исторический характер, когда администрация учреждений многими десятилетиями использовала работы по благоустройству в качестве одного из средств давления на осужденных и, прежде всего, на крайне отрицательно настроенную часть заключенных, обладающих «авторитетом» среди осужденных.

Поэтому, большая часть осужденных оставалась как бы между молотом и наковальней, вынужденная каким-то образом соответствовать требованиям тех и других, что, конечно же, никак не могло способствовать положительному восприятию этих работ и, как следствие, нельзя говорить о каком-либо позитивном исправительном его воздействии на сознание осужденного.

Вместе с тем, основополагающие идеи уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан логичны и справедливы. Ведь каждый осужденный, как и любой человек, находящийся на свободе должен сам заниматься благоустройством места своего жительства, проведения досуга и работы. Естественная обязанность человека трудиться по наведению порядка на месте своего жительства и работы не вызывает никаких сомнений и воспринимается подавляющим большинством людей положительно.

Однако трудиться зачастую за кого-то, бесплатно еще и под страхом наказания, как правило, уже вызывает внутренний протест и никак не может способствовать положительному исправлению осужденного.

С учетом таковых обстоятельств мы пришли к умозаключению того, что сегодня необходимо детально изучить такой основополагающий вопрос привлечения осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан к работам по благоустройству территории без оплаты труда. Потому как труд в учреждении уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан сам по себе в силу особого положения осужденного психологически воспринимается последним неоднозначно.

Поэтому, предполагаем, что сегодня нашему государству необходимо учитывать такой фактор, что особенности организации и результаты труда без оплаты осужденных в учреждении уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан не всегда могут отвечать потребностям осужденного, конкурировать на свободном рынке услуг и товаров в

условиях современных рыночных отношений.

Считаем, что в целях решения вопросов организации труда без оплаты среди осужденных в учреждении уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан следует максимально объективно оценить сложившуюся ситуацию в этой сфере, выявить ключевые проблемные аспекты и с учетом этих факторов попытаться улучшить данные обстоятельства.

Более того, в вопросах организации труда среди осужденных в учреждении без его оплаты, на сегодняшний день нам необходимо использовать международный опыт, подобрав от передовых стран наиболее приемлемые механизмы и характерные особенности для нашего общества.

Например, в немецких тюрьмах работы по благоустройству территории учреждения оплачиваются осужденным [7]. Помимо этого, во французских тюрьмах работы по обслуживанию самих пенитенциарных учреждений, по содержанию помещений, работа на кухне, разнос пищи по камерам также вознаграждаются [8].

Как показывает практический опыт, все развитые государства устанавливают для заключенных размер заработной платы гораздо ниже заработной платы свободного человека за аналогичный труд. Например в США средние почасовые заработки работающих осужденных в 5-7 раз ниже, чем у работающих в промышленности или строительстве.

Вместе с тем, итальянское законодательство устанавливает, что осужденные не могут получать более 2/3 ставки профсоюзного тарифа за такой вид работы. Далее, в Норвегии, например, заработная плата осужденного за день должна соответствовать часовой ставке промышленного рабочего [9].

Поскольку в развитых государствах организация неоплачиваемого труда имеет постоянный характер и он имеет определенную ценность, то подобный вид работы оплачивается.

Таким образом, здесь нельзя не согласиться с мнением исследователя А.Ш. Аккулева, который полагает, что «привлечение осужденных к неоплачиваемым работам внутри учреждения, если они не связаны с самообслуживанием, является дискриминацией, а также нарушением права осужденного на достойную оплату труда, так как он привлекается к работам в общественных местах, за которые необходимо производить оплату» [10].

На основании вышеизложенного, мы

считаем, что в ходе исследования вопросов привлечения осужденных в учреждениях к труду, следует исходить из того принципиального положения о том, что труд в местах лишения свободы нацелен на оказание позитивного воспитательного воздействия на каждого осужденного. Иными словами, труд способствует, прежде всего, положительному изменению сознания осужденного.

Поэтому, неоплачиваемый труд по благоустройству территорий учреждения должен быть организован надлежащим образом и с учетом существующих социально-экономических реалий, чтобы он способствовал не только изменению сознания осужденного в позитивную сторону, но и позволял заработать определенную сумму денег для реализации своих элементарных потребностей.

Организация такого вида труда должна быть построена так, чтобы каждый осужденный был подведен к пониманию того, что его труд имеет принципиальную ценность прежде всего для самого осужденного. Поэтому, такой системный оплачиваемый труд по уборке помещений и территорий не должен оказывать отрицательного воздействия на личность осужденного, а скорее наоборот он должен давать положительный пенитенциарный эффект.

В результате, изначально стратегическое значение в организации трудовой адаптации осужденных должно придаваться организационной и социально-экономической составляющей труда осужденных в стенах учреждения уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан.

ЛИТЕРАТУРА

1. //https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года.
2. //https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 234-V ЗРК, с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.01.2021 г. - Режим доступа: // http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234/k140234.htm, свободный - Загл. с экрана.
4. //https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Nelson_Mandela_Rules-R-ebook.pdf Минимальные стандартные правила

Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделлы).

5. Полевской И.С. Исправление осужденных к лишению свободы как основная цель отечественного уголовно-исполнительного законодательства. - Учебное пособие, Челябинск, Челябинский юридический институт МВД России, 2002.

6. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. - М.: Добросвет-Городец, 2000.

7. Чухин И. В тюрьмах Германии // Преступление и наказание. №5. С.33-36.

8. Пиель С. //http://www.zakonia.ru/analytics. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, Франции, Германии, Японии). Сборник законодательных материалов //Под ред. И.Д. Козочкина. - М., Изд-во: «Зерцало», 1998.

9. Валиев Х.Х. Займите осужденного трудом //Фемида. 2002. №10.-С.60.

10. Аккулев А.Ш. Трудоиспользование осужденных к лишению свободы: ключевые проблемы и пути разрешения. Zakon.kz.

СОТТАЛҒАНДАРДЫ ЕҢБЕККЕ АҚЫ ТӨЛЕМЕЙ ЖҰМЫСҚА ТАРТУДЫҢ КЕЙБІР ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Ұсынылған мақала Қазақстан Республикасы Қылмыстық-атқару жүйесі мекемелерінің сотталғандарын еңбекке ақы төлемей жұмысқа тартудың кейбір ерекшеліктерін қарастыруға арналған. Жұмысқа орналастырудың және қосымша жұмыстардың ұйымдастырушылық мәселелерін қарау барысында Біріккен Ұлттар Ұйымының тұтқындармен қарым-қатынасқа қатысты ең төменгі стандартты ережелеріне назар аударылды.

Автор пенитенциарлық жүйедегі сотталғандар арасында еңбекті ұйымдастыруға ретроспективті талдау жүргізді. Пенитенциарлық мекемедегі сотталғандар арасында аумақты абаттандыру бойынша қосымша жұмыстар мәселелерінің халықаралық тәжірибесі зерделенді.

Қазақстан Республикасының Қылмыстық-атқару жүйесі мекемесінің аумағын абаттандыруға қатысты ұсыныс енгізілді, ол тиісті түрде және қазіргі әлеуметтік-экономикалық жағдайларды ескере отырып ұйымдастырылуы тиіс.

Түйін сөздер: еңбекке, жұмысқа орналасуға, ақы төленетін жұмыстарға, ме-

кеме аумағын абаттандыру жөніндегі жұмыстарға, ақысыз еңбекке, еңбектен бас тартуға, құқыққа бағынушылық мінез-құлыққа, сотталған адамды түзеуге құқығы бар.

SOME PECULIARITIES OF INVOLVING CONVICTED TO WORK WITHOUT REMUNERATION

The presented article is devoted to the consideration of some peculiarities of involving convicted offenders of correctional institutions of the Republic of Kazakhstan penitentiary system to work without remuneration.

In the course of consideration of the organizational issues of employment and supplementary work, attention was paid to the United Na-

tions Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners.

The author carried out a retrospective analysis of the labor organization among convicts of the penitentiary system. The international experience of issues of additional work on the improvement of the territory by convicts in a penitentiary institution has been studied.

A proposal regarding the improvement of the territory of the Republic of Kazakhstan penitentiary institutions has been made, it should be organized properly and taking into account the existing socio-economic realities.

Keywords: *right to work, employment, paid work, work to improve the territory of the institution, work without pay, refusal to work, law-abiding behavior, correction of the convict.*

УДК 343.1

УГОЛОВНАЯ ПРОТИВОПРАВНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ВИНЫ И СУБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ

А.Е. Мизанбаев,

доктор юридических наук, профессор,

Костанайский филиал

Челябинского государственного

университета

(Казахстан)

Положительные рецензии

даны к.ю.н. Ибраевым А.З.

и к.ю.н. Узакбаевой А.Б.

На фоне современных и далеко неоднозначных тенденций уголовной политики в статье инициируется пересмотр устоявшихся в уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике подходов к установлению степени уголовной противоправности деяния, запрещенного уголовным законом, ее влияния на объем и степень виновности при реализации в уголовном судопроизводстве принципа субъективно вменения. Обосновывается необходимость реконструкции системы субъективного вменения и определения степени виновности путем расширения правовых начал в дифференциации и оценке объективных и субъективных признаков преступного деяния в контексте их соотношения с требованием исключительной общественной опасности преступного деяния как исходного критерия для легитимации уголовно-правового запрета и его уголовной противоправности, на основе которых должен обеспечиваться правовой режим осуществления адекватно субъективного вменения ответственности, ее дифференциации и индивидуализации.

Ключевые слова: *противоправность, вина, субъективное вменение, уголовно-правовой запрет, фактический состав преступления, правоотношение.*

Проблема обоснования уголовной противоправности и ответственности за некоторые формы человеческого поведения общественно и (или) политически деструктивного характера выдвинула ее в число важнейших гуманитарных составляющих в современной уголовно-правовой политике государств. В связи с этим, и теория вины, и субъективного

вменения в современном хаосе преступлений и наказаний представляет особый интерес с позиции общедемократического развития государства, общества и в целом человеческой цивилизации. По всей видимости необходим пересмотр устоявшихся в уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике юридической парадигмы понимания преступления как объективного и субъективного основания уголовной ответственности и наказания, а равно объективной природы и социальной сущности вины и субъективного вменения как важнейших компонентов правоприменения в уголовном судопроизводстве. К сожалению, человечество «не готово сегодня ни отказаться от уголовного закона, ни отказаться от наказаний, в частности, таких неэффективных и «вредных», как лишение свободы. Следовательно, задача стоит в сокращении вреда от наказания» [1 с. 11].

По этой же причине имеется необходимость разработки аксиоматических посылок, без понимания которых эффективное разрешение уголовной ответственности, а равно социальный контроль над преступностью, имеет мало шансов в преодолении современных деформаций правоприменения уголовного закона.

В современной уголовно-правовой доктрине справедливо обращается внимание, что «главной проблемой всего комплекса законодательства в области противодействия преступности является постоянно обостряемая проблема избыточности уголовно-правовой защиты, пропаганда монополизма публичных видов ответственности в разрешении далеко не всегда публичных социальных конфликтов и проблем. Отсюда наблюдаемый недостаточный уровень интеграции правовых начал, более того, их снижение в правообразовании, правоприменении и в практиках деятельности органов юстиции в реализации правовых стандартов в уголовной политике» [2 с. 68].

С практической точки зрения, политико-правовая потребность в научном анализе предпонимания отдельных положений уголовного закона, касается и таких правовых ценностей как цель, идея, смысл и значение социального конструкта преступления и наказания, их эффективного воздействия на поддержание правопорядка, безопасности человека, общества и государства. Все более ощущается отсутствие в багаже уголовно-правовой науки альтернативных предложений преодоления возникающих трудностей при дифференциации ответст-

венности и индивидуализации наказания. В среде теоретиков и практиков по уголовному праву до настоящего времени не достигнуто согласие о том: регулирует ли уголовное право свой, строго индивидуальный круг общественных отношений, или уголовно-правовые отношения вытекают из правоотношений, возникающих в других отраслях права. Наконец, в чем смысл уголовной противоправности, на которой выстраивается уголовная политика. Полагаю, что уже всеми осознано, что преступность не сводится к совокупности преступлений и как массовое социальное явление порождается сложным комплексом социально-экономических, социально-психологических и социокультурных причин. «В образе преступности, пишет Г.М. Резник, перед нами предстают противоречия общественного функционирования и развития, дисфункции социальных институтов, дезорганизация социальных общностей. Успешное решение социальных проблем наиболее эффективно сказывается на уровне и структуре преступности, хотя и не преследует такой специальной цели. Афоризм Франца фон Листа «Лучшая уголовная политика - это социальная политика» верен для всех времен и народов» [3 с. 40-41]. Отсюда вполне очевидно, что реальное смягчение уголовно-правовой репрессии зависит не только от механической корректировки размеров уголовно-правовых санкций, но и от повышения дифференцирующих возможностей уголовного закона путем обособления единой объединительной целостности социально-правовых ценностей преступного и не преступного, выяснения сути уголовной противоправности деяния с позиций интегративного понимания права, заключенного в уголовно-правовом запрете, его соотношения не только с правопорядком, но и его справедливостью, гарантиями общечеловеческой свободы и равенства, их разумного баланса.

Уголовное право не регулирует, а защищает человека, общество и государство от преступных посягательств особыми средствами насильственно-принудительного характера - наказанием лиц, совершивших преступления и, угрожая наказанием потенциальным преступникам.

Думается, что регуляторная функция уголовного права (закона) состоит в ограничении правового поля признания преступного в соответствии с нравственными устремлениями и свободами человека к жизнеутверждающим ценностям человеческого сообщества.

По мнению В.М. Хомича, уголовно-

правовой и криминологической науке «необходимо сконцентрировать усилия на сохранении человеческого (личного и общественного) потенциала свободы и справедливости в социальных системах организации человеческого бытия и особенно в системах уголовно-правового контроля. На повестке дня разработка криминологического (охранительного по содержанию и восстановительного по целям) законодательства в области организации социального контроля и предупреждения преступности. Оно должно, прежде всего, нормализовать отношения между государством и обществом по компетенционным вопросам криминализации и пенализации, а также относительно введения и допущения иных систем обеспечения безопасности от деликтов криминального свойства» [4 с. 75].

Для придания тем или иным деяниям черт преступных большое значение имеет достаточно высокая исключительность их личностной и общественной опасности. Именно в этом кроется нравственный и социальный потенциал и смысл уголовной противоправности деяния, признаваемого преступлением. При этом мы не усматриваем полной идентичности между уголовной противоправностью деяния как объективным преступлением и уголовной запрещенностью деяния как социальным конструктом преступления, сформированном законом и по воле законодателя. Первое интегрирует сложный конфликт правовых позиций в едином содержании преступления и поэтому должно стать важнейшим элементом в процессе объективного вменения, дифференциации и индивидуализации степени общественной совершенного преступления и наказания в рамках установленной уголовной запрещенности данного деяния и его наказуемости. Вот почему установление уголовной ответственности, по мнению И.Я. Козаченко, должно рассматриваться как чрезвычайное происшествие. Забвение этого требования ведет к тому, что уголовная ответственность утрачивает свои нравственные социально-позитивные функции и социально-нравственные ориентиры на укрепление материального фундамента - жизненного уклада людей [5 с. 11, 15], а поэтому дезорганизует систему как объективного, так и субъективного вменения преступного в качестве основания дифференциации и индивидуализации ответственности. Значит, пишет далее И.Я. Козаченко, надо либо бесконечно и бессмысленно бороться с преступ-

никами и преступностью, либо создать систему мер противодействия указанным явлениям, которые должны способствовать возникновению позитивной мотивации у любого человека при выборе им желаемого для него и допустимого для всех формата образа жизни и поведения [5 с. 20]. В частности, диалектика и алгоритм установления вины на современном этапе показывает, что в теории советско-постсоветского уголовного права отсутствовал главный ключ к ее должному и сущему пониманию для правильного разрешения уголовной ответственности, потому что ее исследование традиционно начиналось и заканчивалось исключительно в «пределах состава преступления», а не смысла и содержания уголовной противоправности запрещенного деяния как преступления, что и определяет с правовых позиций пределы объективности вменения, а на ее основе и пределы субъективного вменения. Эти вопросы сегодня приобретают исключительную теоретическую и практическую значимость в уголовном праве. В этом нет ничего удивительного, поскольку уголовное право затрагивает коренные, наиболее значимые интересы человека, совершившего уголовно-противоправное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой применения наказания. Отсюда чрезвычайно важно знать, как справедливо замечает В.А. Якушин, «что такое субъективное вменение, что является его основанием и каковы пределы ущемления интересов личности, ограничения ее прав и свобод и т.д.» [6 с. 6].

Понятие «субъективное вменение» в уголовно-правовой литературе трактуется неоднозначно. Оно чаще всего рассматривается как процесс по установлению обстоятельств дела, имеющих уголовно-правовое значение, в ходе расследования преступления и завершающийся установлением вины [7 с. 34-48]. Это своего рода уголовно-правовая оценка совершенных действий, «предъявление счета» за содеянное со стороны соответствующих органов в виде квалификации, определения вида и размера наказания за него. А.В. Наумов считает, что субъективное вменение - «условие правильной социально-политической оценки человеческого поведения вообще и преступного, в частности [8 с. 81].

В современном правовом контексте субъективное вменение рассматривается и утверждается в качестве принципа уголовной ответственности, если точнее - в качестве принципа уголовно-правового правоприменения.

Субъективное вменение в уголовном

праве - это действительно серьезнейшее гуманитарное достижение человеческой цивилизации. Действительность ранних общественно-экономических формаций не слишком баловала человечество гуманным отношением к лицам, совершившим социально-значимые правонарушения. Уголовное право лишь в примитивной форме, да и то применительно только к свободным гражданам, отражало основы субъективного вменения при разрешении уголовных конфликтов. Конечно, под натиском человечества законодательная власть с неохотой, но постепенно приходила к признанию принципа субъективного вменения в качестве ключевого и справедливого требования в формировании ответственной свободы и ответственного равенства, а на их основе и к исключительности того, что следует относить к преступлению и наказанию за преступление.

Принцип субъективного вменения сегодня в некоторой степени пронизывает процесс правотворчества (законодательную деятельность), учитывается в установлении нормативов правопорядка и средств его обеспечения. Это очень важный контент его функционирования, по существу скрепляющее его начало в обосновании эффективного действия и применения уголовного права. Благодаря этому и обеспечивается и должен обеспечиваться разумный предел действия права вообще и социально-эффективное действие уголовного закона, а преступление и наказание наделяется признаками разумности и онтологической безопасности [9 с. 8].

В сфере уголовно-правового правоприменения принцип субъективного вменения проявляется двояко. С одной стороны, он адресован гражданам и дает им гарантию в том, что если ими не будет виновно совершаться общественно опасное деяние, предусмотренное уголовно-правовой нормой (то есть запрет под угрозой наказания является обоснованным с правовых позиций), то никто не может быть привлечен к уголовной ответственности и подвергнут уголовному наказанию. Это исключительно важное направление функционирования принципа субъективного вменения. Аксиологическая значимость данного принципа в указанном контексте заключается не только в том, что он выступает гарантом граждан от необоснованной уголовной репрессии, но и в том, что он формирует и укрепляет позитивные начала в личности: ответственное отношение к обществу и самому себе, взвешенность при принятии решений,

должного, в соответствии с требованиями права.

Своей другой стороной при обеспечении правопорядка принцип субъективного вменения адресован правоприменительным органам. На его основе определяется направление деятельности правоприменяющих уголовный закон органов, дается квалификационная оценка уголовной противоправности совершенного преступления, определяется достаточная справедливость и целесообразность мер воздействия в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений. На основе принципа субъективного вменения можно наиболее адекватно и рационально сбалансировано оценивать демократические начала во взаимоотношениях между гражданами и государством в лице его правоохранительных органов. И касается это, прежде всего, того, чтобы ни один невиновный не был осужден и ни один настоящий преступник не избежал ответственности.

В свою очередь вопрос о легитимации уголовного закона в силу заявленной его охранительной функции, в том числе функциональности принципа субъективного вменения, как справедливо отмечается в литературе, осложняется далеко непростым и однозначным социальным опытом публично-принудительного утверждения того, что должно быть преступлением и наказанием за него [10 с. 315-317].

Современная действительность показывает, что принцип субъективного вменения при обеспечении правопорядка порой не только не является основой и руководством для деятельности правоохранительных органов, а игнорируется или невольно нарушается ими. С практической стороны обратим внимание на следующие проблемные правовые вопросы реальной функциональности принципа субъективно вменения. Как известно, традиционный вопрос к обвиняемому (подсудимому), «признает ли он себя виновным?», означает не что иное, как вопрос о согласии человека с содержанием заявленных к нему претензий в связи с нарушением уголовного закона. Однако, признание или непризнание им предъявленной к нему претензии, как правило, не является главным при определении его вины в целом как и степени вины, учитываемом при признании его виновным и назначении наказания. Более того, возможны случаи, когда человек признает, что совершил инкриминируемое ему деяние, но не считает себя виновным. Таково его психическое отношение. Он пола-

гает, что поступил по совести, в соответствии с нормами морали. В подобных случаях при прочих равных условиях его ждет обвинительный приговор. Но как быть с виной (т. е. психическим отношением человека), которая, с его точки зрения, отсутствует. Получается, что реальное психическое отношение к обстоятельствам содеянного (вина) обвиняемого, подсудимого мало кого волнует при вынесении судебного решения. Главное, установить факт совершения им преступления и отсутствие обстоятельств, исключающих уголовную ответственность. Следовательно, вина, которую устанавливает суд, не есть банальное психическое отношение подсудимого к содеянному, лишенное правоупреждающего содержания. Иными словами, применительно к человеку, совершившему преступление, мы ощущаем феномен вины в связи с совершенным уголовно наказуемым деянием, не определяем ее упречным обоснованием - свободой выбора - поступать правомерно. Именно данный содержательный контент вины закреплен в уголовном законе и выступает в качестве основания уголовной ответственности конкретного лица. Однако орган расследования, прокурор, суд объективно вынуждены руководствоваться иным пониманием вины, которое отличается от легально правового. С позиций права вина (виновность) означает оценку совершенного деяния как преступления с позиций не только норм уголовного закона, но и исключительной уголовной противоправности преступного деяния.

Правоприменительная деятельность, в основе которой лежит интеграционное правоприменение - сложное и многогранное явление. Для сохранения в ней глубинных свойств права в правоприменительную деятельность должны быть органически вплетены и соединены естественное и позитивное право - неотъемлемые права, свободы и обязанности человека, нормативно-регулятивные средства их обеспечения [11 с. 96-103]. Вот почему правоприменительная деятельность рассматривается как продолжение, дополняющее правотворчество или как специфическая форма реализации (интеграции) права в систему правового регулирования, или как разновидность индивидуально-правового регулирования общественных отношений соответствующими органами правоприменения [12 с. 359]. Полагаю, что не следует серьезно относиться к указанным расхождениям в понятии данного явления. Каждая из приведенных характеристик правоприменения есть лишь ее срез, какая-то

грань. Все эти и другие характерные черты правоприменения подчеркивают лишь главное в этом явлении, а оно состоит в том, что правоприменительная деятельность - это властная правоорганизующая деятельность, призванная продолжить интеграцию права в казуальное правовое регулирование.

Мы полагаем, что из этих положений следует вывод о том, что принцип субъективного вменения и нормы, в которых он конкретизируется, определяют не только содержание, но и форму, и уровни реализации правовых норм об уяснении содержания преступления, наказания, вины и ее содержания и степени виновности. Это и есть определяемая принципом субъективного вменения специфическая линия судебной или иной правоприменительной практики. Осуществляется субъективное вменение в пределах правоприменения. Это вид, отдельная линия правоприменения, осуществляемая в рамках уголовного права уполномоченным на то органом.

Однако следует всегда иметь в виду, что закон (в том числе уголовный закон), а это всегда производная от права форма его выражения и поэтому его всегда недостаточно для понимания действительного права о действительном преступлении и наказании. Поскольку право перед каждым и нас, отмечает В.М. Хомич, предстает как своеобразная граница свободы, формализованного равенства и требования правовой справедливости, все это было бы достаточным для исходной характеристики сути организации социально-правового контроля преступности и иных откровенно вредных (нежелательных) для общества социальных девиаций, если бы не одно обстоятельство. В нем нет указания на существеннейший принцип правового общения - на взаимную уравниваемую и сбалансированную ответственность тех, кто осуществляет этот контроль, и тех, кто ограничивается в свободе и в праве вследствие контроля [11 с. 98].

Мы исходим из того, что уголовная ответственность (как и иные виды правовой ответственности) является внешним ретроспективным социально-правовым фактором воздействия на право-нарушителя (человека) в целях формирования его внутреннего (личностного) механизма социальной ответственности в условиях существующей возможности отклонения (совершения безответственного акта поведения - преступления). «В переходе ответственности от ретроспективного плана к перспективному, по мнению К.

Муздыбаева, как раз и проявляется прогрессивная тенденция ее эволюции», нацеленность уголовной ответственности и наказания преступника на актуализацию его внутренних волевых способностей сознавать значимость самоконтроля за своим поведением с учетом предвидения его негативных последствий для социума [13 с. 14-15].

По нашему мнению, запрещенное уголовным законом под угрозой уголовной ответственности (то есть объективно преступное) деяние является заведомо упречным, и совершение такого деяния может оцениваться как преступление, если лицу, его совершившему, может быть поставлен упрек в нарушении уголовно-правового запрета, если несоблюдение запрета является следствием вины конкретного физического лица. Таким образом, виновность деяния со стороны субъективно виновного лица объективно закладывается (предполагается) в запрещенности соответствующего деяния. Запрещенность деяния порождает объективное и субъективное состояние упречности по отношению как к самому деянию, так и к возможному (потенциальному) нарушителю уголовно-правового запрета (субъекта-деятеля). Отсюда, упречность (виновность) - далее вина - в правонарушающем деянии потенциально являются субъективно негативным свойством (признаком) любого запрещенного деяния. Как справедливо подмечено, в совокупности с объективными признаками запрещаемого деяния (его общественной опасностью) вина порождает из объективно запрещенного под угрозой уголовной ответственности деяния индивидуально субъективное противоправное поведение, то есть преступление [14 с. 382-387]. Не следует отрывать деяние, как акт социально значимого поведения, от человека, его психики (сознания), воспроизводящей, контролирующей и управляющей деяния-ми человека.

Хорошо известно нормативистское понимание состава преступления в качестве основания уголовной ответственности с учетом определения преступления как деяния общественно опасного и запрещенного уголовным законом (уголовно-противоправного) предполагает, что общественная опасность является неотъемлемым свойством состава преступления, во всяком случае, должна быть присуща ему. Иной подход неизбежно приводит к необходимости наряду с установлением в деянии признаков, характеризующих его объект, объективную сторону, субъект и субъек-

тивную сторону, дополнительно устанавливая наличие общественной опасности деяния, поскольку общественная опасность производится от объективно причиняющего вред деяния, а не от воли законодателя. Общественная опасность - внутренняя объективная характеристика деяния, запрещаемого в качестве уголовно-противоправного деяния. Объект посягательства любого преступления в той же степени определяется объективными и субъективными свойствами запрещенного уголовным законом посредством описания объективных и субъективных признаков уголовной противоправности соответствующего деяния. Вот почему преступление, по мнению Я.И. Гилинского, далеко не всегда объективный социально-правовой конструкт, созданный законодательной властью [1 с. 6-16]. Установление в фактически совершенном деянии признаков запрещено уголовным законом деяния означает только вероятностное заключение, что оно возможно является общественно опасным. В теоретическом плане указанное соотношение

Н.А. Бабий определяет в виде следующего постановочного вопроса: противоправность деяния, как альтернатива составу преступления или состав преступления как признак противоправности. И далее пишет: «Противоправность не является внешним признаком самого преступления, она является его внутренним содержательным признаком и характеризует общественно опасное деяние. Только сочетание общественной опасности деяния и его противоправности вместе образуют понятие преступления» [15 с. 108]. Но такого сочетания не наблюдается. В социально-правовой конструкции преступления - это всего лишь желаемое утверждение. Не случайно, в ч. 4 ст. 10 УК Республики Казахстан (ч. 2 ст. 14 УК РФ, ч. 4 ст. УК Республики Беларусь) оговаривается, что не является преступлением деяние формально уголовно-противоправное. Конструкция указанной нормы также весьма относительна и ее применение не отличается последовательностью - все зависит от ситуации или общественного интереса, которые положены в основу определения общественной опасности данного деяния как деяния уголовно-противоправного. Естественно, приоритет в разрешении данной проблемы очень часто основывается исключительно на позициях публично-правового интереса.

Следует, однако, сказать, что понятие состава преступления было изменено и в УК

Казахстана, России и других государств-участников СНГ и также сориентировано на состав признаков преступного (запрещенного) уголовным законом деяния, когда оно (запрещенное деяние) объективно и субъективно признается преступлением. Фактический состав преступления как правовая конструкция, а, следовательно, и как допустимое (возможное основание уголовной ответственности) незримо, но совершенно обособленно был ограничен объективными и субъективными признаками запрета на совершение деяния, противоправного в уголовно-правовом смысле. Это было важное решение законодателя, в том числе в плане актуализации правовых начал в реализации принципа субъективного вменения. Некоторые авторы пришли к выводу, что использованная законодателем в ст. 4 УК Республики Казахстан (ст. 8 УК РФ) конструкция состава преступления как состава деяния неудачна и несовершенна, поскольку исключает вину и в целом возможность быть основанием ответственности [16 с. 61].

В связи с этим, к сожалению, в правоприменительной практике имеет место «деформация», когда официальная уголовно-правовая доктрина при обосновании уголовной ответственности за совершенное деяние в целом исходит из его узко понимаемого материального содержания, как общественно опасного действия (бездействия), исчерпывающего в целом содержание уголовной противоправности. Представляется, что оценка единичного преступления как общественно опасного, и как следствие уголовно-противоправного действия в качестве константы в понимании его материального определения, есть главная предпосылка «карабельного» характера правоприменения. Сегодня ни для кого не является секретом, что в ныне существующей догматике уголовного права до сих пор не разрешена проблема соотношения формального и материального в понятии преступления, и отсутствия в целом правильного структурирования (расщепления) «материального и формального» в правовом режиме правоприменения, в контексте объективного и субъективного вменения.

Между тем, правовая регламентация материальной стороны совершенного преступления, как было отмечено выше, затрагивает в целом разработку объектно-предметного содержания правового режима уголовно-правового регулирования, базирующейся на правильном уяснении правового существа преступного и не преступного. На доктрина-

нальном и законодательном уровне решение вопроса о раскрытии материальной стороны преступления имеет социально-политический смысл. По мнению А.Э. Жалинского, он состоит в том, что недостаточная проясненность и скрытность законодателем материальной стороны преступления является нарушением принципа законности, в особенности начала определенности как проявления этого принципа, и не позволяет реализовать задачи уголовного права, ибо затрагивает его рациональность и справедливость [14 с. 305].

Уяснение правильного структурирования предмета уголовно-правового регулирования, раскрывающего материальное содержание единичного деяния как преступления и его последующую закономерную трансформацию из основания в условие (меры нарушения уголовно-правового запрета) уголовной ответственности, увязывается с осмыслением закономерно возникающих в диалектико-логической последовательности переходных материально-правовых образований, имеющих значение для построения конструкций составов общественной опасности деяния и его предметной противоправности.

С материальной стороны разрешение уголовной ответственности предполагает анализ фактического состава сложного уголовного правоотношения. Раскрытие его юридической природы увязывается с интерпретацией предметной (фактической) уголовной противоправности уголовно-правового запрета. Соотносительность материально-правовых образований в структуре фактического состава уголовного правоотношения означает диалектический характер взаимосвязи - невозможность определения каждого из них в отрыве от другого. Способность их меняться местами в разных состояниях динамики материализации уголовного правоотношения означает не что иное, как движение уголовно-правовой материи к определенной правовой реальности, отражающей сущность отдельного криминального случая в контексте субъективно-го вменения.

Обратимся к феномену функциональной детерминации указанных уголовно-правовых явлений в пределах их материализации в процессе разрешения уголовной ответственности. С исследования преступного посягательства начинается, по сути, первый этап исследования конкретного деяния. По своей направленности преступное деяние, как уголовно-правонарушающее посягательство, есть первичное действие субъекта преступления, и

рассматривается как односторонний вызов упречно-виновного характера со стороны государства. Таким образом, исследование единичного деяния начинается с одностороннего акта «упречного» (уголовно-противоправного) поведения субъекта, нарушающего соответствующий уголовно-правовой запрет.

На втором этапе исследуется фактический состав преступного деяния, которому дается уголовно-правовая (юридическая) оценка. Он характеризуется тем, что уголовно-правонарушающее деяние обусловило возникновение явления «преступление - воздействие», то есть оно трансформировалось в иное с точки зрения специальной правовой характеристики уголовно-правовое явление - «преступление как основание для его объективного и субъективного вменения».

В связи с этим третий этап исследования приходится на «расщепление» уголовного правоотношения, в котором фокусируется «критическая масса» содержания уголовной ответственности как таковой. В рамках этого этапа возникает и устанавливается материальное содержание уголовной противоправности запрещенного уголовным законом деяния, ее обоснованность и соотносимость со степенью фактической уголовной противоправностью деяния, то есть определяется правовое содержание субъективного вменения, вина и ее степень вины лица в совершении преступления.

Современная уголовная политика, отражая исторические условия общественного развития, позволяет шире исследовать материальную сторону преступления с позиций пересмотра на доктринальном и законодательном уровне положений уголовного права, касающихся криминологического обоснования вменения уголовной ответственности. С естественной точки зрения, речь должна идти о наличии и учете в уголовно-правовом правоприменении различия между такими обязательными признаками понятия преступления как «наказуемость уголовно-правового запрета» и «правовая противоправность запрещенного уголовным законом деяния».

Общеизвестно, что общая уголовная противоправность деяния первоначально означает предусмотренность его уголовным законом. И только в ходе дальнейшего регулирования, на этапе окончательного разрешения уголовной ответственности, она имеет в своей основе конкретизацию социальной вредности единичного деяния. Предметная противоправность деяния выражает реальный

вред отдельно для личности, общества или государства и в этом контексте в своей окончательной правовой модели охватывает величину его общественной опасности. Ее рассмотрение происходит в рамках исследования уголовного правоотношения и предполагает интегративную оценку социальной вредоносности деяния по критерию восстановления (невосстановления) нарушенных преступлением определенных благ потерпевшего. Представляется, что оценка предметной противоправности реального деяния объективно выходит за пределы состава преступления, но, без сомнения, находится в границах уголовно-правового регулирования. Для квалификации преступления, помимо всего прочего формального, необходимо установление ущерба, причиненного его объекту. Определение же уголовно-противоправного вреда лежит вне состава преступления, поэтому он в квалификации не участвует.

Отсюда, решающую роль в установлении адекватного вменения уголовной ответственности субъекту преступления играет правильное различение категорий «преступный ущерб» и «уголовно-противоправный вред», то есть того, что отличает объект преступления от объекта уголовно-правовой охраны. В настоящее время, как минимум, на доктринальном уровне в незамедлительном порядке требуется различение преступного ущерба и уголовно-противоправного вреда. Речь идет не только об определении дефинитивного различия их как терминов, а о понимании их сущности в рамках единообразного правоприменительного толкования.

Констатируя о том, что понятия «преступный ущерб» и «уголовно-противоправный вред» не тождественны, необходимо признать о существовании их подмены в правоприменении. В уголовно-правовом смысле проявлением преступного ущерба выступают единичное деяние и его непосредственное последствие. Первично наступившие общественно опасные последствия материального и нематериального содержания (преступный ущерб) представляют собой правовую действительность единичного деяния, которая и является юридическим основанием его начальной правоприменительной криминализации. Последствием же претерпевания преступного ущерба выступает вред, сущность которого состоит в лишении, либо ограничении потерпевшего возможности в удовлетворении определенной потребности. В этой связи последовательно устанавливаемый уго-

ловно-противоправный вред представляет собой правовую реальность и является фактическим основанием для мер уголовно-правового воздействия, так как, он выступает связующим звеном между объектом деяния и ущербом ему причиненным, с одной стороны, и объектом уголовного правоотношения, с другой стороны. Касательно непосредственной направленности опасности деяния можно утверждать об ее установлении как «прямой» по критерию (мере) ее социальной терпимости и в этом смысле переносимости в рамках локальной системы общественных отношений, дезорганизованных преступлением.

По этим соображениям становится вполне логичным, что предметная противоправность конкретного деяния идентифицируется с содержанием общечеловеческих ценностей правопорядка и общественной безопасности; она конструируется в структуре уголовного правоотношения, значение которого и состоит в обеспечении возможности более опосредованного опосредования нарушенного преступлением социального блага. Благодаря уголовно-му правоотношению как модели одной из важных начал правоприменения возможно предметно конкретизировать подлежащее восстановлению нарушенное благо (возмещение ущерба и удовлетворение интереса) и реально дифференцировать меры защиты прав и интересов потерпевшей от преступления стороны, тем самым осуществить предопределение мер уголовно-правового воздействия. Все это позволяет сделать вывод о том, что границы уголовно-правовых санкций, в пределах которых судом может быть назначено наказание, должны быть предсказуемы, чтобы не превращать судебское усмотрение в судебский произвол.

Таким образом, предметная уголовно-правовая противоправность - это явление, характеризующее величину реальной вредоносности конкретного деяния, раскрывающее меру нарушения уголовно-правового запрета (!), тем самым легализующее правовые границы установления и избрания мер уголовно-правового либо иного правового воздействия на правонарушителей.

Выявление качественных показателей предметной противоправности конкретного деяния требует разрешения многих вопросов практического толка. Действительно ли и насколько нарушен публично охраняемый интерес, обладает ли нарушение данного интереса исключительной общественной опасностью для включения его режим признания преступ-

ным и т.д. В чем состоит сущность нарушенных прав как уголовно-правового последствия, каковы конкретно эти последствия. Насколько при этом затронуты права физических лиц или коллективных образований, а также в целом функционирование локальной системы общественных отношений либо общества в целом. Эти и другие вопросы имеют прямое отношение к выявлению меры социальной легитимности уголовно-правового запрета и степени виновности лица в его нарушении.

Решение проблемы обоснования уголовной ответственности на современном этапе видится через призму юридических фактов, влекущих те или иные правовые последствия безусловного характера. Ввиду этого, в целях повышения дифференцирующих и оценочных возможностей уголовного закона и приведения его в соответствие с реальными социальными потребностями, необходима ревизия нормы, регламентирующей основные начала назначения наказания, путем внесения в нее дополнения следующей редакции: «Основанием реализации уголовной ответственности при назначении наказания и применения иных мер уголовно-правового характера является фактический состав объективных и субъективных признаков, определяющих степень уголовной противоправности совершенного деяния, запрещенного уголовным законом под угрозой уголовной ответственности». Это предполагает конкретизацию механизма применения уголовной ответственности, включая ее обоснованность и процессуально-состязательное доказывание. В связи с этим, определение основания возложения уголовной ответственности необходимо только для установления возможности инициировать уголовное преследование в связи с выявлением признаков нарушения уголовно-правового запрета, но не для наполнения ответственности реальным содержанием. Для этого требуется материально-правовые инструментарию обоснования уголовной ответственности, которое заключены в категории «уголовно-противоправное деяние как объективное и субъективное основание уголовной ответственности».

Таким образом, в современных условиях выявление оптимальных моделей регулирования общественных отношений криминального типа немислимо без надлежащего законодательного оформления функциональности уголовной противоправности как объективного и субъективного критерия для интеграции права в систему обвинения лица в со-

вершении преступления. Будучи сложным (комплексным) правовым средством, она характеризуется собственным механизмом реализации, позволяющим обеспечить решение проблем индивидуализации наказания и снижения чрезмерной репрессивности мер уголовно-правового воздействия.

Сдвиг центра тяжести в системе отраслевого правоприменения при реализации уголовной ответственности с ее «формального» основания на условия «материального» привлечения к ней на эта-пе ее дифференциации и индивидуализации, исходя из цели, идеи и смысла установления уголовно-правового запрета, приведет к радикальной (ценностно-ориентационной) переоценке всех подходов существующего социального контроля над такой формой деструктивного поведения как уголовные правонарушения. В этой связи, следует согласиться с А.Э. Жалинским в том, что следует активно и последовательно разрабатывать и усиливать распознающие, дифференцирующие и оценочные возможности уголовного закона, приводить его в соответствие с реальными социальными потребностями, первой из которых является обеспечение жизни человека и самореализации его личности [14 с. 95].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гишинский Я.И. Преступность: Что это? Кто виноват? Что делать? (Crime: What is it? Who is guilty? What to do?) / Я.И. Гишинский // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. - № 1 (35). - С. 6-13.
2. Хомич В.М. О системности уголовного закона и его системно-правовом совершенствовании / В.М. Хомич // Право by. – 2019. - № 6. - С. 65-73.
3. Резник Г.М. Нравственные аспекты уголовной политики / Г.М. Резник // Нравственные основы уголовной политики: Коллективная монография по материалам XIV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора М.И. Ковалева (Екатеринбург, 15-17 февраля 2017 года) - Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2018. - С. 40-43.
4. Хомич В.М. Уголовный закон и обеспечение верховенства права в противодействии преступности / В.М. Хомич // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). Еже-

годное научное издание. - Ярославль: Яросл. госуниверситет им. П.Г. Демидова, 2020. - Вып. 9. - С. 70-82.

5. Козаченко И.Я. Нравственный потенциал уголовной ответственности / И.Я. Козаченко // Нравственные основы уголовной политики: Коллективная монография по материалам XIV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора М.И. Ковалева (Екатеринбург, 15-17 февраля 2017 года) - Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2018. - С. 5-20.

6. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В.А. Якушин. - Тольятти: ТолПИ, 1998. - 296 с.

7. Тихонов К.Ф. Понятие вменения по советскому уголовному праву / К.Ф. Тихонов // Личность преступника и уголовная ответственность. - Саратов, 1979. - С. 34-48.

8. Наумов А.В. Реализация уголовного права / А.В. Наумов. - Волгоград, 1983. - 86 с.

9. Легитимность права: коллективная монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. - СПб.: Алетейя, 2019. - 496 с.

10. Марчук В.В. О легитимности уголовного закона / В.В. Марчук // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования: сборник научных трудов / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; под ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. - Минск: Академия МВД, 2019. - С. 314-321.

11. Хомич В.М. Уголовно-правовая наука и уголовный закон в контексте обеспечения верховенства права в противодействии преступности в эпоху социальных трансформаций / В.М. Хомич // Право бу. - 2019. - № 6. - С. 96-103.

12. Алексеев С.С. Проблемы теории государства и права / С.С. Алексеев. - М.: Юрид. лит., 1987. - 448 с.

13. Муздыбаев К. Психология ответственности / К. Муздыбаев: Наука: Ленингр. отд-ние, 1983. - 240 с.

14. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: Теоретико-инструментальный анализ / А.Э. Жалинский. - 2-е изд.; перераб. и доп. - М.: Проспект, 2009. - 400 с.

15. Бабий Н.А. Учение о структуре и составе преступления: монография. В 2 кн. Кн. 1 Понятие структуры и состава преступления / А.Н. Бабий. - М.: Юрлитинформ, 2019. -

16. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Научно-практический комментарий / Т.П. Афонченко [и др.]; под редакцией В.М. Хомича, А. В. Баркова, В.В. Марчука. - Минск: НЦПИ, 2019. - 1000 с.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ЗАҢСЫЗДЫҚ КІНӘНІ ДӘЛЛЕЛДЕУ ЖӘНЕ СУБЪЕКТИВТІ АЙЫПТАУ КОНТЕКСТІНДЕГІ ҚЫЛМЫСТЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК БЕЛГІСІ РЕТІНДЕ

Қылмыстық саясаттың қазіргі және алыс емес тенденциялары аясында мақалада қылмыстық-құқықтық доктринада және құқық қолдану тәжірибесінде қалыптасқан қылмыстық заңмен тыйым салынған әрекеттің қылмыстық заңсыздық дәрежесін, оның қылмыстық сот ісін жүргізуде субъективті айыптау қағидатын іске асыру кезіндегі кінәлілік көлемі мен дәрежесіне әсерін анықтау тәсілдерін қайта қарау басталады. Қылмыстық іс-әрекеттің объективті және субъективті белгілерін саралау мен бағалаудағы құқықтық негіздерді олардың қылмыстық-құқықтық тыйым салуды заңдастыру мен оның қылмыстық заңсыздығы үшін бастапқы өлием ретінде қылмыстық әрекеттің ерекше қоғамдық қауіптілігі талабымен арақатынасы тұрғысынан кеңейту арқылы субъективті кінә жүйесін қайта құру және кінәлілік дәрежесін анықтау қажеттілігі негізделеді, соның негізінде барабар субъективті кінә тағуды жүзеге асырудың құқықтық режимі қамтамасыз етілуге тиіс. жауапкершілік, оны саралау және даралау.

Түйін сөздер: заңсыздық, кінә, субъективті кінә, қылмыстық-құқықтық тыйым, қылмыстың нақты құрамы, құқықтық қатынастар.

CRIMINAL WRONGNESS AS A SOCIAL SYMPTOM OF A CRIME IN THE CONTEXT OF PROVING GUILT AND SUBJECTIVE MIND

Against the background of modern and far from ambiguous trends in criminal policy, the article initiates a revision of the approaches established in the criminal law doctrine and law enforcement practice to determine the degree of criminal wrongfulness of an act prohibited by criminal law, its impact on the volume and degree of guilt when implementing the principle of subjective imputation in criminal proceedings. The necessity of reconstructing the system of sub-

tive imputation and determining the degree of guilt by taking into account the expansion of legal principles in differentiating and assessing objective and subjective signs of a criminal act in the context of their correlation with the requirement of the exceptional social danger of a criminal act as an initial criterion for legitimizing a criminal law prohibition and its criminal wrongfulness is substantiated. on the basis of which the legal re-

gime should be provided for the implementation of an adequately subjective imputation of responsibility, its differentiation and individualization.

Keywords: *illegality, guilt, subjective imputation, criminal prohibition, actual composition of the crime, legal relationship.*

УДК 343.1

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН И ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ВИНОВНОСТИ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

В.М. Химич,

доктор юридических наук, профессор,
ГУ «Научно-практический центр проблем
укрепления правопорядка и законности
Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь»,
(Беларусь)

*Положительные рецензии даны
к.ю.н. Ибраевым А.З.
и к.ю.н. Узакбаевой А.Б.*

С позиции последовательной интеграции верховенства права в систему уголовно-правового контроля преступности автором предпринята попытка социально-правового осмысления происходящих и необходимых изменений в содержательно-функциональных свойствах современного уголовного права - преступления, уголовной ответственности и вины, как базовых социальных конструкций упрека и неизбежности ответственности за намерение причинить зло при наличии свободы воли не совершать злодеяние.

Показано, что в условиях глобализации и социальных трансформаций сохраняется социальное воспроизводство неравенства и на этой основе объективно расширяется социальное поле для различного рода старых и новых девиаций безответственного социально-опасного поведения. Тем не менее, уголовное право не следует уподоблять в качестве основного инструментария в противодействии

преступности. В своей основе оно является насильственным, а поэтому, и небезопасным для человека, общества и самого государства, особенно когда доминирующими факторами ответственности и виновности становятся не обычные и понятные общие интересы людей, а нечто другое.

Ключевые слова: *вина, вменение, вина, форма вины, степень вины, мотив, цель, дифференциация, индивидуализация.*

Уголовное право, особенно сейчас, в эпоху бурных социальных потрясений, экономической и социальной нестабильности, стремительного и развращающегося обогащения меньшинства и «свободно» деградирующего обнищания большинства, становится, как не печально, стержневой социокультурной ценностью, своего рода социальным хранилищем человека и человечества от угроз само и взаимоуничтожения. Государство сегодня, как никогда прежде, проявляет непомерный интерес к уголовному праву и к его правовому инструментарию воспитания социальной ответственности человека (граждан) и человечества.

Хорошо, если этот интерес обусловлен желанием разобраться, какие исторически изменчивые человеческие и общественные пороки сфокусированы и фокусируются в уголовном праве, что обычно называется стремлением к преступлению и наказанию, с одновременным наличием желания избавиться от этих пороков, включая наказание. А если это обусловлено иным желанием. В этом-то и суть проблемы оценки современных манипуляций и противоречий в уголовном праве и уголовной политике, современниками которых мы являемся. Тем не менее, исхожу из того, что желание человечества избавиться от стремления к преступлению и наказанию непреодолимо, в том числе посредством так на-

зываемого инструментально-либерального подхода к формированию уголовного права и уголовной политики. Этот процесс бесконечен и должен продолжаться на основе *формирования рациональных потребностей человека в ответственной свободе, в ответственно сбалансированном равенстве, взаимной ответственности управляемых и управляющих*. Иного пути стабилизации общечеловеческого правопорядка и отвечающего ему уровня социально ответственного поведения сограждан нет.

Процесс формирования уголовного права и адекватной правовой коммуникации ответственности и вины в системе уголовной юстиции (определение понятия преступного, как и субъективное обоснование ответственности и ее пределов за преступление) никогда не был простым и социально безболезненным и социально справедливым в истории человеческого сообщества.

На рубеже XX и XXI веков, несмотря на несомненные достижения общечеловеческого прогресса, существенно обострились старые и появились новые факторы экономического и социокультурного характера, имеющие самое непосредственное отношение к пониманию преступления и к воспроизводству современной преступности, изменившие ее социальную, видовую и системную архитектуру, а соответственно и систему уголовно-правового реагирования на «новую и старую» преступность. Как будто незаметно ушла в прошлое социально-классовая природа преступления, но также незаметно появилось нечто иное в социальной конструкции преступления и наказания, не менее подрывающее нравственные, правовые и правосудные основы применения уголовного права.

В развитии государственных и межгосударственных систем управления обеспечением безопасности наблюдаются ярко выраженные дезинтеграционные процессы, обусловленные разрушением прежнего, пусть и формального равенства, обесцениванием человеческого достоинства, дефицитом политико-правовой свободы как социальных ценностей, посредством которых обеспечивается и гарантируется воспроизводство действительного права в официальных законоположениях о понятии преступления и наказания. На фоне международной интеграции социальных конфликтов и преступности (пьянство, наркомания, суицид, экстремизм, терроризм, преступность средств массовой коммуникации, преступность кибер-пространства и т.д.) имманентно повышается и пропагандируется

роль институтов публичной власти (государства) в обеспечении национальной безопасности и главным образом посредством расширения социального поля применения уголовного права, более того, введения и применения мер безопасности вне правовых и охранных гарантий уголовного закона противоправность [1, с. 15-78; 2, с. 34-40]. Нивелируется субъективное (индивидуальное) состояние вины и субъективного вменения посредством криминализации в качестве самостоятельных преступлений предварительных форм преступной деятельности, например, мотивированных экстремистской направленностью, равно как и путем криминализации фактов создания экстремистских организаций при отсутствии четких объективных и субъективных критериев понимания экстремистской деятельности и ее объекта посягательства. Такого рода криминализация осуществляется не на принципе исключительной общественной опасности, а на принципах введения мер безопасности (право безопасности).

Эту ситуацию (тенденцию) известный советский и российский криминолог Д.А. Шестаков обозначил как наступление на международном и на внутригосударственном уровнях права безопасности на право уголовное. По его мнению, мера безопасности в контексте права безопасности - это причинение чрезвычайного вреда (лишение жизни, здоровья, свободы, разрушение имущества), не основанное на установленном судом совершении преступления, но решающее задачу устранения угрозы, нависшей над государствами, государством, обществом либо над отдельными людьми. не все эти меры являются строго правовыми, даже если они покоятся на законе [3, с. 142]. При этом оценочный фокус понятия преступного и ответственности за преступления на объективном и субъективном уровнях смещается с понятных человеку интересов обеспечения безопасности его свободного и справедливого сосуществования на публично культивируемые интересы национальной безопасности.

Как справедливо заметил В.Н. Щедрин: «Всюду видим ограничения прав и свобод, и все они якобы ради нашей защиты. Слово «безопасность» употребляется избыточно часто, но самого ощущения безопасности почему-то нет. Очень уж заметно смещение вектора стратегии на тактику, с защиты гуманитарных на защиту потребительских ценностей, с охраны конституционных положений на охрану интересов власть имущих» [4, с. 411]. В лексикон науки уголовного права вместо хорошо

известных понятий преступление и лжепреступление вводится понятие «противоправное преступление», которое охватывает широкий спектр деяний, связанных с протестным движением.

Характеризуя современную уголовную политику (в контексте российской), Д.А. Шестаков пишет: «На деле сегодняшняя политика ответа на преступность в России, поддерживая баланс между внутренним и внешним общественным мнением, преследует цели: 1) поддержания минимального порядка на обыденном уровне преступности и 2) сбережения от ответственности воровачей («олигархов»), с которыми власть связана общими интересами» [3, с. 9].

Оказывается, что характер уголовной политики в России (и не только в России) определяется общими интересами власти не с народом (гражданами), а общими интересами власти с воровачами («олигархами»).

Именно это обстоятельство становится основной причиной обострения общественно-политических противоречий, своего рода испытанием для внутри-государственных систем правопорядка. При отсутствии универсальных способов преодоления подобных противоречий, а зачаю их сознательной консервацией, нежеланием власти меняться (ответственно переизбираться) в интересах управляемых (большинства граждан), вследствие чего неизбежно нарастают криминальные угрозы протестного характера и сопутствующие им риски социальной розни и деструктивных процессов в государстве.

На межгосударственном уровне этим непременно пытаются воспользоваться другие государства (если хотите по Шестакову - глобально-американизованная «олигархическая» власть» - сокращенно ГОВ [5, с. 12-22]) в целях подрыва суверенной независимости государств с низким обостренно-кризисным доверием граждан к собственной власти.

Но это не главное, истоки деструктивных процессов следует искать в несовершенстве внутригосударственных форм организации систем правопорядка, в отсутствии диалектики обновления власти при суверенном участии в этом большинства граждан и преимущественно в их интересах. Собственно, на это обращает внимание политическая криминология, которая с присущей ей двойственностью должна беспристрастно и объективно оценивать состояние как правоохранительной, так и преступной составляющих в политике совре-

менных государств, начиная, прежде всего, с внутригосударственных деструктивных форм ее организации и правового обеспечения. Обязанность политического осмысления в современном преступноведении заключается в том, чтобы показать, какие революционные преобразования управляются и осуществляются в интересах ГОВ, а какие осуществляются в интересах народа как суверена власти и вопреки ГОВ как на внутригосударственном, так и межгосударственном уровнях человеческого и политического миропорядка [3, с. 34].

Несомненно, что современная уголовная политика правообразования и применения уголовного закона на внутригосударственном уровне в значительной степени определяется элитарными интересами власти и обслуживаемыми властью бизнес элитами. В такой ситуации по образному выражению Густава Радбруха, «...само существование правопорядка важнее, чем его справедливость и целесообразность. Это вторая великая задача права, первая же равным образом всеми одобренная - правовая стабильность, безопасность, то есть порядок и мир» [6, с. 87]. По его мнению, «Несовершенство человека не позволяет гармонично объединить в законе все три ценности права - общую пользу, правовую стабильность и справедливость, и остается лишь выбирать между тем, соглашаться ли во имя правовой стабильности на действие плохого, вредного или несправедливого закона, или отказать ему в действии, учитывая его несправедливость и вред, наносимый всему обществу».

Но народ и юристы в особенности должны четко осознать, что, хотя законы, в значительной мере несправедливые и наносящие ущерб обществу, и могут существовать, им следует отказываться в действии и в признании их правового характера» [6, с. 196].

Право пока недостаточно интегрировано в формирование и деятельность власти, а отсюда и в правоохранительную, правообеспечительную и судебную деятельность [7, с. 5-18; 8, с. 19-24]. Не произошло инновационных правовых перемен в государственном устройстве, удовлетворяющих подлинным национальным и государственным интересам большинства граждан. Казалось бы, развитие событий на постсоветском пространстве, открывших народам возможность не только свободно высказывать свое волеизъявление, но и сообща реально осуществлять и формировать народный суверенитет публичной власти посредством контроля этой власти, ее подотчет-

ности народу и сменяемости по воле народа, разумеется в рамках разумных сроков и демократических процедур, были заблокированы формально ограничительными процедурами и запретами якобы для обеспечения стабильного правопорядка и безопасности граждан.

В свою очередь давно доказано, что психологическая мотивация на совершение деструктивных форм поведения производна от иррациональных обременений власти. То есть вина и субъективное вменение в ответственность совершенного преступления и в конечном итоге сама мера уголовной ответственности, возлагаемая на виновного должны быть основаны на взаимной вине, а не сводится только к психическому отношению лица к содеянному преступлению. Вина должна сопровождаться и пониматься в контексте субъективного вменения как оценочно распределяющая ответственность общества и ответственность виновного психологическая субстанция. Глубоко прав И.Я. Козаченко, изрекая по настоящему фундаментальное заключение относительно вины как субъективного основания уголовной ответственности: «Прежде, чем устанавливать уголовную ответственность за то или иное опасное деяние, общество и государство должны отдавать себе отчет в том, в какой мере они сами виновны в создании и поддержании таких условий жизни, которые разрушают материальную и нравственную основу равенства людей, и провоцируют их на совершение недозволенного» [9, с. 6-7].

Все более очевидным становится наличие разноуровневого, обусловленного рядом системно взаимосвязанных социальных и глубоко личностных факторов мотивационного фона, толкающего человека на преступное поведение. Среди этих факторов, которые исходят от государства, именуемого правовым многими Конституциями, следует указать на экономические, организационно-управленческие, социально-распределительные, служебно-властные и, собственно, нормативные иррациональные обременения человека в его стремлении к политико-правовой свободе, социальному равенству и социальной справедливости. И это обязывает усовершенствовать правоприменительную практику и алгоритм действий по субъективному вменению теорией и практикой определения степени вины лица в совершении правонарушающе-го деяния, имея в виду, что что вначале появляется закон с его запретами и ограничениями и только потом формируется мотивация и намерение нарушить предписа-

ния закона.

Право и правоинтегрирующее правоприменение в судебной и иной правоохранительной деятельности не могут и не должны сводиться только к нормативности и состоять только из системно-го взаимодействия норм позитивного права. В позитивном правоприменении для сохранения глубинных свойств права должны быть органически вплетены и соединены естественное и позитивное право - неотъемлемые права, свободы и обязанности человека и нормативно-регулятивные средства их обеспечения [10, с. 32]. И это состояние правоприменения должно гарантированно и постоянно поддерживать и обеспечивать государство.

Между тем, состояние большинства классических институтов уголовного права, призванных обеспечивать правовые начала в системе охранительных отношений в последнее время незаметно, а иногда даже под флагом либерализации уголовной ответственности, перестраивается вопреки объективно и социально заданным функциям уголовного права и его возможностям в противодействии преступности, равно как и иным социально-деструктивным формам социально-опасной деятельности. Законодательно-инновационных зигзагов на этом правовом поле достаточно. Симптоматично, однако, то, что проявляется это, прежде всего, в принижении роли тех элементов права в уголовном праве, которые призваны формировать ограничительные правовые механизмы злоупотребления государством репрессивными началами уголовного права в поддержании социального правопорядка, недопустимости его использования для поражения политико-правовой свободы, абсолютизации факта признания вины в совершении уголовно-правового запрета в качестве достаточного субъективного основания уголовной ответственности, то есть без личной психологической легитимации нарушения запрета в качестве общественно опасного и наказуемого деяния. Следует учитывать, что легитимация уголовного закона, представляющая собой не более как психологическое признание обычными людьми институтов и норм правовой реальности, относящихся к признанию того, что позитивное (объективное) законодательство относит к преступлению под угрозой применения наказания. Благодаря этому обеспечивается разумный предел действия права в формировании в обществе достойного и принимаемого большинством правопорядка, высокий уровень личностной ответст-

венности, ориентированной на соблюдение правопорядка и как следствие социально-эффективное применение уголовного закона, когда преступление и наказание объективно и субъективно по вине и, соответственно, наделяется признаками разумности и онтологической безопасности [11, с. 8-10].

Конечно вопрос о легитимации уголовного закона в силу заявленной его охранительной функции осложняется далеко непростым и однозначным социальным опытом публично-принудительного утверждения того, что должно быть преступлением и наказанием за него. Как справедливо замечает А.Э. Жалинский, уголовный закон легитимирует необходимое для общества насилие, а суть легитимности уголовного права состоит в уяснении вопроса о том, кто и за что, и на каком основании вправе подвергать граждан наказанию [12, с. 21]. Этот вопрос был и остается главным и сегодня, а может быть сегодня, как никогда ранее. Двадцатилетний период действия Уголовного кодекса Республики Беларусь, который по целому ряду базовых позиций, в отличие от уголовных кодексов других постсоветских государств, был ориентирован на легитимацию позитивных начал в уголовной политике (принцип исключительной общественной опасности деяний, признаваемых преступными, наличие системы альтернативных наказаний мер уголовной ответственности, применяемых в режиме probation), тем не менее, не стал существенным прорывом в их реализации. Об этом и о причинах неудач автор писал неоднократно и в различном контексте [13, с. 437-441; 14, с. 9-26]. Здесь пока коснемся только одной из причин, которая, и обуславливает традиционно инфляционные процессы в системе уголовно-правовой защиты общества от реальных криминальных угроз и к тому же сопровождается злоупотреблением уголовно-правовым инструментарием в поддержании в обществе достойного правопорядка как важнейшего условия общественной и национальной безопасности, наконец, исключает полноту и определенность не только субъективного, но и объективного вменения. Эта причина заключается в том, что, как всегда, упускается важнейшее условие легитимации уголовного закона, которое должно фокусироваться не на колебаниях интересов властвующих элит, а на интересах обеспечения достойной и безопасной жизни людей. В таком контексте и следует интерпретировать (понимать) и преступление, и наказание не только в уголовно-правовой и криминологиче-

ской науке, но и в социальной практике нормотворчества уголовного закона и его применения. Но это не происходит. Деятельность национальной уголовной юстиции после завершения избирательной кампании 2020 года на законодательном и правоприменительном уровне подтвердила ориентацию уголовного закона и правоприменительной практики, в том числе в контексте объективного и субъективного вменения преступных деяний преимущественно в зависимости от степени их опасности для элитарных интересов власти.

По мнению А.В. Наумова, «законодатель по сути превратил уголовный закон в инструмент для решения любых, по его мнению, значимых политических и социально-экономических задач». «Более того, - отмечает далее автор, - выскажу на этот счет определенную парадоксальную и даже «крамольную» (для уголовно-правовой отрасли) мысль. Основная беда применения уголовного права в уголовном правосудии заключается вовсе не в недостатках уголовного законодательства, а в нашей сложившейся уже в постсоветское время судебной системе. И именно ее реформирование, а также уголовно-процессуального законодательства (в части преодоления при этом присущего ему обвинительно-го уклона) во сто раз важнее изменения законодательства уголовного» [15, с. 41-42].

Поэтому сегодня, как ни странно, задача состоит в том, чтобы ограничить объективное уголовное право (уголовный закон), его существование и использование в защите социального правопорядка собственно правом - не более как рациональной необходимостью и социальной справедливостью, а субъективного вменения на общечеловеческих началах понимания общественной опасности преступления и необходимого для виновного в преступлении наказания.

Не является бесосновательным преувеличением утверждение, что и процесс нормотворчества в уголовном праве уже давно осуществляется по канонам волюнтаристских наскоков власти, упреждения заведомо возможных посягательств на установленный правопорядок независимо от его приемлемости для граждан. Процесс реформирования уголовного закона в последние два десятилетия был и продолжает быть настолько стремительным, что порой напоминает функционально-юридическую суету, своего рода опьянение растущими нормативными масси-

вами, отодвинув в сторону процессы социальной рационализации законов и иных правовых актов на основе объективных законов социального прогресса в интересах людей.

Способствует этому и то, что в реальной правовой практике, в том числе и в уголовно судопроизводстве преобладает взгляд на право и закон как на сугубо текстовые явления [16, с. 5-20]. Отсюда в совершенствовании объективного уголовного права теряются индивидуальное и общественное правосознание, игнорируются интересы большинства, социально конструктивные мотивы деятельности и многое другое, что отрицательно сказывается на состоянии законности и правопорядка, сдерживает социальное развитие общества и государства. Сейчас с объективным и субъективным вменением получается по образному выражению Михаила Жванецкого ситуация, когда то, что для одного есть преступление, то для другого - подвиг.

При оценке общественной опасности деяния на предмет отнесения его к преступлению в социальной практике нормотворчества уголовного закона и его применении правовые системы все более фокусируются на непонятные элитарные интересы, а не на сохранение безопасного существования человека и человечества. В законотворчестве и правоприменении прецеденту забвению истинное социальное предназначение уголовного права как вынужденной и исключительно императивно-принудительной правовой защиты человека и человеческого достоинства от общественно опасного произвола субъектов социальной деятельности [17, с. 260-263].

Сегодня законодательное урегулирование общественных противоречий между бедностью и роскошью, равенством и неравенством далеко не всегда достигает гуманной цели, более того, «существует много примеров случаев использования законодательства как инструмента сохранения неравенства» [18, с. 451]. Некоторыми исследователями теории права даже делается вывод, что право изначально задумано как инструмент воспроизводства смыслов желаемого, но недостижимого общественного порядка [19, с. 23, 139]. В общем мы живем в сложное время, когда, по выражению Б.С. Слезина, говорят не для того, чтобы информировать, а для того, чтобы обмануть или запутать [20, с. 4].

Нельзя не обращать внимание и на то, что государство, традиционно воспринимаемое как гарант безопасности, сегодня само находится под угрозой необходимости транс-

формации его форм и функций, что не может не влиять на эффективность общественно значимой функции права как всеобщей социокультурной ценности и безопасного регулятора человеческого прогресса. Может быть сегодня действительно осуществляется переход к новой проектной модели построения социально-экономических отношений, что фактически требует признания трансформации привычного государственного порядка в два новых системных начала организации общества, одно из которых организовано на доминировании ценностей выживания («малые» члены общества в терминах Л. Болтански), а другое - на доминировании ценностей самовыражения («большие» члены общества в терминах Л. Болтански) [21, с. 227;

Фактически речь идет об оформлении сосуществования двух легальных порядков - порядка с доминированием ценностей выживания и порядка с доминированием ценностей самовыражения (так называемая эпоха проектного капитализма). Правовые установления эпохи проектного капитализма, по мнению авторов этого социально-правового проекта, будут ориентированы на организацию функции права таким образом, чтобы удовлетворять потребности в безопасности внутри каждого из двух зарождающихся социальных порядков, а также предотвращать последствия возможных столкновений интересов этих двух полярных порядков.

Вот та новая и пока еще смутно видимая в очертаниях завтрашнего дня реальность, в которой не будет общего интереса в обеспечении заботы о простых человеческих интересах. А будет одна система, как по Фуко - надзирать и наказывать [24, с. 24, 103], пока, однако, непонятно, за кем и за что.

В строго научном и социально ответственном контексте необходимо инструментально-правовое обновление содержания уголовного права на стандартах либерального подхода, который предполагает, во-первых, постоянное и социально контролируемое поддержание состояния исключительности применения функций преступления и уголовной ответственности и, во-вторых, создание криминологических программ контроля и определения эффективности действия уголовной юстиции в общественных интересах. В этой связи мы всецело согласны с В.А. Номоконовым в том, что сегодня важнее было бы говорить не столько о «политической криминологии», о ее предмете, важности и достижениях, сколько о криминологической оценке политической сфе-

ры или по-литических процессов в обществе [25].

По его мнению, криминология в целом наука не только соци-ально-правовая, но и по-литическая. Отсюда и столь драматична ее судьба в советское и постсоветское время. Далее автор не без иронии замечает: «Можно массовые январские протесты молодё-жи рассматривать как спецоперацию Запада или как организован-ное хулиганство, но не как реак-цию населения на вопиющую соци-альную и правовую несправедливость. Лично я вижу крайне тре-вожную тенденцию, когда пресло-вутая «политическая целесооб-разность», определяемая вышестоящими властными струк-турами, берёт верх над законностью. То, что происходит в политике сего-дня, может иметь позитивные или негативные последствия как для страны в целом, так и для каждого отдель-ного гражданина. Наша задача как криминоло-гов - видеть возможные криминальные по-следствия и предупреждать общество об их угрозе» [25].

Наблюдая кипучую деятельность уго-ловного законодателя в последние десятиле-тия, Н.В. Щедрин обращает внимание, что в ней преобладают новации, большинство из которых - это реакции на сиюминутные коле-бания властных настроений и популизм чи-стейшей воды. Свое вдохновение уголовный законодатель главным образом черпает из про-шлого, а не конструирует, всматрива-ясь в будущее. «Да, собственно, и событийное настоя-щее интер-претируется законодателем избира-тельно. Приглядевшись повнимательнее, мож-но обнаружить: а) стремление решить любые (эко-номические, гендерно-демографические, нравственные и пр.) проблемы уголовно-правовыми средствами; б) приоритетную за-щиту имущих» [4, с. 410]. Это неизбежно ве-дет к ограничению правового поля формиро-вания и поддержания на безопасном уровне соци-альной ответственности граждан на ин-ституциональном уровне свободы человека, с одной стороны, а, с другой стороны провоци-рует практику объективного вменения в виду расширяющегося поля совершения деяний протестно-правонаруша-ющего характера.

Деструктивные процессы наблюдаются и в собственно пра-вовой сфере и способы их преодоления, по мнению некоторых теорети-ков права, следует искать не в повышении ро-ли закона, а в интегративном поиске права в нормах закона, чем собственно должно зани-маться правосудие [7, с. 6-7]. Однако, к сожа-лению, правосудие еще далеко и не всегда

ориентируется на поиск инте-гративного пра-ва при разрешении социальных конфликтов и спо-ров. Хотя требования равенства, свободы, справедливости и про-писаны в нормах зако-нов, заложены в принципах, которые соче-таются с требованиями законности, разумно-сти, личной и общей пользы, но они лишены коммуникативной активности. В итоге мы по-лучаем упрощенный формально-логический догматизм закона, но не права в системах пра-вового регулирования и правоприме-нения (правосудия). Ситуация конфликтности в об-ществе не просто сохраняются, а динамично обостряется.

В социально-правовой контроль пре-ступности является сложным социально-правовым образованием и небезопасным для самого общества и государства. Без сохране-ния и контролируемо-го обеспечения в нем базовых свойств права при монопольном пра-ве государства на криминализацию и форми-рование санкционных механизмов воздей-ствия на преступность и преступников со-циальный контроль преступности становится небезопасным для человека, общества и само-го государства вследствие его безгра-ничной хаотичности, неопределенности и возможно-стей для злоупотреблений.

Чтобы сохранить мир и спокойствие в современных обще-ствах и обеспечивать чело-веческий прогресс, необходим ответ-ственный прогресс, социальное-правовое контроле. И не только со стороны институтов публичной власти в отно-шении гражданского общества (граждан), но и в отношении институтов публичной власти. И не только в контексте предупреждения соци-ально опасного поведе-ния, но и в оценке того, что опасно для социальной системы, и какая санкция и мера защиты должна быть предпри-нята для этого (сохранения общественного спокойствия).

При всем многообразии подходов и тео-ретических взглядов на преступность ее ис-ходные причины остаются неизменными. Они коренятся в объективных и субъективных про-тиворечиях со-циальной жизни людей, с одной стороны, и в неспособности или нежелании публичной власти, с другой стороны, посред-ством пра-вового регулирования и правового принуждения совместить эко-номический про-гресс, частную собственность и частную инициати-ву с социальной ответственностью и защищенностью людей с консолидированной социальной справедливостью и равенством ви-новной ответственности за безответственное (правонарушающее) поведение при наличии

индивидуальной свободы выбора. К сожалению, современный «камертон» использования позитивного права, как и уголовного закона не совсем настроены на такой диалектический алгоритм нейтрализации глубинных и базовых истоков воспроизводства социальной несправедливости и социальной безответственности, а скорее - на нейтрализацию поверхностных экономических и социальных колебаний (недовольств) политического характера.

Ситуация с неадекватным функционированием (применением) институтов преступления и наказания на принципах неотвратимости виновной ответственности осложняется наличием системно-сетевых коррупционного фона, который на обыденном уровне правосознания проявляется в осознании гражданами, с одной стороны, рукотворного несовершенства системы жизнеобеспечения основной части населения как на национальном, так и международном уровнях, а, с другой стороны, осознании возможности и желании большинства группы выживающих людей жить в этих условиях лучше, чем предполагается действующей системой. Вот в этом моменте сегодня вся современная система-тика проблемного поля диалектики реализации виновной ответственности.

Профессор Ж. Фаварель-Гарриг (Париж) в своем докладе «Борьба с коррупцией как общественная проблема» позиционирует положение, что в современных обществах и политических системах противодействие коррупции - это самостоятельный пункт политической повестки дня деятельности государственной власти, совершенно или мало связанный с реальной практикой противодействия реальной преступности. Осуществление антикоррупционных мероприятий позволяет властной элите устанавливать приоритеты, распределять полномочия и средства, вести успешную конкуренцию с оппонентами, а лидерам гражданского общества легитимизировать свои претензии перед властью и не более [26, с. 52-53]. Еще более определенно по этому поводу высказался Ю.Г. Ершов. Касаясь недостаточно последовательной государственной политики борьбы с коррупцией в контексте современных основ государственности обращает внимание на сохраняемую социальную недоразвитость этих современных антикоррупционных основ в России и в других постсоветских государствах, в том числе на декларативный характер многих идей и принципов правового государства, отсутствие

независимого правосудия, что и превращают борьбу с коррупцией и в целом с преступностью в средство внутриэлитной борьбы за власть и обогащение, инструмент передела сфер влияния, ресурсов и доходов далеко и не всегда в общенациональных интересах людей. Борьба с так называемой экономической преступностью в таких условиях превращается для государства в манипулятивную девиацию, сводящуюся к моно-полному контролю за распределением и наказанию не имеющих права на коррупционное поведение или превышающих негласную меру издевательств. Одновременно это является оправданием моно-полного контроля над социальными, экономическими и политическими процессами. Таким образом коррупция превращается в системный элемент (способ) государственного управления обществом и собственного самосохранения [27, с. 80-83].

Не случайно сегодня в повестке дня в контексте обостряющей деструктивной напряженности в диалектике социальной ответственности и виновности в преступлении (публичном правонарушении) актуально значатся (в том числе и в уголовном праве) вопросы пересмотра баланса публичных и частных интересов по всем объектам и направлениям правового регулирования, доверия граждан к действиям государства, стабильность гражданского оборота и социально-экономических прав и свобод человека, пределы ограничения права собственности и иных прав человека вообще, в том числе и в контексте обеспечения общественной и национальной безопасности. В уголовном праве симптомы этих проблемных вопросов заключены в продолжающем кризисе наказания, в неадекватной и несбалансированной с фундаментальными интересами человека криминализации, чрезмерной коммерциализации публичных видов правовой ответственности, абсолютизации и злоупотреблению уголовно-правовыми средствами защиты систем национальной безопасности, наличии дуализма в системе публичных правонарушений и ответственности (имеется в виду УК и КоАП). Ни одна из этих проблем современности не может быть разрешена сугубо легистскими подходами, тем более посредством введения на законодательном уровне уголовно-правовых запретов и только нормативными установлениями органов, которые занимают господствующее политическое положение в системе официального правообразования и правоприменения.

Очень важно сегодня в формировании позитивного уголовного права иметь в виду, что «вмешательством» в право посредством введения уголовного запрета под угрозой уголовной ответственности и наказания должно устанавливаться «справедливое равновесие» между потребностями общества или общим интересом и требованиями защиты фундаментальных прав индивидуального лица. Должно быть достигнуто разумное соотношение пропорциональности между применяемыми государством уголовно-правовыми средствами для обеспечения социальной безопасности и поддержания ее стабильности и целью преследуемой применяемой мерой, которая лишает человека определенных прав. Уголовное право, как и всякое право, должно соотноситься со справедливостью и равенством, иначе оно утрачивает свое естественно-правовое предназначение, а принцип личной и виновной ответственности в манипулятивную девиацию в системе деятельности уголовной юстиции.

Что же делать? Думаю, не надо задавать риторическим вопросом, есть ли сегодня настоящая потребность в фило-софском переосмыслении функциональных возможностей и содержательных положений уголовного права. Обращение к философии права - это всего лишь и не более как возрождение фило-софского знания в качестве материальной и методологической основы для необходимой переоценки и изменения содержательной и функциональной направленности уголовного права в противодействии преступности. Философия права не отвергает юридический позитивизм в уголовном праве и уголовной ответственности (наличие собственно законных объективных и субъективных оснований в преступлении и наказании), а всего лишь обращает внимание на его ограниченность и недостаточность, поскольку он определяет истинность уголовного права с позиции силы права (права принуждения), с позиции догмы нормы закона в ущерб реальному праву. И тем самым вольно или не вольно исключает личный и общий интерес человека в системе регулятивного и охранительно-правового функционирования вопреки заявленной свободы воли. Нет ничего опасного в том, что философия уголовного права предлагает ради сохранения уголовного права сместить крен его познания и применения с позиции преступления как деяния на интересы человека как деятеля преступления. Такая модель понимания уголовного права и его применения будет при-

емлема и понятна не только для государства и его институтов, но и для человека, и человеческого сообщества. Самое главное она будет более эффективной.

Надо также учитывать и то, что сегодня обществом дается оценка права, правоприменения, правосудия, правоприменительной деятельности по иной системе социальных координат. Элементы правового просвещения и воспитания, правовой пропаганды перестали восприниматься на культовом почитании, поскольку реальная практика и фактически, и по давности не подтверждает реальное действие права в системе коммуникации людей, социальных групп, государственных и межгосударственных образований. Времена, когда право и культ его почитания были нераздельны, давно ушло, а современная действительность лишь подтверждает худшие прогнозы этого разделения. Вот этот существенный момент в культурной эволюции понимания и восприятия права мы уже упустили, и скажем прямо, не без участия законодателя и правоприменителя. Сегодня, право объективируется и воспринимается только в реальном действии, в реальном его использовании в соответствии с его правовым содержанием, а не в застывших нормативах законоположений, которые не востребованы, не применяются вообще либо применяются избирательно. Здесь есть поле для реформаторских решений. Однако, при этом следует учитывать, что резервы повышения эффективности права путем введения запретов, обременений, усиления ответственности без должного развития правовых средств, стимулирующих формирование позитивного личностного состояния людей (их свободы, равенства, справедливости) как на социальном, так и на институционально-правовом (ретроспективном) уровнях ответственности ограничены в позитивной функциональности свободы воли, вины и виновной ответственности.

Хорошо известно сущность вины определяется на основе ее психологической природы вины, на состоянии упрека человека в безответственном выборе правонарушающего поведения при наличии осознаваемой свободы воли не делать такой выбор или не допустить совершения правонарушающего деяния. Вина как упрек основана на социальных компонентах состоянии психики человека и их инвариантности - способности порождать или быть причиной отклонений человека от требуемых социальных стандартов поведения, с одной стороны, а, с другой, на психологической воз-

возможности не допускать таких отклонений. Психологическая концепция вины исходит из сложной биосоциальной природы человека. Она обращена к человеку не как к огромному насекомому с присущей ему рефлекторно импульсивной психикой, а к психике человека как разумному творению психики, обладающей интеллектуально воспроизводящим (формирующим) и интеллектуально преобразующим сознанием окружающей человека физической и социальной реальности, в том числе своего собственного сосуществования.

Сущность, обоснование вины, а следовательно, ее доказывание в рамках психологической концепции усматривается в особых свойствах и способностях психики человека - наличии механизма психологической мотивации выбора и управления своим поведением с учетом личностной свободы человека действовать по своему усмотрению. При этом, психологический процесс выбора рассматривается не с позиции механического отражения окружающей действительности (здесь перепаханное мокрое поле и чтобы не застудить ноги, лучше идти по дороге, то есть, не с позиции исключительно сохранения себя как биологического существа), а социального отражения - способности человека в условиях осознаваемой личной свободы осознанно принимать решение и действовать желаемо, чтобы обеспечивать социальную безопасность себя, других людей, иных ценностей и объектов социальной инфраструктуры общества и социального бытия человека. Таким образом, виновность есть особое психологическое состояние человека, обусловленное его неправильным (асоциальным) поведенческим выбором при наличии свободной возможности сделать и осуществить правильный поведенческий выбор. Это упречное психологическое состояние человека и есть психологический момент вины независимо от того, проявляет ли конкретный человек, совершивший плохой поступок, чувство вины, мучается ли он угрызениями совести или нет до либо после совершения правонарушающего деяния.

Правовые компоненты такого упречного психологического обоснования вины были заложены еще в Русской правде, различавшей злоумышленность как учинение вреда - «пакощами», «пакостидея». При этом злоумышленность (вина) будет независимо от того, считал ли деятель таковыми свои «дея». Важно, чтобы интересы организуемого властью общественного спокойствия требовали этого ради поддержания порядка в обществен-

ном устройстве человека, государства и общества.

«Юридическое значение, писал Н.С. Таганцев, может иметь только ссылка на неведение требований права, а не ссылка на неразумность этих требований: лицо, заявляющее, что оно не признает существующего правового порядка, не признает закона и его требования не может быть освобождено от ответственности на основании подобной ссылки», в том числе в связи с неумышленностью совершенного преступного деяния [28, с. 464]. Заключение о том, что «объем вины, объективно вменяемой в вину» (точнее, степень вины) не зависит от неразумности тех требований, нарушение которых является преступным деянием, в принципе устоялось до настоящего времени. Однако было бы несправедливо при определении вины не учитывать уровень легитимности тех запретов и ограничений, с нарушением или несоблюдением которых связана вина лица, совершившего соответствующее преступление. Здесь мы имеем дело не просто со свободой выбора, а с оценкой рациональности выбора как элементом проявления социальной ответственности личности перед собственной свободой и требованиями общественной необходимости. Позитив такого выбора состоит в том, что в нем аккумулируется потенциал разумного человека как социального индивида, способного в едином комплексе в условиях естественной свободы воспринимать критически общественные (и правовые) требования как социальную необходимость своего безопасного сосуществования в обществе, а не слепо и рабски следовать этим требованиям. Разумеется, это не опровергает презумпцию виновности и ответственность человека в таких случаях, но несомненно и то, что несправедливость запрета должна быть учтена посредством оценки степени вины лица, его нарушившего.

В социально-правовом отношении «вина» отражает и призвана зафиксировать, прежде всего, момент, характер и содержание упрека, а затем по возможности, глубину и степень соответствующего упрека. Фиксация этого упрека, как правило, устанавливается посредством оценки психологического отношения человека не вообще к обществу, государству, базовым институтам и ценностям социального мироустройства (хотя это тоже важно для формирования творческой и активной позиции людей), а к тому совершенному человеком деянию, которое является социально правонарушающим в условиях установленно-

го правопорядка. Та-ким образом, вина как феномен социальной реальности и субъективное основание ретроспективной ответственности в ракурсе психологической концепции появляется только тогда, когда, во-первых, имело место правонарушающее деяние, во-вторых, когда лицо в этом деянии проявило или имело возможность проявить вариативность в оценке легитимности установленного уголовно-правового запрета в качестве преступного деяния, в третьих, это деяние состояло в определенном контролируемом (со стороны человека) соотношении с сознанием (с его психической работой).

Вопрос собственно заключаются в том, насколько всесторонне и глубоко в рамках психологической модели вины устанавливается степень виновности правоприменительной практикой в качестве субъективного основания ответственности и ее виновной дифференциации в рамках возлагаемой на виновное лицо уголовной ответственности. Здесь действительно есть серьезные претензии как к законодателю в контексте формирования запрета упречного правового поля без учета социальной ориентации человека на свободу в выборе социально-правовой рациональности и оправданности своего поведения, а равно и к правоприменителю, который, к сожалению, исключительно механистически определяет виновность лица исходя из абсолютной неопровержимости законодательного запрета и невозможности смягчения (уменьшения степени) виновности. Что касается уголовно-правовой доктрины, то она никогда не оставляла без внимания указанные проблемы и предлагала конструктивные гуманистические технологии определения виновности с позиции поиска и учета мотивации оправдания и распределения степени виновности между человеком и социальными институтами общества. Тому подтверждением оценочная теория вины, точнее, оценочно-вариативная система определения степени вины, которая дополняет психологическую концепцию вины посредством определения объективной степени виновности лица с учетом оценки степени легитимности установления данного запрета (требования) для обеспечения безопасности человека общества и государства, побудивших виновного нарушить данный запрет совершением соответствующего преступления. Оценочная теория вина призвана выявить и учесть оправдывающие виновного в преступлении психологические компоненты его свободного выбора в виду относительной правовой

неадекватности самого запрета. Как мне кажется, Г.Н. Горшенков, объясняя эту проблему с криминологических позиций, указывает, что «преступление отнюдь не сводится к нарушению уголовно-правовой нормы. В этом нарушении виден сложный клубок личностных и неличностных отношений как непосредственно, так и опосредованно на него замотанных». «Преступность, по его мнению, задана как возможность всякого существа, имеющего свободу выбора» [29, с. 23; 30, с. 170-171].

Оценочная теории вины предполагает, что при оценке степени вины во внимание принимаются не только указанные в уголовном законе обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность, но возможная социальная избыточность уголовно-правового запрета, провоцирующая лицо на его нарушение. Это принципиальная схема процесса установления виновности, его внутренняя логика и диалектика, которая в современных условиях способна обеспечить современное понимание и соотношение диалектики вины и диалектики уголовной ответственности, наполнить уголовное право социальной рациональностью и правовой справедливостью.

Социальная ответственность связана как со свободой, так и с общественной необходимостью, однако не сводится ни к свободе, ни к необходимости, она - результат (момент) их взаимодействия. При этом взаимодействуют именно личностная свобода каждого из нас со свободой как осознанной необходимостью. Хотя внутренняя свобода и находится под воздействием социальной среды (общественной необходимости или допускаемой обществом свободы) и формируется ею, она все-таки создается самим человеком, контролируется и определяется им и всегда остается относительно автономной системой. В этом и суть диалектики социальной ответственности и правонарушающей виновности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зибер У. Границы уголовного права / У. Зибер; пер. с нем. Д. А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2009. - № 1 (16). - С. 15-78;
2. Харламов В.С. Институт охранного ордера в зарубежном законодательстве как инструмент защиты личности в зарубежном законодательстве / В. С. Харламов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2014. - № 1 (32). - С. 34-40.
3. Шестаков Д.А. Навстречу праву противодействия преступности. Статьи, выступ-

- ления, отклики / Д. А. Шестаков. - СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2019. - 206 с.
4. Щедрин Н.В. Футурологические аспекты уголовного права / Н.В. Щедрин // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 30 сентября - 1 октября 2019 г.) / под ред. Н.А. Лопашенко; [ред. А.В. Голикова]; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». - Саратов: Издательство ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. - С. 409-413.
5. Шестаков Д.А. Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. - №2 (25). С. 12-22.
6. Радбрух Густав Философия права / Густав Радбрух). - М.: Издательство «Международные отношения», 2004. - 240 с.
7. Лазарев В.В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда / В. В. Лазарев // Журнал российского права. - 2017. - № 7. - С. 5-18.
8. Графский В.Г. О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции / В. Г. Графский // Журнал российского права. - 2017. - № 7. - С. 19-24.
9. Козаченко И.Я. Нравственный потенциал уголовной ответственности: Основной доклад XIV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М.И. Ковалева (Екатеринбург, 16-17 февраля 2017 года). - Екатеринбург: Изд. дом Уральского государственного юридического университета, 2017. - 15 с.
10. Шафиров В.М. Интегративное понимание и жестокый позитивизм / 10. В.М. Шафиров // Журнал российского права. - 2017. - № 7. - С. 24-33.
11. Легитимность права: коллективная монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. - СПб.: Алетей, 2019. - 496 с.
12. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А.Э. Жалинский. 2 изд. перераб. и доп. - М.: Проспект, 2009. - 400 с.
13. Хомич В.М. Криминологическая оценка применения уголовных санкций в Республике Беларусь и пути преодоления кризиса наказаний / В.М. Хомич // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XI Международной научно-практической конференции (30-31 января 2014 г.). - М.: Проспект, 2014. - С. 437-441.
14. Хомич В.М. К вопросу о состоянии и совершенствовании правового регулирования социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы / В.М. Хомич // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр./ редкол.: В.М. Хомич [и др.]; Науч. - практ. Центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. Прокуратуры Респ. Беларусь. - Минск: РИПО, 2015. - Вып. 8. - С. 9-26.
15. Наумов А.В. О «ключевых» аспектах реформы УК РФ / А. В. Наумов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. в МГЮА (Москва, 24 янв. 2020 г.). - М.: РГ-Пресс, 2020. - С. 41-44.
16. Тихомиров Ю.В. Поведение в обществе и право / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. - 2019. - № 5. - С. 5-20.
17. Наумов А.В. Об увлечении отечественного законодателя уголовным правом / А.В. Наумов // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 30 сентября - 1 октября 2019 г.) / под ред. Н.А. Лопашенко; [ред. А.В. Голикова]; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». - Саратов: Издательство ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. - С. 260-263.
18. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / Дж. Стиглиц. Пер. с англ. - М., - С. 451.
19. Исаев И.А. *Politica hermetica*: скрытые аспекты власти / И. А. Исаев. - М., 2003. - 575 с.
20. Слезин В.Б. Геноцид белой расы. Кто виноват? В чем причины? / В.Б. Слезин. - СПб.: ОАО «Лениздат», 2007. - 144 с.
21. Болтански, Л., Кьяпелло, Э. Новый дух капитализма / Л. Болтански, Э. Кьяпелло. - М.: Издательство «Новое литературное обозрение», 2011. - 976 с.
22. Назаров В.С. Мир и дух проектного капитализма / В.С. Назаров. - М.: ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2014. - 60 с.
23. Зембатов М.Р. К пониманию путей развития права в эпоху проектного капитализ-

ма / М.Р. Зембатов // Журнал российского права. - 2017. - № 5. - С. 22-31.

24. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. - М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. - 480 с.

25. Номоконов В.А. Политике нужна криминологическая оценка / В.А. Номоконов - Официальный сайт Санкт-Петербургского международного криминологического клуба // <https://www.criminologyclub.ru/home/2-forthcoming-sessions/416-2021-01-30-15-16-22.html> (дата обращения: 06.03.2021).

26. Фаварель-Гарриг Ф. Борьба с коррупцией как обще-ственная проблема / Ф. Фаварель-Гарриг // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Фе-дерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко; вып. ред. В.С. Мартьянов ; чл. редкол. А.Э. Якубовский; Ин-т философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. - Екатеринбург, 2019. - С. 52-64.

27. Ершов Ю.Г. Коррупция как угроза государственности / Ю.Г. Ершов // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противо-действия коррупции: сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко; вып. ред. В.С. Мартьянов ; чл. редкол. А.Э. Якубовский; Ин-т философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. - Екатеринбург, 2019. - С. 80-89.

28. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Общая часть. Т. 1. - Тула: Автограф, 2001. - 800 с.

29. Горшенков Г.Н. Наказание как объект общетеоретиче-ской криминологии / Г.Н. Горшенков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2017. - № 2 (45). - С. 21-23.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ЗАҢ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК ЖАУАПКЕРШІЛІК ПЕН ҚЫЛМЫСҚА КІНӘЛІЛІК ДИАЛЕКТИКАСЫ

Құқық үстемдігін қылмысты қылмыстық - құқықтық бақылау жүйесіне дәйекті интеграциялау тұрғысынан автор қазіргі қылмыстық құқықтың-қылмыстың, қылмыстық жауапкершілік пен кінәнің мазмұндық және функционалдық қасиеттеріндегі болып жатқан және

қажетті өзгерістерді әлеуметтік-құқықтық түсінуге әрекет жасады, егер ерік - жігер болса, жамандық жасамау ниеті үшін қорлау мен жауапкершіліктің негізгі әлеуметтік құрылымы ретінде. Жаһандану мен әлеуметтік трансформация жағдайында теңсіздіктің әлеуметтік көбеюі сақталатындығы және осы негізде жауапсыз әлеуметтік-қауіпті мінез-құлықтың әртүрлі ескі және жаңа ауытқулары үшін әлеуметтік өріс объективті түрде кеңейетіні көрсетілген. Соған қарамастан, қылмыстық құқықты қылмысқа қарсы тұрудың негізгі құралы ретінде салыстыруға болмайды. Ол негізінен зорлық-зомбылыққа негізделген, сондықтан адам, қоғам және мемлекет үшін қауіпті емес, әсіресе жауапкершілік пен кінәліліктің басым факторлары адамдардың қарапайым және түсінікті ортақ мүдделері емес, басқа нәрсе болған кезде.

Түйін сөздер: кінә, айыптау, кінә, кінәнің нысаны, кінәнің дәрежесі, мотив, мақсат, саралау, даралау.

CRIMINAL LAW AND DIALECTICS OF SOCIAL RESPONSIBILITY AND GUILT IN CRIME

From the standpoint of the consistent integration of the rule of law into the system of criminal legal control of crime, the author made an attempt to socially and legally comprehend the ongoing and necessary changes in the content and functional properties of modern criminal law - crime, criminal liability and guilt, as the basic social structures of reproach and the inevitability of responsibility for intention to do evil in the presence of free will not to commit an evil deed. It is shown that in the context of globalization and social transformations, social re-production of inequality persists and on this basis the social field for various kinds of old and new deviations of irresponsible socially dangerous behavior is objectively expanding. However, criminal law should not be compared as the main tool in the fight against crime. Basically, it is violent, and therefore, unsafe for a person, society and the state itself, especially when the dominant factors of responsibility and guilt are not ordinary and understandable common interests of people, but something else.

Keywords: imputation, guilt, form of guilt, degree of guilt, motive, purpose, differentiation, individualization.

